

КЪ ИСТОРІИ

ФОРМЪ СПРЯЖЕНІЯ

В Ъ

БАЛТІЙСКИХЪ ЯЗЫКАХЪ.

Общее введеніе; образованіе формъ лица и основъ времени и наклоненія.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

В. К. Поржезинскаго.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ
1901.

PU
7700
Яз.

Извлечено изъ „Ученыхъ Записокъ" Императорскаго Московскаго Университета по Историко-филологическому факультету.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР
1032
52

Уже давно явилась у меня мысль заняться пересмотромъ исторіи формъ спряженія въ балтійскихъ языкахъ. Къ этому влекли меня какъ мои спеціальные интересы, сосредоточившіеся въ области литовско-славянскихъ языковъ съ самыхъ первыхъ шаговъ моихъ занятій лингвистикой, такъ и болѣе общія соображенія. Именно, я твердо вѣрю въ то, что дальнѣйшіе успѣхи нашей науки находятся въ тѣсной зависимости отъ разработки /въ послѣдовательномъ рядѣ монографій вопросовъ исторической грамматики отдѣльныхъ членовъ индоевропейской семьи языковъ. Какъ бы ни были интересны и поучительны попытки проникнуть далѣе эпохи распаденія индоевропейскаго праязыка, которая только и доступна непосредственному изученію, нельзя скрывать того, что при этихъ такъ называемыхъ «глоттогоническихъ»*) изслѣдованіяхъ въ настоящее время мы не имѣемъ возможности примѣнять тотъ методъ, которымъ создалось языковѣдѣніе, и безъ котораго оно немыслимо. Правда, по нѣкоторымъ отдѣльнымъ (весьма немногимъ) пунктамъ мы можемъ съ нѣкоторою увѣренностью дѣлать заключенія о болѣе отдаленномъ прошломъ на основаніи того, что мы знаемъ объ эпохѣ распаденія праязыка, но въ общемъ, повторяю, пока мы не откроемъ равносильной этому праязыку величины, съ которой можно будетъ его сопоставить, эпохи въ его жизни, предшествующія эпохѣ распаденія, будутъ для насъ доисторическими. Несмотря, однако, на все это за послѣднее десятилѣтіе вновь оживился интересъ къ попыткамъ раскрыть нѣкоторыя тайны индоевропейскаго праязыка. Съ другой стороны,

*) Этотъ терминъ неудобенъ уже по той причинѣ, что нерѣдко его употребляютъ и съ болѣе широкимъ значеніемъ, когда имѣютъ въ виду изслѣдованія по вопросу о происхожденіи языка вообще.

нельзя упускать изъ виду, что въ настоящее время, когда исторія отдѣльныхъ индоевропейскихъ языковъ уже выяснилась въ общихъ очертаніяхъ и даже многихъ деталяхъ, интересы лингвистовъ, посвящающихъ себя изученію исторической грамматики, должны быть сосредоточены на дальнѣйшей выработкѣ деталей. Къ болѣе широкимъ задачамъ, къ болѣе широкимъ обобщеніямъ въ этой области наука вернется снова, быть можетъ, не въ далекомъ будущемъ.

Итакъ, вотъ тѣ общія соображенія, съ которыми я приступалъ къ настоящей работѣ, первой въ ряду задуманныхъ монографій. Остается выяснить еще мое отношеніе къ моимъ предшественникамъ. Съ первыхъ же страницъ моего изслѣдованія внимательный читатель убѣдится въ томъ, что оно вышло изъ-подъ пера автора, принадлежащаго къ московской лингвистической школѣ, и что самая возможность появленія въ свѣтъ настоящаго труда обусловлена работами въ области исторической грамматики балтійскихъ и славянскихъ языковъ какъ главы школы, такъ и его ученика, профессора Г. К. Ульянова. Хорошо ли я усвоилъ себѣ отъ своего дорогаго учителя Ф. Ѳ. Фортунатова методы научнаго изслѣдованія и общіе взгляды, насколько я остался вѣренъ принципамъ его школы, судить не мнѣ,—во всякомъ случаѣ, я стремился къ тому по мѣрѣ силъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, я считаю долгомъ извиниться какъ передъ Ф. Ѳ. Фортунатовымъ, такъ и передъ всѣми другими лингвистами, трудами которыхъ я пользовался, въ томъ, что, можетъ быть, кое-гдѣ мною не сдѣлано на нихъ ссылокъ тамъ, гдѣ бы это слѣдовало. Вообще, я держался того принципа, что нѣтъ надобности ссылаться на авторовъ, если мысли или положенія, ими высказанныя, уже давно составляютъ общее достояніе и общеизвѣстны, иначе нельзя было бы сдѣлать ни одного шага безъ цѣлаго ряда цитатъ. Въ нѣкоторыхъ невольныхъ прегрѣшеніяхъ, почти неизбѣжныхъ при примѣненіи этого принципа, я и приношу извиненіе.

Москва. Февраль, 1901 г.

Объясненіе важнѣйшихъ сокращеній.

Arch. f. sl. Ph. Archiv fur slavische Philologie, herausgegeben von V. Jagić.

Berneker. Pr. Sp. (Spr.). E. Berneker. Die Preussische Sprache Strassburg. 1896.

Bezzenberger, Forsch. A. Bezzenberger. Litauische Forschungen Göttingen. 1882.

Bezzenberger, Gesch. A. Bezzenberger. Beitrage zur Geschichte der Litauischen Sprache, Göttingen. 1877.

Bezzenberger, LDSt. A. Bezzenberger. Lettische Dialekt-Studien. Göttingen. 1885.

Bezzenberger, Sp. Pr. L. A. Bezzenberger, Ueber die Sprache der preussischen Letten. Göttingen. 1888.

B. B. Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen, herausgegeben von A. Bezzenberger.

Bielenstein, Lett. Sp. (Spr.). A. Bielenstein. Die Lettische Sprache. Berlin. 1863—1864.

Brugmann, Gr. K. Brugmann und B. Delbrück. Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. Strassburg. B. I—V. 1886—1900.

J. F. Indogermanische Forschungen, herausgegeben von K. Brugmann und W. Streitberg.

Iuszkevicz, L. D. Lietùviškos Dájnos užrašytos par Antáną Iuškė vičę. Казань. 1880—1882. (указывается номеръ и строфа дайны).

Iuszkevicz, Sv. D. Литовскія свадебныя народныя пѣсни, записанныя Ант. Юшкевичемъ. Спб. 1883.

Kolberg, Pieśni ludu litewskiego. Kraków. 1879. (Оттиски изъ Rozpraw i Sprawozdań Wydziału filologicznego Akad. Umiejętności.).

Kurschat, Gr Fr Kurschat. Grammatik der Littauischen Sprache. Halle. 1886.

Kurschat, DLW. Fr. Kurschat Deutsch-Littauisches Worterbuch. Halle. 1870—1874.

Kurschat, LDW. Fr. Kurschat, Littauisch-Deutsches Worterbuch, Halle. 1883.

K Schl. Beitr. Beitrage zur vergleichenden Sprachforschung, herausgegeben von A. Kuhn und A. Schleicher.

K. Z. Zeitschrift fur vergleichende Sprachforschung. herausgegeben (begrundet) von A. Kuhn.

Leskien-Brugmann (нѣсколько разъ ошибочно *Brugmann-Leskien*). Litauische Volkslieder und Marchen gesammelt von A. Leskien und K. Brugmann. Strassburg. 1882.

Leskien, Ablaut. A. Leskien. Der Ablaut der Wurzelsilben im Litauischen. Leipzig. 1884

Leskien, Nomina. A. Leskien. Die Bildung der Nomina im Litauischen. Leipzig. 1891.

LLD. Litauische und Lettische Drucke des 16. und 17. Jahrhunderts, herausgegeben von Ad. Bezzenberger. I—IV.

Mitteilungen. Mitteilungen der Litauischen Litterarischen Gesellschaft.

Miezinis, Lietuviszkai-Latviszkai-Lenkiszkai-Rusiszkas žodynas. Tilzeje. 1894.

Nesselmann, Worterbuch. Nesselmann, Wörterbuch der littauischen Sprache. Königsberg. 1851.

Szirwid, Dict. Szirwid. Dictionarium trium linguarum.

Schleicher, Handb. A. Schleicher. Handbuch der Litauischen Sprache. Prag. 1856—1857.

Universitas. Universitas linguarum Lituaniae. Denuo edidit J. Rozwadowski. Cracoviae. 1896.

Wiedemann, Prät. O. Wiedemann. Das littauische Prateritum. Strassburg. 1891.

Вольтеръ, Кат.. Катихизисъ Даукши. Литовскій Катихизисъ Н. Даукши. Перепечатанный Э. Вольтеромъ. Спб. 1886.

Изв. II Отд. Извѣстія Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ.

Катихизисъ 1605 г. Katechizm Ledesmy wydał Dr. J. Bystroń.

Kraków. 1890. (Rozprawy i Sprawozdania wydziału filologicznego Akad. Umiejętności).

Р. Ф. В. Русскій Филологическій Вѣстникъ.

Сл., Юшкевичъ. Сл. Литовскій словарь А. Юшкевича Вып. I. Спб. 1897.

Ульяновъ. Основы. Г. Ульяновъ. Основы настоящаго времени въ старо-славянскомъ и литовскомъ языкахъ. Варшава. 1888.

Ульяновъ. Знач. Г. Ульяновъ. Значенія глагольныхъ основъ въ литовско-славянскомъ языкѣ. Части I и II. Варшава. 1891. 1895.

Фортунатовъ. Кр. Разб. (Р) Ф. Ѳ Фортунатовъ. Критическій разборъ сочиненія проф. Г. К. Ульянова. „Значенія глагольныхъ основъ въ литовско-славянскомъ языкѣ". Спб. 1897.

Фортунатовъ-Миллеръ. Ф. Фортунатовъ и Всев. Миллеръ. Литовскія народныя пѣсни. Москва. 1872. (Оттискъ изъ Универс Извѣстій).

ГЛАВА I.

Глаголъ и его формы въ языкѣ общеиндоевропейскомъ и въ балтійскихъ языкахъ.

Глаголъ, какъ извѣстно, является одною изъ такъ называемыхъ частей рѣчи. Опредѣленія тѣхъ классовъ словъ, которые въ школьныхъ грамматикахъ называются частями рѣчи, восходятъ въ общемъ къ опредѣленіямъ александрійскихъ грамматиковъ, жившихъ и дѣйствовавшихъ въ ту эпоху, когда еще не было, да и не могло быть по разнымъ условіямъ, того отношенія къ фактамъ языка и тѣхъ пріемовъ изслѣдованія, которые составляютъ достояніе новѣйшаго языковѣдѣнія. Въ настоящее время мы не можемъ допустить того смѣшенія грамматическихъ, логическихъ и психологическихъ категорій, которое господствовало въ древности и по традиціи продолжается частью и понынѣ; въ настоящее время мы не можемъ допустить того, чтобы при опредѣленіи классовъ словъ смѣшивались классы, которые создаются въ языкѣ присутствіемъ формъ отдѣльныхъ полныхъ словъ, съ классами, основанными на извѣстныхъ сходствахъ и различіяхъ реальныхъ значеній словъ, т. е. тѣхъ значеній, которыя принадлежатъ словамъ, какъ знакамъ предметовъ мысли. Тѣ классы словъ, которые образуются присутствіемъ въ языкѣ формъ отдѣльныхъ полныхъ словъ, я называю вслѣдъ за проф. Ф. Ѳ. Фортунатовымъ формальными, грамматическими классами, такъ какъ грамматика въ тѣсномъ смыслѣ этого термина есть тотъ отдѣлъ языковѣдѣнія, въ которомъ разсматриваются формы языка, не только формы отдѣльныхъ полныхъ словъ, но и формы словосочетаній. Слова языка, имѣющія общую форму или формы, соотносительныя между собою, образуютъ одинъ грамматическій классъ. Грамматическіе классы словъ, понятно, могутъ быть болѣе общими или менѣе

общими, а кромѣ того одинъ и тотъ же разрядъ словъ можетъ входить по формамъ цѣльныхъ словъ въ одинъ классъ, а по формамъ основъ принадлежать къ другому классу. Опредѣливъ для извѣстнаго языка тѣ формальные, грамматическіе классы, которые въ немъ являются, мы можемъ далѣе поставить вопросъ о значеніи найденныхъ нами классовъ словъ, какъ знаковъ классовъ предметовъ мысли. При этомъ нельзя упускать изъ виду того обстоятельства, что опредѣленные нами для извѣстнаго языка формальные классы полныхъ словъ мы не можемъ переносить безъ всякихъ затрудненій въ какой-либо другой языкъ: вѣдь факты другого языка могутъ не соотвѣтствовать найденнымъ нами разрядамъ.

Обращаясь послѣ этихъ необходимыхъ вступительныхъ замѣчаній къ вопросу о томъ, каково было отношеніе глагола къ другимъ словамъ въ общемъ индоевропейскомъ языкѣ, и чѣмъ является глаголъ въ балтійскихъ языкахъ. Вслѣдъ за проф. Ф. Ѳ. Фортунатовымъ я принимаю для общаго индоевропейскаго языка эпохи его распаденія два слѣдующихъ наиболѣе общихъ грамматическихъ класса словъ по формамъ цѣлыхъ словъ: 1) слова съ формами словоизмѣненія, т. е. формами, принадлежащими словамъ какъ частямъ предложенія, и 2) слова безъ формъ словоизмѣненія, при чемъ подклассъ А) заключаетъ въ себѣ слова съ формами словообразованія, т. е. формами принадлежащими словамъ какъ отдѣльнымъ знакамъ предметовъ мысли, и подклассъ В) обнимаетъ слова безъ всякихъ формъ отдѣльныхъ полныхъ словъ. Въ первомъ классѣ, заключающемъ въ себѣ слова съ формами словоизмѣненія, различаются въ свою очередь три подкласса: А) слова спрягаемыя, т. е. глаголы въ *тѣсномъ* смыслѣ этого термина; В) существительныя склоняемыя слова; С) прилагательныя склоняемыя слова, имѣющія кромѣ склоненія то словоизмѣненіе, которое называется согласованіемъ въ родѣ. На дальнѣйшихъ подробностяхъ и болѣе мелкихъ разрядахъ въ подклассѣ В) перваго класса я не могу останавливаться, такъ какъ это завело бы меня слишкомъ далеко, и разсматриваю дальше спеціально тѣ вопросы, которые касаются глагола, т. е. словъ спрягаемыхъ.

Глаголы обозначали, по опредѣленію проф. Ф. Ѳ. Фортунатова, въ основахъ глагольныхъ формъ (въ глагольныхъ основахъ) признаки въ ихъ происходящемъ во времени сочетаніи съ дѣятельностью субъектовъ, какъ дѣятельными вмѣстилищами признаковъ, а въ фор-

махъ словоизмѣненія глаголы обозначали такой признакъ въ сочетаніи его, открываемомъ въ сужденіи говорящаго, съ извѣстнымъ самостоятельнымъ предметомъ мысли (подлежащимъ даннаго сужденія), какъ съ субъектомъ даннаго признака. Признаки, обозначаемые глагольными основами, вообще двоякаго рода: 1) это дѣйствія, т. е. такіе признаки, сочетаніе которыхъ съ дѣятельностью субъекта образуется самою этою дѣятельностью, и 2) это состоянія, т. е. такіе признаки, сочетаніе которыхъ съ дѣятельностью субъекта дано уже для этой дѣятельности, т. е. произведено уже извѣстною дѣятельностью того или другого субъекта. Такимъ образомъ, напримѣръ, признакъ, обозначаемый основою русскаго глагола «вѣшаю», есть дѣйствіе, а признакъ, обозначаемый основою русскаго глагола «вишу» есть состояніе. Къ формамъ словоизмѣненія глагола въ общемъ индоевропейскомъ языкѣ, т. е. къ формамъ спряженія, принадлежали: 1) формы лица, 2) формы наклоненія, 3) формы времени, 4) формы вида и 5) формы залога. Въ формахъ лица въ общемъ индоевропейскомъ языкѣ обозначались извѣстныя различія въ субъектахъ даннаго признака, обозначаемаго глагольною основою, т. е. различались при этомъ лицо говорящее (1-ое лицо), лицо, къ которому обращаются съ рѣчью (2-ое лицо) и не-лицо рѣчи (3-е лицо), при чемъ въ каждой изъ этихъ формъ различались формы единственнаго, двойственнаго и множественнаго чиселъ. Формами наклоненія обозначалось здѣсь отношеніе сочетанія признака, обозначаемаго глагольною основою, съ субъектомъ этого признака къ дѣйствительности, извѣстной въ моментъ рѣчи, при чемъ формою косвеннаго наклоненія это сочетаніе обозначалось только какъ представляемое, а не какъ извѣстное изъ дѣйствительности, между тѣмъ какъ форма изъявительнаго наклоненія необозначала его какъ только представляемое и могла обозначать его какъ дѣйствительно существующее. Въ формахъ изъявительнаго наклоненія различались въ индоевропейскомъ языкѣ формы времени прошедшаго, будущаго и настоящаго, при чемъ эта послѣдняя форма имѣла два значенія: 1) значеніе собственно настоящаго времени и 2) значеніе общаго изъявительнаго наклоненія безъ отношенія къ опредѣленному времени. Формами времени обозначались такимъ образомъ въ индоевропейскомъ глаголѣ различія въ сочетаніи въ мысли признака, обозначаемою глагольною основою, съ субъектомъ этого признака по отношенію къ времени мысли, къ

времени рѣчи. Формами вида обозначались въ индоевропейскомъ глаголѣ извѣстныя различія въ признакѣ, обозначавшемся глагольною основою, по отношенію къ существованію его во времени. Наконецъ, формами залога обозначались въ общемъ индоевропейскомъ языкѣ извѣстныя различія въ отношеніи признака, обозначавшагося глагольною основою, къ субъекту этого признака. Формы вида и формы залога были въ общемъ индоевропейскомъ языкѣ извѣстными словообразовательными формами, по ихъ значенію, но по образованію они, какъ извѣстно, не отдѣлялись отъ формъ словоизмѣненія глагола, т. е. формъ спряженія, что и даетъ намъ право разсматривать ихъ вмѣстѣ съ формами лица, наклоненія и времени.

Какъ я сказалъ выше, глаголами въ тѣсномъ смыслѣ этого термина были въ индоевропейскомъ языкѣ слова, съ тѣми формами словоизмѣненія, которыя называются спряженіемъ, но терминъ глаголъ получаетъ и болѣе широкое значеніе въ томъ случаѣ, когда имѣютъ въ виду не только слова собственно спрягаемыя, но также и тѣ склоняемыя слова, которыя связаны съ глаголомъ по отношенію къ основѣ. Такого рода слова (прилагательныя и существительныя) не составляютъ одного грамматическаго класса съ глаголомъ по формамъ словоизмѣненія, составляя съ нимъ въ то же время одинъ грамматическій классъ по формамъ основъ, при чемъ такія прилагательныя имена, которыя имѣютъ общія съ глаголомъ и словообразовательныя формы въ основахъ, называются причастіями.

Обращаюсь теперь къ второй части вопроса, поставленнаго въ началѣ этой главы, а именно къ разсмотрѣнію вопроса о томъ, что такое глаголъ въ балтійскихъ языкахъ.

Въ балтійскихъ языкахъ такъ же, какъ и въ общемъ индоевропейскомъ языкѣ, мы находимъ два большихъ грамматическихъ класса словъ (именно по формамъ цѣлыхъ словъ): 1) слова съ формами словоизмѣненія и 2) слова безъ формъ словоизмѣненія. Въ первомъ классѣ различаются здѣсь слѣдующіе подклассы: А) слова спрягаемыя, т. е. глаголы въ тѣсномъ смыслѣ этого термина; В) существительныя склоняемыя слова; С) прилагательныя склоняемыя слова. Во второмъ классѣ различаются здѣсь слѣдующіе подклассы: А) слова, имѣющія словообразовательныя формы и В) слова, не имѣющія никакихъ формъ отдѣльныхъ полныхъ словъ. Признаки, обозначаемые глагольными основами, въ балтійскихъ языкахъ являются или дѣй-

ствіями, или состояніями; ср., напр., лит. *girìù, gìrti*—«хвалить»; лат. (въ формѣ возвратнаго залога) *dziriũs, dziřtes;* прусск. *girtwei* съ тѣмъ же значеніемъ; лит. *vedù, vèsti* — «вести», лат. *vedu, vest* — «вести», пр. *westwei* съ тѣмъ же значеніемъ; лит. *esmì, bùti*, лат. *esmu, bũt*, пр. *asmai, boũt*—«быть»; лит. *geidzù, gẽisti*—«желать, жаждать чего», пр. *gẽide*—ф. 3 л. отъ той же основы съ значеніемъ «ждать» (именно «они ждутъ»), ср. лат. *gaidu, gaidit*—«жду, ожидаю». Формы спряженія въ балтійскихъ языкахъ слѣдующія: 1) формы лица; 2) формы наклоненія; 3) формы времени; 4) формы вида и 5) формы залога. За подробностями относительно того, какія это именно формы, какъ они образуются, и съ какимъ значеніемъ они являются, я отсылаю къ соотвѣтственнымъ главамъ настоящаго изслѣдованія.

Что касается именъ существительныхъ и прилагательныхъ, составляющихъ одинъ грамматическій классъ съ глаголомъ въ тѣсномъ смыслѣ этого термина по основамъ словообразовательныхъ формъ, то въ балтійскихъ языкахъ такого рода имена частію утратили формы словоизмѣненія (склоненіе и согласованіе въ родѣ) и перешли такимъ образомъ въ подклассъ А второго класса, при чемъ, слѣдовательно, здѣсь (т. е. въ подклассѣ А) различаются: α) слова, связанныя съ глаголами по отношенію къ основамъ: 1) инфинитивъ и супинъ, 2) дѣепричастія; β) слова, не связанныя съ глаголами по основамъ и имѣющія въ свою очередь различное происхожденіе. Оба разряда словъ, обозначенные мною буквою α, имѣютъ общіе съ глаголомъ словообразовательныя формы въ основахъ (напр., формы вида). На дальнѣйшихъ подробностяхъ я здѣсь не останавливаюсь и отсылаю къ соотвѣтственнымъ главамъ изслѣдованія.

ГЛАВА II.

Образованіе формъ лица въ балтійскихъ языкахъ.

Въ окончаніи формы 1-го лица ед. ч. глаголовъ тематическаго спряженія съ непроизводными основами въ основѣ неопредѣленнаго мы находимъ въ формѣ настоящаго времени въ литовскомъ языкѣ —*u*, въ латышскомъ языкѣ —*u* и въ прусскомъ языкѣ —*a*; примѣры: лит. *vedù*, лат. *vedu*, пр. *imma* Въ формѣ возвратнаго залога мы находимъ въ литовскомъ и латышскомъ языкахъ въ положеніи передъ *s*(*i*) окончаніе —$\overset{\circ}{u}$. Такимъ образомъ гласная —*u* здѣсь въ окончаніи разсматриваемой формы представляетъ собою сокращеніе сложной гласной $\overset{\circ}{u}$ по общему закону о сокращеніи общебалтійской длительной долготы въ литовскомъ и латышскомъ языкахъ, а на длительное качество долготы этой сложной гласной указываютъ нисходящее качество ударенія въ литовскомъ языкѣ тамъ, гдѣ эта гласная подъ удареніемъ, и самый фактъ ея сокращенія при извѣстныхъ условіяхъ. По отношенію къ этому пункту всѣ лингвисты согласны между собою, и на немъ я не останавливаюсь долѣе. Что же такое представляетъ собою прусское —*a*, и каково его отношеніе къ лит.-лат. —$\overset{\circ}{u}$? Бернекеръ (Pr Sp.. p. 221 sq.) и Бругманъ (Gr. 1^2, p. 152) видятъ здѣсь *a* долгое и, въ связи съ общимъ взглядомъ на вопросъ о томъ, какой звукъ въ прусскомъ языкѣ соотвѣтствуетъ лит.-лат. $\overset{\circ}{u}$, возводятъ это прусское *a* къ той гласной общебалт. яз., которая дала въ результатѣ въ литовско-латышскую эпоху сл. гл. $\overset{\circ}{u}$. Такое рѣшеніе разсматриваемаго вопроса не представляется мнѣ убѣдительнымъ, такъ какъ я прежде всего не могу согласиться съ мнѣніемъ Бернекера (Pr. Sp., p. 148 sq.) и Бругмана (Gr. 1^2, p. 158), будто лит.-лат. $\overset{\circ}{u}$ въ прусскомъ языкѣ соотвѣтствуетъ $\bar{a}$. Противъ этого говорятъ факты, да и самъ Бернекеръ не скрываетъ

того, что для него ‹ein unerklarter Rest bleibt. (p. 152 sq.), т. е. для него неясно пр. *ō* наприм. въ *perōni*, по поводу котораго онъ задаетъ вопросъ; ‹Sollte hier doch ein *ō* (=lit. *ů*) vorliegen?› Бругманъ ничего не говоритъ о случаяхъ этого рода. Я держусь взгляда, высказаннаго проф. Фортунатовымъ (Р. Ф. В. т. XXXIII, стр. 266 сл.) и принимаю, что общебалтійское *ō* закрытое при томъ количествѣ долготы, которое подъ удареніемъ дало существованіе восходящему ударенію въ прусскомъ языкѣ, обратилось въ немъ въ *ū*, которое, какъ и *ū* съ восходящимъ удареніемъ другого происхожденія, обращалось далѣе въ *oū*, *aū*, между тѣмъ какъ изъ общебалтійскаго *ō* закрытаго съ другимъ качествомъ долготы получилось въ прусскомъ языкѣ *ō*, ср. взглядъ на этотъ вопросъ Зубатаго (В. В. 18, p. 245) О томъ, что я не вижу необходимости принимать для индоевр. праязыка двухъ видовъ *ō*, и о лит. *ů*, я уже говорилъ въ своемъ разборѣ книги Видемана ‹Handbuch der litauischen Sprache› (Р. Ф В. т. XXXIX, стр. 301 сл.) Къ сказанному здѣсь о лит *ō* изъ индоевр. *ā°* въ чередованіи съ гласными *e* и *a* изъ индоевр. *a^e*/*a°*, я долженъ прибавить, что факты прусскаго языка (ср., напр., пр. *sālin* съ лит. *žolē*, лат. *sůle*) позволяютъ намъ опредѣлить точнѣе эпоху, когда произошло вытѣсненіе палитовской гласной *ō* гласною *ā°*, а именно сопоставленіе между собою фактовъ литовскаго латышскаго и прусскаго языковъ свидѣтельствуетъ о томъ, что еще въ общебалтійскомъ языкѣ, въ извѣстную эпоху его существованія, гласная *ō* закрытое (изъ индоевр. *ā°*), полученная въ извѣстномъ чередованіи (общебалт. *e*: *a°*: *ē*: *ō*), была вытѣснена гласною *ā°* подъ вліяніемъ чередованія *e*: *a°* изъ индоевроп. *a^e*: *a°*, т. е. гласною, съ котораго совпало *ā°* изъ индоевр. *ā^a*, откуда лит. *ō*, лат. *ā*, пр. *ā*; понятно, что такое же *ā°* появилось въ общебалтійскомъ языкѣ и тамъ, гдѣ оно чередовалось только съ *ē*, какого бы ни было происхожденія это чередованіе. Такимъ образомъ факты прусскаго языка не оправдываютъ предположенія, что лит.-лат. *ů* соотвѣтствуетъ здѣсь *ā*, и одно уже это обстоятельство не позволяетъ мнѣ согласиться съ мнѣніемъ Бернекера и Бругмана относительно окончанія формы 1 л. ед. ч. наст. вр. глаголовъ тематическаго спряженія въ прусскомъ языкѣ. Помимо этого я не могу видѣть въ пр. *a* въ окончаніи этой формы именно *a* долгое. Противъ этого говорятъ слѣдующія обстоятельства: 1) сохраненіе *a* въ положеніи

послѣ *m* (*imma*), ср. *ū* изъ *ā* при положеніи послѣ губныхъ и задненебныхъ согласныхъ. (Pr. Sp., p. 154 sq.); 2) написаніе *e* въ *as taukinne*, которое встрѣчается только вмѣсто *a*, обозначающаго краткую гласную (Pr. Sp., p. 143), а въ прусскомъ языкѣ долгія гласныя конечнаго слога сами по себѣ не подвергались сокращенію; 3) написаніе *etwerpe* съ буквою *e*, которая пишется вмѣсто *ă* въ положеніи послѣ *j*, а это указываетъ на то, что звукъ изъ *a* краткаго въ данномъ фонетическомъ положеніи былъ во всякомъ случаѣ не гласный звукъ задняго нелабіализованнаго ряда, а принадлежалъ къ числу гласныхъ передняго нелабіализованнаго ряда (*e* или a^e), ср. Pr. Sp., p. 163 sq.; гласная же *ā* въ прусскомъ языкѣ и въ положеніи послѣ *j* оставалась гласною *a*, ср. такое написаніе, какъ *bia*. Отсутствіе обозначенія долготы въ *imma*, *laipinna* (а мы ждали бы здѣсь ударенія на конечномъ слогѣ, предполагая, понятно, *a*=лит.-лат. *ŭ*) само по себѣ, конечно, нисколько не свидѣтельствовало бы еще противъ мнѣнія Бернекера и Бругмана. Итакъ, въ пр. *a* въ окончаніи разсматриваемой формы я вижу *a* краткое по количеству. Вопросъ о происхожденіи этого *a* будетъ разсмотрѣнъ нѣсколько ниже, а пока я долженъ отмѣтить тотъ фактъ, что и прусскій языкъ своимъ *asmau* (1 разъ) при *asmu* (2 раза) указываетъ на окончаніе разсматриваемой формы *ū*, которое и соотвѣтствуетъ лит.-лат. *u* и получилось изъ общебалтійскаго *ō* закрытаго съ общебалтійской длительной долготой; пр. *asmu* съ *ū* при *asmau* такого же происхожденія, какъ лит. *esmù*, лат. *esmu* (см. статью проф. Фортунатова, Р, Ф. В. т. XXXIII стр. 266). Итакъ, всѣ балтійскіе языки, повидимому, свидѣтельствуютъ сами по себѣ о томъ, что въ общебалтійскомъ языкѣ окончаніемъ формы 1-го л. ед. ч. наст. вр. глаголовъ тематическаго спряженія съ непроизводными основами было *ō* закрытое.

Разсмотримъ теперь исторію этого общебалтійскаго *ō* закрытаго. Славянскіе языки, какъ извѣстно, указываютъ на общеславянское *ǫ* въ окончаніи разбираемой формы. Бругманъ объясняетъ это окончаніе изъ индоевропейскаго —*ām* въ окончаніи 1-го л. ед. ч. сослагательнаго наклоненія, которое, по его мнѣнію, вытѣснило старое —*ō* сперва у глаголовъ совершеннаго вида, форма настоящаго времени которыхъ получила значеніе будущаго времени (Gr. II, § 929), окончаніе же разсматриваемой формы въ общебалтійскомъ языкѣ

—$\bar{o}$ закрытое Бругманъ объясняетъ непосредственно изъ общеиндоевропейскаго $\bar{o}$ (т. е. $\bar{a}^{o}$). Съ этимъ мнѣніемъ, господствующимъ у нѣмецкихъ лигвистовъ, нельзя, однако, согласиться. Прежде всего непонятна была бы причина вытѣсненія въ общеславянскомъ языкѣ окончанія изъ индоевропейскаго —$\bar{a}^{o}$ окончаніемъ 1 л. ед. ч. сослагательнаго наклоненія, тѣмъ болѣе, что въ славянскихъ языкахъ мы не находимъ никакихъ слѣдовъ индоевропейскаго конъюнктива, да и по отношенію къ формѣ 1-го л. ед. ч. этого наклоненія индоевропейскіе языки не даютъ указаній на существованіе здѣсь въ проязыкѣ личнаго окончанія не главныхъ временъ. Ссылка Бругмана на то, что замѣна окончанія изъ индоевр. $\bar{a}^{o}$ произошла въ общеславянскомъ языкѣ прежде всего будто бы у глаголовъ совершеннаго (недлительнаго) вида, не можетъ имѣть никакого значенія, такъ какъ вѣдь форма «настоящаго времени» глаголовъ недлительныхъ въ славянскихъ языкахъ является не только съ значеніемъ общей формы изъявительнаго наклоненія, но и формою настоящаго времени съ извѣстнымъ значеніемъ, изъ котораго въ бо́льшей части славянскихъ языковъ (но не во всѣхъ) развилось значеніе формы будущаго времени (см. у проф. Ульянова, Знач. II, гл II E и у проф. Фортунатова, Кр. Р., стр. 137 сл.). Вслѣдъ за проф. Фортунатовымъ я принимаю для индоевропейскаго языка въ окончаніи формы 1-го л. ед. ч. настоящаго времени тематическаго спряженія —$\bar{a}^{o}n$ съ n некраткимъ подвижнымъ о чемъ онъ уже давно говоритъ въ своихъ университетскихъ чтеніяхъ, ср. также его «Разборъ сочиненія А. В. Попова: «Синтаксическія изслѣдованія» въ «Отчетѣ о 26 присужденіи наградъ гр. Уварова». Въ общеславянскій языкъ въ результатѣ перешло здѣсь индоевроп. —$\bar{a}^{o}n$, а что касается общебалтійскаго языка, то онъ получилъ, надо думать, только —$\bar{a}^{o}$: прусскій языкъ своимъ *asmu* указываетъ на общебалтійское $\bar{o}$, а литовское и латышское *u* непосредственно изъ $\mathring{\bar{u}}$ съ старой длительной долготой точно также получилось изъ общебалтійскаго $\bar{o}$. Имѣя въ виду исторію въ литовскомъ и латышскомъ языкахъ формы винительнаго мн ч. именъ и мѣстоименій муж. р. съ основами на индоевроп. a^{o}, гдѣ, правда, $\mathring{\bar{u}}$ съ длительной долготой не общебалтійское, мы могли бы допустить, что и въ окончаніи формы 1-го л. ед. ч. разсматриваемыхъ глаголовъ литовское и латышское $\mathring{u}$ непосредственно изъ $\mathring{\bar{u}}$; противъ такого предположенія говорило бы,

однако, то обстоятельство, что дифтонги и дифтонгическія сочетанія съ некратьой слоговой частью получали сокращеніе этой некраткой слоговой части, повидимому, еще въ общебалтійскомъ языкѣ; на это обстоятельство, объясняющее извѣстныя перенесенія ударенія въ балтійскихъ языкахъ, обратилъ мое вниманіе проф. Фортунатовъ.

Глаголы съ производными основами въ формѣ инфинитива являются въ балтійскихъ языкахъ по своему происхожденію однородными съ глаголами, имѣющими непроизводныя основы въ инфинитивѣ, именно по отношенію къ тому, что какъ тѣ, такъ и другіе глаголы заключали въ окончаніи основы praesentis такъ называемую тематическую гласную. Литовскій и латышскій языки представляютъ и въ этихъ глаголахъ въ окончаніи формы 1-го л. ед. ч настоящаго времени гласную *-u*, въ возвратной формѣ передъ *-s(i)* сложную гласную *ŭ̊* того же происхожденія, какъ и въ разсмотрѣнной выше категоріи глаголовъ. Примѣры: лит. *turiù*, лат. *turù*, представляющее новообразованіе въ основѣ; лит. *mazgóju*, лат *mazgáju;* лит. *buczĭ̊ju*, лат. *buczĭ̊ju;* лит. *âuklėju*, лат. *aulklėju*—и т. п. Въ глаголахъ класса *sakaĩ* мы находимъ въ литовскомъ языкѣ въ окончаніи разсматриваемой формы дифтонгъ—*au* изъ общебалтійскаго—$\bar{a}^0\bar{o}$, гдѣ $\bar{a}^0$ представляетъ собою гласную суффикса основы, за которой въ положеніи передъ гласной $\bar{o}$, получившейся изъ стяженія тематической гласной съ гласною личнаго суффикса, исчезло еще въ литовскославянскомъ языкѣ *i̯*. Въ возвратной формѣ мы находимъ у глаголовъ этого типа также *au* въ положеніи передъ—*s(i)*, напримѣръ, *sakaũs(i)*. Исторія этого *au* представляется въ слѣдующемъ видѣ. Общебалтійское — $\bar{a}^0\bar{o}$ въ литовсколатышскую эпоху должно было въ результатѣ обратиться въ—$\mathring{a}$-$\mathring{u}$, откуда фонетически литовское—*au*, по сокращеніи $\mathring{u}$ съ длительной долготой и по сокращеніи долгой слоговой гласной. Относительно возвратной формы я думаю, что *au* появилось здѣсь не подъ вліяніемъ формы невозвратной, такъ какъ допускаю возможность образованія—*ausi* непосредственно изъ *au̯osi*, болѣе древняго—$\mathring{a}\mathring{u}si$. Въ латышскомъ языкѣ глаголы класса лит. *sakaĩ* представляютъ новообразованіе по отношенію къ основѣ, о чемъ я буду говорить впослѣдствіи. Прусскій языкъ представляетъ у глаголовъ съ производными основами образованія формы 1-го л. ед. ч. наст. вр. по звукамъ, совпадающія съ соотвѣтственными образованіями формы 3-го л. Данныя, представляемыя памятниками прус-

скаго языка, см. у Нессельмана и Бернекера, я же ограничусь приведеніемъ немногихъ примѣровъ, по одному для каждой категоріи случаевъ. Примѣры: *turri, posinna, billē* при *billi, madli, crixtia* и т. п. По отношенію къ совпаденію по звукамъ съ формою 3-го л. являются однородными съ этими случаями упомянутые уже мною въ другой связи *imma, taukinne, etwerpie*. Мой взглядъ на происхожденіе всѣхъ этихъ образованій слѣдующій. Какъ мы вскорѣ увидимъ форма 3-го л. praes., общая для всѣхъ чиселъ, въ балтійскихъ языкахъ, по справедливому общепринятому объясненію, является извѣстнымъ новообразованіемъ по отношенію къ личному суффиксу, а именно мы здѣсь находимъ перенесеніе окончанія 3-го лица единств. числа, полученнаго въ образованіяхъ прошедшаго времени, гдѣ въ индоевропейскомъ языкѣ являлось личнымъ суффиксомъ *-t*, которое должно было исчезнуть по общему закону еще въ литовскославянскомъ языкѣ; такимъ образомъ въ общебалтійскомъ языкѣ форма 3-го л. ед. ч. образованій прошедшаго времени оканчивалось въ тематическомъ спряженіи на гласную основу, и такое же окончаніе явилось здѣсь и въ формѣ 3-го л. ед. ч. настоящаго времени, о чемъ я буду говорить подробно въ концѣ настоящей главы. Въ силу извѣстныхъ процессовъ о которыхъ см. ниже, и форма 3-го л. мн. и дв. ч. совпала по звукамъ съ формою 3-го л. ед. ч. Итакъ, въ значеніи формы 3-го л. пр. *turri* соотвѣтствуетъ лит. *turi*, пр. *(po)sinna*—лит. *žino*; пр. *bille* при *billi* представляетъ основу на *ē* при основѣ на *ī* (о взаимномъ отношеніи этихъ основъ я буду говорить въ соотвѣтственной главѣ); пр. *madli* представляетъ основу на *ī* и т. д. пр. *imma* представляетъ основу на *a* (изъ $a^{\bullet}$), *taukinne* такую же основу съ извѣстнымъ суффиксомъ, *etwerpie* основу на литовскославянское *ja°/je*. Какое же происхожденіе имѣютъ эти образованія въ значеніи формы 1-го л. ед. ч.? По моему мнѣнію, въ ту эпоху, когда въ общебалтійскомъ языкѣ въ прочихъ формахъ лица всюду появились суффиксы, полученные первоначально въ формахъ прошедшаго времени, и въ окончаніи формы 1-го л. ед. ч. отъ основъ тематическаго спряженія на *a*, при старомъ *-ō*, появились образованія на *-an*, гдѣ конечное *-n* изъ литовскославянскаго *-n*, которое въ свою очередь изъ стараго *-m*. Въ глаголахъ съ основами настоящаго времени на балтійское *i* здѣсь существовало при старомъ окончаніи формы *ō* новое окончаніе *-in*. Въ глаголахъ съ производными основами на долгое $\bar{a}^{\circ}$, которое въ

прочихъ формахъ лица получилось изъ стяженія долгой гласной $\bar{a}^0$ съ слѣдующей краткой гласной a^0 въ окончаніи основы тематическаго спряженія, здѣсь было, слѣдовательно, въ окончаніи разсматриваемой формы $\bar{a}^0\bar{o}$ при $\bar{a}^0n$. Аналогичные варіанты существовали здѣсь и въ глаголахъ съ производными основами на $\bar{e}$ и $\bar{i}$. Въ силу взаимнаго вліянія однихъ образованій на другія, общебалтійскій языкъ получилъ въ результатѣ образованія второго типа безъ n. Затѣмъ, въ дальнѣйшемъ существованіи общебалтійскаго языка, одни діалекты продолжали сохранять образованія второго типа, а другіе діалекты утратили совершенно образованія второго типа. Образованія формы 1-го л. ед. ч. въ прусскомъ языкѣ объясняются такимъ образомъ изъ старыхъ образованій второго типа безъ n, а литовсколатышскія образованія получились изъ образованій перваго типа. Прусское *asmu*, получившееся изъ общебалтійскаго *asmō* (см. ниже), гдѣ $\bar{o}$ подъ вліяніемъ окончанія 1-го л. ед. ч. тематическаго спряженія существовало еще до эпохи появленія образованій второго типа, представляетъ собою, понятно, особаго рода случай.

Въ формѣ будущаго времени которое имѣетъ въ балтійскихъ языкахъ вообще, а въ разсматриваемой формѣ лица исключительно, основу на *i* (такого же происхожденія какъ и въ основахъ настоящаго времени на *i*), слѣдовательно, старую основу тематическаго спряженія при нетематической основѣ, являющейся напр. въ литовскомъ языкѣ въ извѣстныхъ фомахъ лица, мы находимъ въ формѣ 1-го л. ед. ч. то-же *-u* въ окончаніи, что и въ формѣ настоящаго времени; въ возвратной формѣ и здѣсь является въ литовскомъ и латышскомъ языкахъ *ů* въ положеніи передъ *-s(i)*. Изъ прусскаго языка нами разсматриваемая форма намъ неизвѣстна. Примѣры: лит. *âugsiu*, лат. *aûgszu*. гдѣ латышское *sz* изъ *sį*.

Въ образованіяхъ прошедшаго времени, которое, по своему происхожденію, заключаютъ въ себѣ основы тематическаго спряженія, мы находимъ тѣ же личныя окончанія, что и въ формѣ настоящаго времени отъ однородныхъ по образованію основъ. Въ индоевроп. языкѣ, какъ извѣстно, въ формахъ прошедшаго времени были такъ называемые «вторичные» личные суффиксы (secundäre Personalendungen—у нѣмецкихъ лингвистовъ). Балтійскіе языки не представляютъ какихъ-либо различій между формами прошедшаго и настоящаго времени по отношенію къ образованію формъ лица, именно

въ самыхъ суффиксахъ. На причинахъ этого явленія я остановлюсь нѣсколько ниже, такъ какъ этотъ вопросъ, понятно, относится не только къ одной формѣ 1-го л. ед. ч., которую я пока разсматриваю. Прусскій языкъ представляетъ въ своихъ *laipinna* и *billai* то же явленіе, съ которымъ мы познакомились выше: и здѣсь образованія 1-го л. ед. ч. совпадаютъ по звукамъ съ образованіями 3-го л., при чемъ въ *billai* мы находимъ въ окончаніи ту же частичку *ai*, что и въ формѣ 3-го л.; *ai* въ *billai* непосредственно изъ *ā* въ окончаніи основы + *-ai;* долгота здѣсь, правда, необозначена, но въ образованіяхъ 3-го л. эта долгота частію обозначена (см. проф. Фортунатовъ, Уд. Р. Ф. В , т. XXXIII, стр. 269). Само *ā* въ *billai* и *laipinna* такого же произхожденія какъ и *ā* въ *-sinna;* этому пр. *ā* соотвѣтствуетъ лит. *ō* въ *žìno* и т. п. образованіяхъ. Въ литовскомъ языкѣ въ окончаніи разсматриваемой формы мы находимъ въ зависимости отъ различія въ образованіи основы частію *-au*, частію *-au* въ положеніи послѣ смягченной согласной: напр. *kirtaũ*, *neszíaũ*. Что касается окончанія *-au* то оно такого же происхожденія, какъ и *au* въ *mataũ*, о которомъ я уже говорилъ, такъ какъ и въ *kirtaũ*, и въ *mataũ* основы на общебалтійское *ā*°. Въ такихъ образованіяхъ, какъ *neszíaũ* мы находимъ основу на общебалтійское *ē* (см. пр. Фортунатовъ, Кр. Р., стр. 41). На происхожденіе дифтонга *au*, которому предшествуетъ смягченная согласная, я смотрю такъ же, какъ проф. Ульяновъ (см. стр. 184), Видеманъ (L. Pr. 184), и проф. Фортунатовъ, т. е. и я принимаю, что дифтонгъ *'au* здѣсь изъ дифтонга *ēu*, который долженъ былъ получить сокращеніе долгой слоговой гласной еще въ общебалтійскую эпоху, ранѣе измѣненія *ē* въ литовское *ē* закрытое *(ė)*. Наконецъ, что касается латышскаго языка, то здѣсь окончаніе формы 1-го л. единств. ч. прош. вр. не отличается отъ окончанія формы 1-го л. единств. ч. наст. вр., при чемъ по отношенію къ основѣ формы латышскій языкъ представляетъ извѣстное новообразованіе, т. е. и въ окончаніи 1-го л. ед. ч. прош. вр. латышскій языкъ представляетъ то же *-u*, что и въ формѣ настоящаго времени, при чемъ этому *-u* частію предшествуетъ согласная или согласная слитная изъ старой смягченной согласной (ср. лит. *-'au*); напр., *augu*, *mazgãju*, *nãcu*, *neszu* при *nesu* и т. д.

Суффиксомъ 1-го л. ед. ч. наст. вр. нетематическаго спряженія

было въ индоевропейскомъ праязыкѣ, какъ извѣстно, — *mi*, откуда литовскославянское *-mi*, общебалтійское *-mi*. Литовскій языкъ въ тѣхъ сравнительно немногочисленныхъ случаяхъ, гдѣ являются здѣсь основы настоящаго времени нетематическаго спряженія, представляетъ въ окончаніи разсматриваемой формы *-mi*, напр. *eimì*, *dèmi*, *esmì* и т. п. Надо, однако, замѣтить, что современные говоры литовскаго языка сохраняютъ старое нетематическое спряженіе еще въ меньшей степени, чѣмъ то засвидѣтельствовано старыми текстами, а во многихъ изъ нихъ его уже не существуетъ (форма *esì* не характерна) *). Среди глаголовъ съ старыми нетематическими основами настоящаго времени особое мѣсто занимаетъ глаголъ «быть» потому именно, что здѣсь мы находимъ чередованіе основъ отъ двухъ глагольныхъ корней лит.-слав. *es* и *bū*; это обстоятельство вызвало такія новообразованія, какъ напр. велёнское *búnu* (Сл. 257), *búvu* (тамъ же), гдѣ мы находимъ новообразованіе не только по отношенію къ окончанію, подобно другимъ глаголамъ нетематическаго спряженія, но и по отношенію къ основѣ. Другіе глаголы нетематическаго спряженія вообще вмѣсто суффикса *-mi* представляютъ окончаніе *-u*, заимствованное у глаголовъ тематическаго спряженія, ср. *dûdu*, *dêdu*, *einù* (объ основѣ въ этомъ послѣднемъ глаголѣ я говорю ниже). Глаголъ «быть» представляетъ ту особенность, что, помимо уже приведенныхъ новообразованій и помимо *esù* аналогичнаго съ *dûdu*, онъ сохраняетъ въ извѣстныхъ говорахъ и звукъ *m* въ суффиксѣ, т.-е. представляетъ такое образованіе, какъ *asmù* (годлевскій говоръ, *Brugmann-Leskien*, p. 318), гдѣ *a* изъ *e*, *esmù* (велёнскій говоръ, *Juszkevicz, L. D.*, 71, 1), годлевское *nesmiu*— «не есмь» (встрѣчается 1 разъ въ пѣсняхъ, записанныхъ Бругманомъ, № 17, 4), людвиновское *asmiu* (Фортунатовъ-Миллеръ, стр. 11); изъ другихъ говоровъ данныхъ не привожу. Нерѣдко въ одномъ и томъ же говорѣ является нѣсколько разсматриваемыхъ образованій (ср. напр. говоры велёнскій и годлевскій). Латышскій языкъ представляетъ въ глаголахъ съ старымъ нетематическимъ спряженіемъ лишь тематическое спряженіе (*esi* не характерно), но въ *esmu* **),

*) Въ дополненіе къ примѣрамъ, даваемымъ Бецценбергеромъ, приведу *duomi* (Катихизисъ 1598 г., 146), *miegmi* (Punktay Sakimu Ширмида, 118,1)

**) Въ діалектахъ извѣстно и *eszu* (Bezzenberger, LDSt. p. 164), *asu* (Bezzenber-

eimu (*emu*), *dů̊mu* при *dů̊du*, *ėmu* при *ėdu* мы находимъ такое же *-mu*, какъ и въ литовскомъ *esmù*. *Bielenstein* въ § 407 своего сочиненія «*Die lettische Sprache*» проводитъ діалектическія *rů̊mu* и *krėimu*, гдѣ мы находимъ окончаніе *-mu*, повидимому, въ глаголахъ съ старымъ тематическимъ спряженіемъ *praesentis*. Прусскій языкъ при *asmai*, гдѣ мы находимъ суффиксъ *-mai* изъ индоевропейскаго суффикса 1-го л. ед. ч. наст. вр. нетематическаго спряженія *medii* *-ma*^{a}*i*, представляетъ также *asmu*, *asmau* съ такимъ *-mu*, параллель которому мы нашли въ литовскомъ и латышскомъ языкахъ. Это обстоятельство позволяетъ сдѣлать тотъ выводъ, что замѣна суффикса *-mi* въ окончаніи разсматриваемой формы суффиксомъ *-mu* должна была произойти еще въ общебалтійскомъ языкѣ, по крайней мѣрѣ въ глаголѣ «быть» (ср. статью проф. Фортунатова объ удареніи въ прусскомъ языкѣ, Р. Ф. В., т., XXXIII стр. 267). Въ формѣ возвратнаго залога мы находимъ въ литовскомъ языкѣ въ окончаніи разсматриваемой формы *-mës(i)* при *-mi* въ формѣ дѣйствительнаго залога; ср. *dů̊mies* (Катихизисъ Даукша, p. 132), Катихизисъ 1598 г. (Arch. f. Sl. Ph. XIII, p. 567) и примѣры изъ нѣкоторыхъ другихъ старыхъ текстовъ у Бецценбергера (Gesch. p. 198). Это *-me* слѣдуетъ сопоставлять съ прусскимъ *-mai*, т.-е. видѣть въ немъ по происхожденію суффиксъ 1-го л. ед. ч. наст. вр. нетематическаго спряженія *medii*. Въ формѣ дѣйствительнаго залога этому *-më* соотвѣтствуетъ *-mi*. Бругманъ (Gr. II, § 983) высказалъ предположеніе, что и *-mi* въ формѣ дѣйствительнаго залога частію можетъ быть объясняемо изъ *-mė*; изъ этого предположенія вытекаетъ другое, а именно, что литовскій языкъ въ извѣстную эпоху его существованія, которой Бругманъ не опредѣляетъ, смѣшалъ въ употребленіи суффиксы 1-го л. ед. ч. *activi* и *medii* и затѣмъ обобщилъ *-mė* въ новой формѣ возвратнаго залога по аналогіи отношенія, существовавшаго въ глаголахъ тематическаго спряженія. Эта гипотеза основана на томъ предположеніи, что сл. гл. *ė* въ *-mė* имѣла длительную долготу. Мнѣ кажется, однако, что Брыгманъ не былъ бы въ состояніи доказать это послѣднее предположеніе, напротивъ, по моему мнѣнію, есть данныя, которыя свидѣтельствуютъ противъ него.

---

ger, l. c. p 114) съ діалектическимъ *a* изъ *e*, ср. *esu* въ другихъ говорахъ (Bezzenberger, Sp. Pr. L., p. 125).

Прежде всего нѣтъ никакихъ основаній принимать въ данномъ случаѣ для индоевропейскаго проязыка дифтонгъ съ некраткою неслоговою частію: греческій языкъ указываетъ на краткость этой послѣдней. Если общебалтійскій языкъ получилъ здѣсь дифтонгъ *ai* съ *i* краткимъ, то мы ждали бы прерывистую долготу и далѣе восходящее удареніе. Правда, намъ извѣстны случаи, гдѣ общебалтійскій дифтонгъ *ai* съ прерывистою долготою далъ въ литовско-латышскую эпоху сл. гл. *ē* съ длительною долготою, но случаи этого рода (им. мн. ч. м. р. мѣстоименій, а затѣмъ и прилагательныхъ, энклитическія формы дат. ед. личныхъ словъ) всѣ представляютъ такое *ē* въ односложныхъ словахъ. Итакъ, я думаю, нѣтъ основаній объяснять литовское *-mi* въ окончаніи разсматриваемой формы, по крайней мѣрѣ, частію изъ *-mē*. Я не отрицаю того, что въ извѣстную эпоху жизни литовскаго языка здѣсь дѣйствительно смѣшались въ употребленіи старые суффиксы индоевроп. *activi* и *medii*, но затѣмъ въ эпоху возникновенія новой формы возвратнаго залога эти суффиксы распредѣлились какъ суффиксы невозвратной и возвратной формъ въ связи съ отношеніемъ этихъ формъ и въ другихъ образованіяхъ. Обстоятельство, аналогичное этому послѣднему повліяли и на сохраненіе *-mė* въ сложеніи съ постпозиціями, такъ какъ и здѣсь было подобное вліяніе съ стороны другихъ образованій.

Объ окончаніи 1-го л. ед. ч. въ литовскомъ желательномъ и латышскомъ условномъ наклоненіяхъ я скажу отдѣльно въ связи съ исторіей окончаній въ прочихъ формахъ лица, такъ какъ здѣсь возникаетъ цѣлый рядъ вопросовъ, которые могутъ быть рѣшены лишь въ связи съ исторіей образованія самой основы.

Въ окончаніи 2-го лица ед. ч. глаголовъ тематическаго спряженія съ непроизводными основами инфинитива мы находимъ въ литовскомъ и латышскомъ языкахъ окончаніе *—i*; напр., лит. *vedì*, лат. *vedi*; лит. *glõbi*—«ты обнимаешь», лат. *glàbi*—«ты спасаешь»; лит. *jõji*, лат. *jàji* и т. п. Въ формѣ возвратнаго залога мы находимъ здѣсь въ положеніи передъ—*s*(*i*) въ литовскомъ языкѣ сложную гласную *ẽ*, въ латышскомъ языкѣ передъ *s* также *ẽ*. Литовское и латышское *i* въ окончаніи разсматриваемой формы представляетъ собою сокращеніе литовско-латышской сложной гласной *ẽ* съ длительной долготой, которая и сохраняется въ формѣ возвратнаго залога, при другомъ фонетическомъ положеніи, и является въ литов-

скомъ языкѣ въ положеніи подъ удареніемъ, съ нисходящимъ качествомъ ударенія. Что касается глаголовъ съ производными основами въ неопредѣленномъ, то и здѣсь мы находимъ въ литовскомъ языкѣ также *i* въ окончаніи, при *ē* въ формѣ возвратнаго залога въ положеніи передъ *-s(i)*, именно въ тѣхъ изъ такихъ глаголовъ, гдѣ самъ суффиксъ основы настоящаго времени не заключалъ въ себѣ долгой гласной, происшедшей изъ стяженія старой долгой гласной съ краткою гласною въ окончаніи суффикса основы настоящаго; напр., лит. *âukleji*, лит. *turì*. Въ латышскомъ языкѣ, въ его литературномъ нарѣчіи, мы находимъ *i* въ окончаніи разсматриваемой формы въ классѣ глаголовъ лит. *turiù-tureti*, лат. *turu-turèt*, прочіе же глаголы представляютъ здѣсь въ окончаніи формы одну долгую гласную; напр., *mazgà*, *lukû*, *velè*, *tirì* и т. п. Въ формѣ возвратнаго залога въ латышскомъ языкѣ всюду являются образованія на *ē* въ положеніи передъ *s*; напр., *mazgâjẽs*, *velẽjes* и т. п. Наконецъ, въ прусскомъ языкѣ съ окончаніемъ разсматриваемой формы, тождественнымъ по происхожденію съ литовсколатышскимъ *ė*, изъ числа глаголовъ съ производными основами въ неопредѣленномъ, гдѣ самъ суффиксъ основы настоящаго времени не оканчивался на долгую гласную, намъ засвидѣтельствованы *turri*, пишется и *turrei*, *tūlninai*, *sātuinei*, *etwēre*, *rikawie*. Бернекеръ (Pr. Sp., p. 221) видитъ въ написаніи *i* въ *turri*, встрѣчающемся чаще сравнительно съ *turrei*, одинъ изъ случаевъ, гдѣ вмѣсто конечнаго *ei* намъ передано въ Катихизисѣ III *i*; въ такихъ написаніяхъ, какъ *etwēre*, *rikawie*, онъ видитъ случай аналогичный написанію *pergimie* вмѣсто *pergimiei*, т. е. принимаетъ здѣсь въ окончаніи *ei*. Въ этомъ я съ нимъ согласенъ, хотя я не раздѣляю его взгляда на происхожденіе разсматриваемыхъ образованій по отношенію къ окончанію самой формы, о чемъ я скажу нѣсколько ниже. Такимъ образомъ мы видимъ, что факты литовскаго и латышскаго языка указываютъ на литовсколатышскую сложную гласную *ē* въ окончаніи разсматриваемой формы въ глаголахъ тематическаго спряженія съ непроизводными и извѣстными производными основами въ непредѣленномъ. Принимая во вниманіе то обстоятельство, что еще въ общебалтійскомъ языкѣ въ глаголахъ тематическаго спряженія гласная *e* въ окончаніи основы настоящаго, полученная въ извѣстныхъ формахъ лица, была вытѣснена гласною

Издание [illegible] СССР

a, я вывожу для эпохи литовсколатышскаго единства, именно для той эпохи, которая предшествовала измѣненію дифтонговъ *ei* и *ai* при какихъ-то условіяхъ въ сложную гласную *e*, дифтонгъ *ai* въ окончаніи разсматриваемой формы. Этому литовско-латышскому *ai* соотвѣтствуетъ прусское *ai* въ *tūlninai*; въ *etivēre*, *rikawie* мы находимъ *ei* изъ *ai* по извѣстному закону прусскаго языка; что касается *turri* при *turrei* и *sātuinei*, образованнаго по аналогіи глаголовъ класса *turrei*, то здѣсь мы имѣемъ такое же *ei*, какъ и въ *etivēre* Такимъ образомъ всѣ балтійскіе языки свидѣтельствуютъ о томъ, что въ общебалтійскомъ языкѣ въ окончаніи разсматриваемой формы являлся дифтонгъ *ai*, при чемъ и въ глаголахъ съ основами на *i* (класса лит. *turiù*) здѣсь былъ тотъ же дифтонгъ. Бругманъ объясняетъ литовское *i* въ окончаніи 2-го л. ед. ч. настоящаго времени глаголовъ тематическаго спряженія слѣдующимъ образомъ (Gr. II, § 991): по его мнѣнію, это *i* перенесено изъ *esì*, а *ë* въ формѣ возвратнаго залога обязано своимъ происхожденіемъ вліянію *esè* съ суффиксомъ индоевропейскаго *medii*, сохранившемуся напр. въ сложеніи съ постпозиціей *gu*. Бернекеръ (Pr. Sp., p. 220) объясняетъ прусское *ai* подобнымъ же вліяніемъ *assai*. Это мнѣніе представляется мнѣ неубѣдительнымъ по той причинѣ, что для меня остается непонятнымъ, какимъ образомъ единичное *esi* могло повліять на появленіе окончанія *i* во всѣхъ прочихъ глаголахъ, и я принимаю то объясненіе, которое даетъ проф. Ф. Ѳ. Фортунатовъ общебалтійскому *ai* въ своихъ университетскихъ лекціяхъ, а именно, на основаніи сопоставленія между собою фактовъ балтійскихъ и славянскихъ языковъ, а также фактовъ греческаго языка, онъ принимаетъ для индоевропейскаго языка въ разсматриваемой формѣ образованіе на *-a°i* при другомъ образованіи на *-a°si*. Что касается глаголовъ класса литовскаго *turiù*, то здѣсь въ окончаніи 2-го л. ед. ч. настоящаго времени мы находимъ въ общебалтійскомъ языкѣ новообразованіе: отдѣльные балтійскіе языки указываютъ здѣсь на то-же *ai*, что и въ другихъ глаголахъ тематическаго спряженія съ краткимъ *a* въ окончаніи основы настоящаго времени. Въ индоевропейскомъ языкѣ здѣсь, надо думать, существовало *i̯* въ окончаніи самой формы.

По поводу указанныхъ мною выше латышскихъ (въ литературномъ нарѣчіи) *mazgà* и т. п. образованій замѣчу, что въ діале-

ктахъ сохраняются и болѣе полныя формы на *-ji*, частью на *j*, т. е. $\hat{i}$ (Bielenstein, Lett. Sp., § 413, Bezzenberger, LDS t. p. 164, Bezzenberger, SPL, p. 86), а объ отношеніи тѣхъ и другихъ образованій другъ къ другу я скажу ниже при разсмотрѣніи повелительной формы 2-го л. ед. ч.

Въ тѣхъ производныхъ глаголахъ, которые представляютъ въ окончаніи основы настоящаго времени въ извѣстныхъ формахъ лица долгую гласную изъ стяженія долгой гласной + краткая гласная въ окончаніи суффикса основы, мы находимъ въ литовскомъ языкѣ дифтонгъ *ai* въ окончаніи формы 2-го л. ед. ч. настоящаго времени напр. *sakaĩ*. Это *ai* получилось изъ стараго $\bar{a}^{o}\hat{i}$, которое въ свою очередь изъ $\bar{a}^{o}a^{o}i$, стянувшагося еще въ литовско-славянскомъ языкѣ. Въ латышскомъ языкѣ мы находимъ въ этихъ гласныхъ новообразованіе по отношенію къ самой основѣ. Прусское *billi* (основа на $\bar{i}$), т. е. *billei*, объясняется, по моему мнѣнію, такъ же, какъ прусское *turrei*.

Кромѣ образованій, тождественныхъ по отношенію къ происхожденію окончанія разсматриваемой формы съ соотвѣтственными литовсколатышскими образованіями, прусскій языкъ представляетъ въ глаголахъ тематическаго спряженія, съ производными и непроизводными основами, и другой индоевропейскій суффиксъ, именно *si*, существовавшій здѣсь при томъ *i*, которое вошло въ составъ окончанія $a^{o}i$, а также индоевропейскій суффиксъ $sa^{o}i$ въ формѣ *medii*. Изъ глаголовъ съ непроизводными основами въ неопредѣленномъ намъ засвидѣтельствовано *giwassi*, *giwasi* (послѣднее одинъ разъ), а изъ глаголовъ съ производными основами намъ переданы: *etskīsai*, *druwēse* (т. е. *druwēsi*), *seggēsei* (т. е. *seggēsi*). Тѣ прусскія образованія, которыя въ формѣ 2-го л. совпадаютъ съ формою 3 л. (напр. *druwē*), я объясняю согласно съ Бернекеромъ (Pr. Sp., p. 221) вліяніемъ аналогіи со стороны глаголовъ имѣвшихъ въ окончаніи разсматриваемой формы *ai*, при чемъ, слѣдовательно, формы 2-го и 3-го л. совпадали по звукамъ.

Въ формѣ прошедшаго времени мы находимъ въ литовскомъ языкѣ окончанія *-ai* и *-ei* въ зависимости отъ различія въ основѣ; напр. *imaĩ*, *sakeĩ*. Эти *ai* и *ei*, при *-ais(i)* и *-eis(i)* въ формѣ возвратнаго залога объясняются подобнымъ же образомъ, какъ и *au* и *'au* изъ *ĭu*

въ окончаніи формы 1-го л. ед. ч. *). Въ латышскомъ языкѣ мы находимъ то же новообразованіе, что и въ формѣ 1-го л. ед. ч., ср. *pìni*, *nâci*, *mazgājì* и т. п. Въ дошедшихъ до насъ текстахъ прусскаго языка разтматриваемая форма не засвидѣтельствована.

Въ формѣ будущаго времени мы находимъ въ окончаніи 2-го л. ед. ч. въ литовскомъ и латышскомъ языкахъ то же *i* (возвр. *ie*), что и въ *turi*; напр. лит. *âugsi*, лат. *aũgsi*. Въ прусскомъ языкѣ намъ засвидѣтельствовано *postāsei*, которое Бернекеръ (Pr. Sp., p. 220) склоненъ объяснять, какъ форму будущаго времени; по моему мнѣнію, мы здѣсь дѣйствительно имѣемъ по происхожденію 2-ое л. ед. ч. будущаго времени съ такимъ же окончаніемъ, какъ и прусское *turrei*.

Въ глаголахъ съ старымъ нетематическимъ спряженіемъ въ формѣ настоящаго литовскій языкъ представляетъ въ окончаніи 2-го л. ед. ч. *-si*, въ формѣ возвратнаго залога *-ses(i)*. По поводу примѣровъ, приведенныхъ Бецценбергеромъ изъ старыхъ текстовъ (Gesch., p. 198), замѣчу, что такое написаніе, какъ *esse* у Бреткуна передаетъ, понятно, *esi*, ср. *esme* у него же, которое Бецценбергеръ объясняетъ какъ *esmë*. Въ латышскомъ языкѣ мы находимъ только одно соотвѣтственное образованіе, именно *essi*, т. е. *esi*. Въ прусскомъ языкѣ намъ засвидѣтельствованы: *assai*, *assei*, *asse*; *eisei*, *dāse*, *waissei*, *waisse*. Прусскій дифтонгъ *ai* тождественъ по происхожденію съ литовскимъ *ë*, а написаніе *e* передаетъ здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, прусское открытое *i*; что касается написанія *ei*, то оно также передаетъ звукъ *i*, ср. *warein*, но не *giwei*, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ *ī* (ср. Berneker, Pr. Sp., p. 220, 219). Итакъ, балтійскіе языки свидѣтельствуютъ о томъ, что въ глаголахъ нетематическаго спряженія было ими получено изъ

*) Встрѣчающіяся у Бреткуна и приведенныя Бецценбергеромъ въ Gesch. на стр. 203 *nepastauge* и *paete* въ значеніи формъ 2-го л. ед. ч. представляютъ не какое-либо сокращеніе конечнаго *ei* въ *e*, а просто ошибочныя написанія ср. l. c. p 63; равнымъ образомъ ошибочныя написанія и *tureia*, *Mokinami*, *burva* въ значеніи 2-го л. ед. ч. (1-ое у Бреткуна, 2-ое у Зенгштока, 3-е въ кейданскомъ изданіи KS). Гарбе въ введеніи къ изданію Punktay sakimu Ширвида напрасно считаетъ такія написанія дѣйствительными сокращеніями, при чемъ онъ приводитъ два относящихся сюда примѣра изъ издаваемаго имъ текста: *padarue* (10, 30) и *zieyde* (17, 14); въ обоихъ случаяхъ мы имѣемъ цитаты изъ текста С. Писанія, и въ первомъ случаѣ, можетъ быть, мы имѣемъ дѣло даже не съ опиской или опечаткой, а съ недоразумѣніемъ, понятнымъ въ извлеченной изъ контекста фразѣ.

праязыка въ окончаніи 2-го л. ед. ч. настоящаго времени *-si* при *-sai*. Общебалтійское *s*, однако, восходитъ лишь частію непосредственно къ индоевропейскому *s* въ суффиксѣ *-si*, *-sa^{a}i*. Сюда принадлежитъ *s* въ литовскомъ *eisì desi* (напр. въ Катихизисѣ 1598 г. *padesi* Hh 4) прусскомъ *eisei;* что же касается напр. литовскаго *dů̊si* (Bezzenberger, Gesch., p. 198), прусскаго *dāse,* то здѣсь общебалтійское *s* непосредственно изъ *ss,* а это *ss* изъ индоевропейскаго *cs,* болѣе древняго *ts;* въ литовскомъ и латышскомъ *esi,* прусскомъ *assai* при *assei, asse* общебалтійское *s* изъ индоевропейскаго *ss,* такъ какъ, по указанію славянскихъ языковъ, гдѣ мы находимъ общеславянское *i̯esi* не *i̯eši,* литовскославянскій языкъ получилъ здѣсь изъ индоевропейскаго языка именно *essi,* откуда далѣе *esi.* Итакъ, балтійскіе языки сохранили въ разсматриваемыхъ образованіяхъ, съ одной стороны, индоевропейскій суффиксъ 2-го л. ед. ч. настоящаго времени въ формѣ дѣйствительнаго залога и соотвѣтственный суффиксъ *medii,* съ другой стороны, при чемъ здѣсь, какъ и въ извѣстныхъ образованіяхъ формы 1-го л. ед. ч., разсмотрѣнныхъ выше, произошло нѣкогда смѣшеніе индоевропейскихъ суффиксовъ *activi* и *medii.* Прусскій языкъ остановился на этомъ, въ литовскомъ же языкѣ мы находимъ распредѣленіе этихъ суффиксовъ по формамъ дѣйствительнаго и возвратнаго залоговъ, аналогичное распредѣленію *-mi* и *-mē* въ формѣ 1-го лица; въ сложеніи съ постпозиціями мы и здѣсь находимъ литовское *-sē-* (ср. сказанное выше о формѣ 1-го л.; примѣры у Бецценбергера). Что касается литовскаго *-si,* то я не могу возводить его, хотя бы и частію, къ *-sē* на основаніи тѣхъ же соображеній, которыми я руководствовался, высказывая свой взглядъ на отношеніе *-mi* къ *-mē.*

О томъ, почему къ формѣ прошедшаго времени въ окончаніи 2-го л. ед. ч. мы находимъ тѣ же личные суффиксы, что и въ настоящемъ времени, я скажу въ концѣ настоящей главы.

Въ формѣ 2-го л. ед. ч. повелительнаго наклоненія мы находимъ въ балтійскихъ языкахъ различныя образованія. Что касается литовскаго языка, то здѣсь являются въ различныхъ его говорахъ, въ ихъ современномъ состояніи, слѣдующія типическія образованія: 1) образованія, заключающія въ себѣ основу глагола въ томъ ея видѣ, въ какомъ она является въ неопредѣленномъ, $+k$, въ болѣе полномъ видѣ *ki* при *kē;* напр. *vèsk, vèski, vèskē; turêk, tureki, tu-*

rėke; nesziôk, nesziôki, nesziôkë; 2) образованія, представляющія основу настоящаго времени обыкновенно безъ гласной въ концѣ, но частью съ смягченіемъ конечной согласной, рѣже съ гласною *i;* напр., свенцянскія *met', peš, aŕ, stå, suli,* (Вольтеръ, Кат., стр. LXXXV).

Образованія перваго типа широко распространены по всей территоріи литовскаго языка, при чемъ въ обычной рѣчи и въ южныхъ говорахъ, наиболѣе консервативныхъ по отношенію къ пралитовскимъ подвижнымъ гласнымъ, является образованіе на *-k* безъ гласной *i* въ концѣ, въ рѣчи же традиціонной и по отношенію къ внѣшней формѣ, частію связанной требованіями ритма, мы находимъ и болѣе полную форму разсматриваемаго окончанія *-ki* съ его варіантомъ *-kë;* нерѣдко наблюдается тотъ фактъ, что въ одномъ и томъ же говорѣ, въ указанныхъ выше предѣлахъ, являются всѣ три окончанія. Въ пѣсняхъ, записанныхъ Фортунатовымъ и Миллеромъ (людвиновскій говоръ, одинъ изъ южныхъ говоровъ среднелитовскаго нарѣчія русской Литвы), мы находимъ напр. *«балнокё»* (II, 1), *«amdẙk»* (III, 7), *«рамики»* (LXXVIII, 8), образованіе на *-ku* встрѣчается сравнительно рѣдко; въ формѣ возвратнаго залога въ положеніи передъ *s* я отмѣтилъ лишь образованія на *-kuc,* напр. *«жинокис»* (XXXVIII, 6). Въ годлевскомъ говорѣ, вообще очень близкомъ къ людвиновскому, Бругманъ находилъ въ обычной рѣчи лишь *-k* въ окончаніи разсматриваемой формы (Leskien und Brugmann, p. 315), а въ дайнахъ, имъ записанныхъ, мы находимъ при *-k* (*szerk,* № 1, 1 и далѣе), *-kë* (*nepirkë,* p. 96, № 7, 9 и далѣе), также *-ki* (*palauki,* № 64, passim, ср. *sugrįszkė* въ пѣснѣ № 34, 3, записанной со словъ той же женщины, имя которой Бругманъ условно обозначаетъ буквою G); для возвратной формы Бругманъ въ описаніи годлевскаго говора, (p. 317) указываетъ въ положеніи передъ *s* лишь *-kis;* въ дайныхъ мы находимъ здѣсь также *-kis* (*kelkis,* № 92, 3 и 4). Въ дайныхъ на веленскомъ говорѣ (сѣверный говоръ среднелитовскаго нарѣчія русской Литвы), находящихся въ сборникахъ братьевъ Юшкевичей мы находимъ слѣдующія типическія образованія: *gerk* (Sv. D., № 3, 1), *papusk* (LD, № 2, 3); *tekė́ ki* (Sv. D., № 4, 2), *vérki* (LD. 21, 7)—довольно часто; *vérpkies* (Sv. D., № 104, 5); *rupinkisi* (Sv. D., № 117, 20), *kélkis* (LD, № 44, 3). Въ описаніи нѣкоторыхъ особенностей велёнскаго говора,

составленномъ И. Юшкевичемъ и приложенномъ къ сборникамъ, упоминается о томъ, что въ повелительномъ наклоненіи форма -2го л. ед. ч. нерѣдко здѣсь оканчивается на *-ke* вмѣсто *ki*, въ текстѣ же пѣсенъ мы не находимъ такихъ написаній. Этотъ случай надо разсматривать въ связи съ другими случаями, указанными тамъ же, а именно въ связи съ окончаніемъ неопредѣленнаго *-ti*, вмѣсто котораго является частью также, по словамъ И. Юшкевича, окончаніе *-te*, и въ связи съ такимъ случаемъ, какъ *didiẽje* вм. *didiẽge*. Какъ указываетъ послѣдній случай, И. Юшкевичъ могъ смѣшивать при извѣстномъ фонетическомъ положеніи (въ концѣ слова) сложную гласную *e* съ тою гласною, въ данномъ случаѣ некраткою, которую онъ передаетъ особаго рода написаніемъ *e*, т. е. съ ‹a^e› или ‹e^a› (ср. Словарь, стр. XIII). Это обстоятельство легко понять, какъ скоро мы обратимъ вниманіе на то, что сложная гласная *e* въ велѣнскомъ говорѣ, въ произношеніи извѣстномъ И. Юшкевичу, представляетъ собою долгое открытое *e* съ предшествующимъ неслоговымъ ирраціональнымъ *i* (см. Sv. D., p. X и лекціи по фонетикѣ литовскаго языка Фортунатова), написаніе же *iẽ* является подраженіемъ написанію *ië* у Куршата. Итакъ, надо думать, въ веленскомъ говорѣ И. Юшкевичу извѣстно было и *-kẽ* въ окончаніи 2-го л. ед. ч. повелительнаго наклоненія, такъ какъ въ силу указаннаго выше факта, *-ke* въ разсматриваемой формѣ и *-te* въ окончаніи неопредѣленнаго слѣдуетъ разсматривать какъ *-kẽ* и *-tẽ*. Въ рукописи словаря А. Юшкевичъ писалъ здѣсь *-kj* и *-tj*, т. е. именно *-kẽ* и *-tẽ* (см. предисловіе Фортунатова, стр. XIV). Въ тѣхъ среднихъ, частію сѣверныхъ, говорахъ среднелитовскаго нарѣчія прусской Литвы, которыя имѣетъ въ виду Шлейхеръ въ своей грамматикѣ, въ обычной рѣчи мы находимъ въ окончаніи 2-го л. ед. ч. повелительнаго наклоненія только *-k* (Handbuch I, p. 231), между тѣмъ какъ въ дайныхъ является и *-ki* (напр. *atstóki*, p. 45, № 1, 3); въ формѣ возвратнаго залога мы находимъ *-kis* (напр. *mèlskis*, p. 49, № 2, 2). Въ своей грамматикѣ Куршатъ даетъ въ окончаніи разсматриваемой формы *-k* (§ 1065) при *-kis* (§ 1147) въ возвратномъ залогѣ. Въ дайныхъ, записанныхъ Лескиномъ на говорѣ Вилькишекъ (сѣверный говоръ среднелитовскаго нарѣчія прусской Литвы), мы находимъ слѣдующія типическія образованія 2-го л. ед. ч. повелительнаго наклоненія: *eík* (№ 1, 7), *padẽkẽ* (№ 4, 4), *pasikùrdĩkis* (№ 17, 7);

въ сказкѣ № 1 на томъ же говорѣ (Leskien-Brugmann, p. 79) мы находимъ: *siúki, dėvė́ki* при *užmigk, nemastů́k*. По отношенію къ формѣ 2-го л. ед. ч. повелительнаго наклоненія въ говорахъ прочихъ нарѣчій литовскаго языка, кромѣ среднелитовскаго, можно сказать вообще то же, что сказано мною выше объ окончаніи разсматриваемой формы въ говорахъ среднелитовскихъ, а именно и въ нарѣчіяхъ: мамельскомъ, жемайтскомъ и восточнолитовскомъ въ обыкновенной рѣчи является здѣсь *-k*, а болѣе полныя формы сохраняются, напр., въ дайнахъ. Въ мемельскихъ прозаическихъ текстахъ, напечатанныхъ Бецценбергеромъ, мы находимъ только образованія на *-k;* напр. *é'k, szèrk, nupucók* и т. д. (Mitteilungen II, p. 30); въ дайнахъ при обычныхъ образованіяхъ на *-k* встрѣчаются рѣже случаи, гдѣ находимъ *-ki* въ окончаніи формы; напр. *įleíske* (Forschungen, № 47, 8), *atjā́ke* (№ 47, 7) и т. д., *nevèrke* (№ 48, 6). Въ возвратной формѣ мы находимъ окончаніе *-kis*, напр. *negínkis* (№ 47, 4). Для жемайтскаго нарѣчія ср. сказку, сообщенную кс. Явнисомъ Гейтлеру и напечатанную этимъ послѣднимъ въ «Litauische Studien», гдѣ мы находимъ: *éik, buk, wažiôúk, isipraszýk;* въ дайнахъ, перепечатанныхъ Шлейхеромъ (Handbuch, II, p. 20sq.) изъ сборника Станевича, при такихъ образованіяхъ какъ *žiuriek* (p. 21) мы находимъ напр. *stoky,* т. е. *stoki* (ib.), *nusyeyky,* т. е. *nusieíki* (p. 24); въ возвратной формѣ является *-kis*, ср. *diekyse*, т. е. *dė́kisi* (p. 22); въ дайнахъ изъ Ольсядъ, напечатанныхъ въ казанскомъ сборникѣ братьевъ Юшкевичей (№ 1470 сл.) мы находимъ напр. *lejsk* (№ 1470, 5), *pasakýki* (№ 1470, 3), *ne-b-rúpinkis* (№ 1489, 9). И въ говорахъ восточнолитовскаго нарѣчія, насколько мнѣ извѣстно изъ непосредственныхъ наблюденій, при образованіяхъ на *-k* (безъ гласной въ концѣ) въ окончаніи разсматриваемой формы, исключительно являющихся въ обыкновенной рѣчи (см. Изв. II Отд., I, стр. 480) и господствующихъ въ дайнахъ, въ этихъ послѣднихъ мы находимъ и образованія на *-ki;* въ возвратной формѣ мы находимъ окончаніе *-kis*. Что касается окончаній, соотвѣтствующихъ среднелитовскимъ *-kė, -kës*, то изъ мемельскихъ современныхъ говоровъ они мнѣ неизвѣстны, для жемайтскаго нарѣчія я тоже не могу указать примѣровъ изъ народнаго языка; въ говорахъ восточнолитовскихъ эти окончанія, повидимому, также неизвѣстны, по крайней мѣрѣ, въ большинствѣ этихъ послѣднихъ;

я могу указать только *kiáłkie* (Кольбергъ, № 5, 3)—восточнолитовскій говоръ Сувалкской губерніи—и *pasigailėke* и *nukel'auke* изъ трокскаго говора (Вольтеръ, Кат., стр. 163, стр. 2 снизу); послѣдніе примѣры очень подозрительнѣ, такъ какъ вообще плохо передана звуковая сторона того текста, изъ котораго я беру этотъ примѣръ, а именно здѣсь не выдержанъ строго восточнолитовскій говоръ, и это объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что данный текстъ (дайна) записанъ лицомъ, родившимся въ Трокскомъ уѣздѣ, но живущимъ въ настоящее время въ области, занимаемой нарѣчіемъ среднелитовскимъ, на *kiáłkie* изъ сборника Кольберга я также не смотрю какъ на несомнѣнный примѣръ.

Познакомившись съ тѣмъ, что мы находимъ въ современномъ литовскомъ языкѣ по отношенію къ окончанію 2-го л. ед. ч. повелительнаго наклоненія въ томъ его образованіи, которое я назвалъ первымъ типомъ, разсмотримъ теперь данныя, представляемыя старыми текстами *).

Въ говорѣ Бреткуна, насколько онъ мнѣ извѣстенъ по даннымъ, приводимымъ Бецценбергеромъ въ Gesch., и по незначительнымъ извлеченіямъ изъ текста, находящимся въ книгѣ Э. Вольтера «Отчетъ объ этнографической поѣздкѣ по Литвѣ и Жмуди», стр. 78 сл., мы имѣемъ при обычныхъ образованіяхъ типа *padaryk* (Отчетъ, стр. 78), *Sakigi* (Gesch. p. 219) въ формѣ возвратнаго залога *padarykis* (Отчетъ, стр. 78) и тому подобныя; что касается *Passikakdinkesi*, приводимаго Бецценбергеромъ (Gesch. p. 231), то, за отсутствіемъ надлежащаго матеріала, я не рѣшаю окончательно вопроса и высказываю въ видѣ предположенія, что здѣсь, по моему мнѣнію, мы имѣемъ написаніе *e* вм. *i*, то же явленіе, съ которымъ мы встрѣтимся нѣсколько ниже (см. примѣры изъ сочиненія Виллента). Въ старыхъ мемельскихъ текстахъ мы находимъ слѣдующее: 1) въ Ка-

*) Въ старыхъ текстахъ мы можемъ наблюдать случаи употребленія образованій 2-го л. повелительнаго наклоненія съ значеніемъ формы 3-го л. Это явленіе вызвано тѣмъ обстоятельствомъ, что въ образованіяхъ 2-го типа у глаголовъ съ основами нетематическаго спряженія и съ производными основами на *ō* совпали по звукамъ образованія съ значеніемъ 2-го л. ед. ч. повелительнаго наклоненія и 3-го л. перминсива. Въ современномъ живомъ языкѣ это явленіе неизвѣстно, и только въ традиціонноусловномъ языкѣ духовныхъ книгъ сохраняются случаи такого употребленія формы 2-го л. Въ послѣдующемъ изложеніи я не отдѣляю этихъ случаевъ отъ случаевъ обычнаго употребленія разсматриваемыхъ образованій.

тихизисѣ 1547 г. при образованіяхъ на *-ki* (ср. *tureki* 10,17 и еще девять случаевъ въ текстѣ слѣдующихъ заповѣдей, *Buki* 12,18) являются въ шести случаяхъ образованія на *-k* (12,17,22; 15,30; 17,12; 18,3, 18,13); въ пѣсняхъ духовнаго содержанія, слѣдующихъ за текстомъ катихизиса, мы находимъ распредѣленіе образованій на *-k* (а таковыхъ значительное большинство) и на *-ki* въ зависимости отъ требованій метра, что особенно ясно напр. изъ пѣснопѣнія стр. 19; въ формѣ возвратнаго залога мы имѣемъ: *Szwęskiese* (12,16), *biakiese* (15,32), *Szwęskies* (22,1), *werskies* (22,18); наконецъ, въ соединеніи съ постпозиціей являются: *Melskieg* (33,31), *Atminkiek* (36,4), 2) въ Forma 1559 г. являются образованія на *-k*: *prieimk* (35,3), *Dů̊k* (35,5), *atwerk* (35,6) и т. д.; въ формѣ возвратнаго залога мы находимъ *szwenskisi* (36,2); 3) въ Enchiridion Willentha при чаще встрѣчающихся образованіяхъ на *-k*, напр. *gielbek* (1,12), являются рѣже случаи, гдѣ мы находимъ въ окончаніи разсматриваемой формы *-ki*, напр. *ischtaisiki à parodki* (5,16); въ формѣ возвратнаго залога мы здѣсь находимъ написанія *-kis(i)* при *-kes(i)* и одинъ разъ *-kiesi (Linxminkiesi,* 76,9), примѣры см. LLD. III, p. XVI; издатель текста сочиненія Виллента Бехтель на стр. XVII пытается объяснить написаніе *-ke (-kie)* при *-ki* въ возвратной формѣ ссылкою на приводимыя имъ жемайтскія (у Довконта) *Nedżaugkes* и *negalèkes* (Schleicher, Handbuch II, p. 90), не находя въ то же время возможнымъ объяснить написаніе буквы *e* какъ чисто графическое явленіе, вообще извѣстное въ старыхъ текстахъ тѣхъ діалектовъ, гдѣ *i* звучало при извѣстномъ, по крайней мѣрѣ, фонетическомъ положеніи очень открыто; Бехтеля смущаетъ то обстоятельство, что въ данномъ случаѣ написаній съ *e* десять при одинадцати случаяхъ, гдѣ мы находимъ букву *i*; въ концѣ концовъ онъ не высказываетъ никакого опредѣленнаго взгляда, ограничиваясь указаніемъ, что это *e* онъ считаетъ однороднымъ съ *e* въ жемайтскихъ *Nedżaugkes*, *negailėkes* и съ *e* въ прочихъ формахъ лица повелительнаго наклоненія, гдѣ также является у Виллента *e* при *i*; случаи эти дѣйствительно однородны, такъ какъ здѣсь мы находимъ вездѣ *e* вмѣсто *i*, т.-е. написаніе фонетическое вмѣсто этимологическаго; въ *Linxminkiesi* (76,9) въ текстѣ изъ Epist. Galat. IV мы находимъ единственный у Виллента примѣръ окончанія *-kėsi*. Перехожу теперь къ старымъ текстамъ на восточнолитовскомъ нарѣчіи. Въ Катихизисѣ Даукша мы

находимъ при обычномъ окончаніи разсматриваемой формы *-k* (напр. *Atáik,* 46, *Buk,* 47, *parôdik,* 64 и т. д.) четыре случая окончанія *-ki (prigręszki,* 64, *trókszki,* 75, *Susimilki,* 135, *Papęnêki,* 160); въ формѣ возвратнаго залога и въ сложеніи съ постпозиціей мы имѣемъ *-ki-,* напр. *Szwęskis* (46), *teikis* (167), *Dûkig* (168) и т. п. Въ Катихизисѣ 1598 г. въ тѣхъ отрывкахъ, которые напечатаны Брюкнеромъ (Arch. f. sl. Ph. XIII), я нахожу только примѣры для окончанія *-k* (напр. *Zwilkterek,* Ce4, *Sugiglausk,* Hh7, *laikik,* Hh7); въ сложеніи съ постпозицией является *-ki-, Teykisig,* Cc5, *Dûkig,* Dd7, *Duokig,* Hh8. Въ Катихизисѣ 1605 г. я нахожу только примѣры для окончанія *-k- (Buk,* 5, *melsk,* 5, *Izguldig,* 12 и т. п.); въ формѣ возвратнаго залога и въ сложеніи съ постпозиціей является *-ki (Szwiskis* 36, 57, 41, *Bilokig,* 15, *Izguldikig,* 24 и т. п.); одинъ разъ я нахожу *mélskies* (48) въ *Ave Maria,* при чемъ далѣе, при повтореніи текста мотивы по членамъ, мы находимъ *mélskis* (49); въ виду этого обстоятельства я не считаю *mélskies,* принадлежащимъ самому языку Катихизиса, хотя, впрочемъ, это можетъ быть просто ошибочное написаніе. Въ *Punktay Sakimu* Ширвида при обычномъ въ формѣ дѣйствительнаго залога окончаніи *-k (imk,* 9.4, *Eyk* 12.12, *Imk* 13.4 и т. п.) въ сложеніи съ постпозиціей является *-ki,* напр *Paźinkig* (41,25); въ формѣ возвратнаго залога мы находимъ *-kis* въ окончаніи, напр. *seskis* (28,15), *stebekis* (73, 30; 76, 6, 8), *parodikis* (97, 28). Въ говорѣ Кейданскихъ изданій XVII в., цитируемыхъ Бецценбергеромъ въ Gesch., мы находимъ: *atmâinig* K. 54 (т.-е. *atmainik), imkig,* K. 28, 237, *Bukik* K. 22, 193, 259 (т.-е. *bukig*) и т. д. Въ говорѣ Библіи Хилинскаго я нахожу въ доступныхъ мнѣ по изданіямъ отрывкахъ при *Iszeyk* (Mitteilungen IV, p. 235), *iszwesk* (ib.) и тому подобныхъ образованіяхъ напр. *dabokiś* (Mitteilungen IV, p. 245), *Kialkis* (ib.).

Итакъ, мы видимъ, что данныя, извлеченныя изъ старыхъ текстовъ, подтверждаютъ въ общемъ ту картину, которую мы находимъ по отношенію къ окончанію 2-го л. ед. ч. повелительнаго наклоненія въ разсматриваемомъ образованіи въ современныхъ говорахъ литовскаго языка. Въ памятникахъ восточнолитовскаго нарѣчія, насколько они мнѣ вообще доступны, я не нашелъ указаній на существованіе здѣсь окончанія *-kẽ* въ формѣ дѣйствительнаго залога и *-kẽs* въ формѣ возвратнаго залога, и въ современныхъ говорахъ

этого нарѣчія такое образованіе 2-го л. ед. ч. повелительнаго наклоненія, какъ мы видѣли, не засвидѣтельствовано, по крайней мѣрѣ, несомнѣнно.

Образованія второго типа въ современномъ литовскомъ языкѣ засвидѣтельствованы лишь въ нѣкоторыхъ восточнолитовскихъ говорахъ, а именно мы ихъ находимъ въ говорѣ Свенцянскаго уѣзда, Виленской губерніи (Вольтеръ, Кат. LXXXV) при извѣстныхъ образованіяхъ перваго типа, и въ тѣхъ Ошмянскихъ говорахъ, которые имѣетъ въ виду Вольтеръ въ статьѣ, помѣщенной въ IV томѣ Mitteilungen (см. стр. 177), а въ нихъ онъ находилъ и образованія перваго типа.

Старые тексты свидѣтельствуютъ о томъ, что образованія этого второго типа въ прежнее время были употребительны въ различныхъ говорахъ. Мы ихъ находимъ въ языкѣ сочиненій Бреткуна, напр., *apreischki*, *Reischk* и т. п. (см. у Бецценбергера Gesch. p. 222). Древнѣйшіе памятники мемельскаго нарѣчія представляютъ слѣдующіе случаи этого рода: 1) Катихизисъ 1547 г.: *dodi* (12, 19), *atleid* (12, 20), *Newed* (12, 21), *ved* (22, 29), *atleid* (23, 3), *ved* (25, 13), *ved* (31, 24), *te apgin* (35, 32); 2) Forma 1559: *dûdi* (36, 4), *atleid* (36, 4), *ne wedi* (36, 5); 3) сочиненія Виллента въ изданіи Зенгштока: см. примѣры у Бецценбергера Gesch. p. 221; въ Enchir. Виллента я нахожу разсматриваемыя образованія только въ молитвѣ «Отче нашъ», стр. 12). Въ старыхъ восточнолитовскихъ текстахъ мы находимъ слѣдующіе примѣры разсматриваемаго образованія: 1) Катихизисъ Даукша: см. изданіе Вольтера стр. LXXXV и Нѣск. данн., стр. 538; 2) Катихизисъ 1598 г.: *Páweyzd* (Ps. 63); Катихизисъ 1605 г.: *Kálb* (19), *atlaid* (36, 38, 43); 3) Punktay Sakimu Ширвида: ни одного случая; 4) Кейданскія изданія: примѣры у Бецценбергера Gesch. p. 222; 5) Библія Хилинскаго: *nuźeg* (Mitteilungen IV, p. 272).

Изъ того Кейданскаго изданія, которое Бецценбергеръ условно обозначаетъ буквою *K*, онъ приводитъ примѣры, гдѣ въ сложеніи разсматриваемой формы съ постпозиціей въ формѣ дѣйствительнаго и возвратнаго залоговъ мы находимъ въ окончаніи самой формы сложную гласную *ē*: *gialbjem* и *Gialbiem*, а также *Gaylieś; Gialbeim*, надо думать, опечатка (ср. Gesch. p. 222).

Въ старыхъ текстахъ мы находимъ также слѣдующія образованія 2-го л. ед. ч. повелительнаго наклоненія отъ производныхъ глаголовъ класса *sakaĩ*, однородныя съ извѣстными образованіями второго типа по происхожденію, какъ мы это увидимъ ниже: *papildai*, *Ischklausai* у Бреткуна (Bezzenberger, Gesch. p. 223); *isch klausai* въ Катихизисѣ 1547 г. (24, 22); *Pamisákay* (6; 51), *Sákaymi* (8; 74; 77), *Sâkay* (14; 85), *sakaymig* (57) въ Катихизисѣ 1605 г.; *sedaysi* у Ширвида (15, 14); примѣры изъ Кейданскаго изданія KS и изъ изданія Зенгштока (GS) см. у Бецценбергера Gesch. p. 223.

Въ латышскомъ языкѣ форма 2-го л. ед. ч. повелительнаго наклоненія совпадаетъ въ полномъ ея видѣ съ формою 2-го л. ед. ч., при чемъ въ глаголахъ I—IV и XII классовъ, по счету Биленштейна, являются и образованія безъ гласной въ концѣ, а въ глаголахъ съ основами настоящаго времени на *ja* съ предшествующею долгою гласною здѣсь, какъ и въ формѣ 2-го л. ед. ч. настоящаго времени, мы находимъ образованія типа *mazgà, lukĩ, tirì, velè* при діалектическихъ болѣе полныхъ образованіяхъ, ср. приводимое Биленштейномъ *gavilẽji* (Lett. Sp. II § 450) а также примѣры § 413. Въ глаголахъ съ старыми основами нетематическаго спряженія мы находимъ такое же образованіе 2-го л. повелительнаго наклоненія, какъ и въ глаголахъ тематическаго спряженія: *dů̃di* при *dů̃d*, *esi* при *es*. Въ формѣ возвратнаго залога мы находимъ въ окончаніи разсматриваемой формѣ въ положеніи передъ *s* сложную гласную *ẽ;* напр., *metẽs, vẽlcẽs, mazgajẽs* и т. п. Насколько я могъ замѣтить, въ литературномъ нарѣчіи предпочитаются образованія безъ гласной въ концѣ, при чемъ съ точки зрѣнія современнаго языка они являются сокращеніемъ болѣе полныхъ образованій. Въ Катихизисѣ 1586 г., гдѣ вообще извѣстны случаи отпаденія гласныхъ, сохраняющихся въ литературномъ нарѣчіи, мы находимъ, напр., въ текстѣ молитвы ‹Отче нашъ› (LLD. II, p. 3) образованія 2-го л. ед. ч. повелительнаго наклоненія преимущественно съ гласною въ концѣ. О нѣкоторыхъ другихъ подробностяхъ я скажу нѣсколько ниже въ связи съ исторіей разсматриваемыхъ образованій.

Въ прусскомъ языкѣ мы находимъ со значеніемъ повелительной формы 2-го л. ед. ч. образованія на *-ais* (напр. *immais*), въ положеніи послѣ стараго *j*, по извѣстному фонетическому закону на *-eis* (напр. *dellieis*); отъ производныхъ глаголовъ съ основами на *ā*

мы находимъ такія образованія, какъ *ettrais*, *dāis*. Наконецъ, въ текстахъ засвидѣтельствованы слѣдующіе случаи: *teiks*, *gerdaus*, *eugerdaus*, *wyms* у Грунау, которые Бернекеръ объясняетъ какъ индоевропейскіе инъюнктивы. Заслуживаетъ быть отмѣченнымъ тотъ фактъ, что напр. при *immais* мы находимъ *immeis;* образованія на *-eis* у глаголовъ съ основами на *a* появились подъ вліяніемъ основъ на *i*, а эти послѣднія основы, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, вообще оказали въ прусскомъ языкѣ вліяніе на основы перваго типа. Прусское *jeis*—«иди» Бругманъ объясняетъ, принимая здѣсь основу тематическаго спряженія *i̯o* (Gr. II § 511), а такая основа извѣстна намъ и изъ греческаго языка (греч. ἴσι при εἶμι съ основою нетематическаго спряженія).

Познакомившись съ различными типами образованія 2-го л. ед. ч. повелительнаго наклоненія въ балтійскихъ языкахъ, мы должны обратиться къ разсмотрѣнію ихъ исторіи.

Какъ мы видѣли, литовскій языкъ представляетъ частію (въ старыхъ текстахъ и извѣстныхъ современныхъ говорахъ), а латышскій языкъ знаетъ исключительно тѣ образованія разсматриваемой формы, которыя я условно назвалъ вторымъ типомъ, т. е. образованія типа лит. *ved* при *vedi*, *dů̃d* при *dů̃di*, лат. *ved* при *vedi*, *dů̃d* при *dů̃di*. Исторію этихъ литовсколатышскихъ образованій разъяснилъ проф. Фортунатовъ въ своемъ «Критическомъ разборѣ сочиненія проф. Ульянова», стр. 143 сл., а именно онъ показалъ, что литовскія и латышскія образованія типа **veda*, откуда по закону подвижности краткихъ гласныхъ конечнаго слога, *ved,* представлявшія собою старыя индоевропейскія образованія 2-го л. ед. ч. повелительнаго наклоненія дѣйствительнаго залога глаголовъ тематическаго спряженія (ср. напр., двинд. *bhara,* греч. φέρε) съ такимъ же *a*, какъ и въ тѣхъ формахъ лица настоящаго времени, гдѣ была получена общебалтійскимъ языкомъ гласная *e* въ окончаніи основы, были въ результатѣ вытѣснены совершенно подъ вліяніемъ того, что образованія типа *vedi* изъ **vedė*, представлявшія собою индоевропейскую форму 2-го л. ед. ч. желательнаго наклоненія съ извѣстнымъ новообразованіемъ по отношенію къ суффиксу (см. Кр. Р., стр. 146), ассоціировались съ образованіями типа *ved,* которыя представлялись болѣе краткою ихъ формою; эта ассоціація обязана своимъ происхожденіемъ тому обстоятельству, что въ глаголахъ съ основами настоящаго времени на *i*

оба образованія, т. е. старая форма повелительнаго наклоненія на *i* подвижное и старая форма желательнаго наклоненія на *i* неподвижное, совпали въ одномъ образованіи на *i* подвижное. Итакъ, съ точки зрѣнія исторіи языка мы не можемъ разсматривать образованія типа *ved* какъ сокращеніе образованій типа *vedi:* тѣ и другія образованія различнаго происхожденія. Что касается лит. *dů̃di, dů̃d*, лат. *dů̃di, dů̃d, esi, es*, то здѣсь мы имѣемъ, именно въ образованіяхъ на *i*, старыя образованія желательнаго наклоненія по нетематическому спряженію (Кр. Р., стр. 143), и *dů̃d, es* явились здѣсь подъ вліяніемъ аналогіи со стороны такихъ случаевъ, какъ *ved* при *vedi*.

Остановимся теперь на нѣкоторыхъ подробностяхъ. Изъ числа приводимыхъ Э. Вольтеромъ образованій повелительной формы 2-го л. ед. ч. безъ *ki* въ литовскомъ языкѣ (см. выше), заслуживаютъ быть отмѣченными Свенцянскія (Ішкмянской волости). *stā̃, bui;* (въ Мелегянахъ): *dů̃, atdarei*. Что касается *stā̃*, то оно получилось изъ **stou̯, *stovi* (см. Кр. Р. стр. 145); по поводу этого *stā̃* ср. показаніе Михалона, который въ числѣ латинскихъ словъ, сходныхъ съ литовскимъ, указываетъ *sta* (см. Ph. Fortunatov, K. Schl. Beiträge, B. VIII, p. 113 sq.). Свенцянское *bui* представляетъ образованіе по аналогіи другихъ случаевъ, гдѣ является *-i* въ окончаніи 2-го л. ед. ч. повелительнаго наклоненія. Мелегянское *dů̃* слѣдуетъ разсматривать подобнымъ же образомъ какъ новообразованіе, при чемъ, однако, нѣтъ надобности предполагать при этомъ болѣе первоначальное **dů̃i; dů̃* явилась, конечно, вм. *dů̃k* по аналогіи такихъ случаевъ какъ *stā̃*, т. е. *sto (dů̃ti : dů̃ki : dů̃=stoti : stoki : sto)*. Наконецъ, *atdarei*, если только оно вѣрно передано, я объяснилъ бы какъ *atdarai* (а измѣненіе конечнаго дифтонга *ai* въ *ei* извѣстно намъ изъ различнѣхъ восточнолитовскихъ говоровъ, между прочимъ и Виленской губерніи), т. е. какъ образованіе типа *sakai* въ старыхъ литовскихъ текстахъ, о которыхъ я буду говорить нѣсколько ниже. Въ тѣхъ ошмянскихъ говорахъ, которые имѣетъ въ виду Э. Вольтеръ въ Miteilungen IV, p. 173 sq., мы находимъ подобные же случаи: *ne súdei, pasúdei; ažkinkei; rašei*. И въ этихъ говорахъ мы находимъ *dů̃*. Что касается приводимаго Э. Вольтеромъ *atdar*, то оно представляетъ собою, понятно, новообразованіе по аналогіи другихъ случаевъ.

Въ латышскомъ языкѣ мы находимъ, какъ я уже указалъ выше въ окончаніи 2-го л. ед. ч. повелительнаго наклоненія въ формѣ

возвратнаго залога *-ės*, гдѣ сложная гласная *e* восходитъ къ литовсколатышской сложной гласной *e*, которая въ данномъ фонетическомъ положеніи не подверглась сокращенію, ср. *-i* въ *meti*. Понятно, что съ теченіемъ времени это *e*, полученное первоначально лишь въ формѣ стараго желательнаго, было обобщено для окончанія разсматсматриваемой формы по аналогіи отношенія между *-u* и *-ů-s*, *-i* и *-ė-s* въ окончаніи 1-го и 2-го л. ед. ч. настоящаго времени въ формѣ дѣйствительнаго и возвратнаго залога. Далѣе, заслуживаетъ быть отмѣченнымъ тотъ фактъ, что въ формѣ дѣйствительнаго залога образованія съ *-i* являются въ литературномъ нарѣчіи безъ параллельныхъ образованій безъ гласной въ концѣ въ тѣхъ классахъ глаголовъ, которые имѣли въ литовсколатышскомъ языкѣ основы настоящаго времени на долгія гласныя, а въ этихъ глаголахъ старое образованіе разсматриваемой формы на долгую гласную въ латышскомъ языкѣ совершенно утрачено; окончаніе *-i* также не можетъ быть старымъ въ разсматриваемыхъ глаголахъ, ср. лит. *sakai*. Въ глаголахъ съ производными основами настоящаго времени съ долгими гласными передъ *ja* въ окончаніи основы представляютъ, какъ мы видѣли, въ литературномъ нарѣчіи образованія разсматриваемой формы съ долгою гласною въ окончаніи: *mazgà*, *luků* и т. п. Эти образованія, надо думать, выходятъ частью къ общелатышскимъ *mazgài*, *lukůi* изъ болѣе древнихъ, исчезнувшихъ еще въ литовсколатышскомъ языкѣ, **mazgàja*, **lukůja* частью къ общелатышскимъ *mazgài*, *lukůi* изъ болѣе древнихъ *mazgàji*, *lukůji*, гдѣ явилась нефонетическая подвижность конечной гласной *i* подъ вліяніемъ *mazgài*, *lukůi*, изъ **mazgàja*, **lukůja* и отношенія между *met* и *meti*. Отсюда нефонетическая подвижность конечнаго *i* была перенесена и на форму 2-го л. ед. ч. настоящаго времени, совпадавшую по звукамъ съ соотвѣтственнымъ образованіемъ повелительнаго наклоненія. Въ результатѣ литературное нарѣчіе получило и здѣсь и тамъ лишь образованія, восходящія непосредственно къ образованіямъ типа *mazgài*, *lukůi*, откуда фонетически *mazgà*, *luků*. Діалекты продолжаютъ сохранять здѣсь и образованія на *-ji*, ср. §§ 413, 450 Lett. Sp. Биленштейна; равнымъ образомъ здѣсь сохраняются частью и образованія на дифтонгъ; ср. подобный же случай по отношенію къ окончанію мѣстнаго ед. въ томъ его образованіи, которое оканчива-

настоящаго на *ja* въ положеніи послѣ согласной мы находимъ въ латышскомъ языкѣ при образованіяхъ типа *kamp*, *kampi*; *pùt*, *pùti*, *laìd*, *laìdi* образованія типа *kamp̀*, *pùsz*, *lāìż*, представляющія фонетическія формы изъ болѣе древнихъ (эпохи, предшествовавшей измѣненію группъ согласныя + *j*) **kampj*, **pùtj*, **laìdj*, между тѣмъ какъ образованія типа *kamp*, *pùt*, *laìd*, представляютъ новообразованіе по отношенію къ согласной подъ вліяніемъ такихъ отношеній, какъ *met: meti*.

Теперь намъ предстоитъ разсмотрѣть исторію литовскихъ образованій со значеніемъ 2-го л. повелительнаго наклоненія типа *sakai*, извѣстныхъ изъ старыхъ текстовъ и, какъ я указалъ выше, также, изъ тѣхъ современныхъ говоровъ, которые сохраняютъ старыя образованія повелительнаго наклоненія безъ *-ki*. По происхожденію эти образованія представляютъ собою форму 2-го л. ед. ч. индоевропейскаго желательнаго наклоненія, и конечное *-ai* получилось здѣсь изъ литовсколатышскаго *-ai*, которое само въ результатѣ изъ $\bar{a},^{o}$ въ окончаніи основы + *e*, а это $-\bar{a}^{o}$-*ė* замѣнило собою общебалтійское и литовскославянское $\bar{a}^{o}is$ изъ болѣе древняго $\bar{a}^{o}a^{o}is$ (см. Кр. Р. стр. 146).

Прусскій языкъ въ образованіяхъ на *-ais* (съ его варіантомъ *-eis*) представляетъ старыя образованія 2-го л. ед. ч. желательнаго наклоненія тематическаго спряженія; ср. литовсколатышскія образованія на *-i*. Прусское *ai* въ *ettrais*, *dāis* получилось изъ общебалтійскаго $\bar{a}^{o}is$, происхожденіе котораго я указалъ выше.

Итакъ, разсмотрѣнные нами факты свидѣтельствуютъ, что въ общебалтійскомъ языкѣ при старыхъ образованіяхъ повелительнаго наклоненія въ формѣ 2-го л. существовали съ тѣмъ же значеніемъ и старыя образованія индоевропейскаго желательнаго наклоненія, при чемъ въ прусскомъ языкѣ намъ не засвидѣтельствованы первыя, да и въ литовсколатышскомъ языкѣ онѣ въ значительной степени были вытѣснены вторыми.

Прусскія образованія съ значеніемъ 2-го л. ед. ч. повелительнаго наклоненія: *tēiks*, *gerdaus*, *wyms* (у Грунау) Бернекеръ объясняетъ какъ «imperativisch fungierende Jnjunktive», ссылаясь на древнеиндійское *dās*. Этотъ его взглядъ стоитъ въ тѣсной связи съ взглядомъ Бругмана, который находитъ индоевропейскія формы инъюнктива и въ такихъ образованіяхъ, какъ литовское *eĩsme* и т. п.,

а также, между прочимъ, частію и въ формѣ 3-го л. будущаго времени во всѣхъ трехъ балтійскихъ языкахъ (Gr. II, § 828). По моему мнѣнію, и я разъясню это подробнѣе ниже въ главѣ III, мы не имѣемъ здѣсь дѣло съ индоевропейскими образованіями такъ называемаго инъюнктива. Что же касается спеціально вопроса о происхожденіи разсматриваемыхъ образованій съ значеніемъ повелительной формы, то я считаю ихъ по происхожденію формами 3-го л. будущаго времени, получившими значеніе повелительной формы 2-го л., можетъ быть только по недоразумѣнію переводчика: въ Ench. всѣ случаи употребленія этихъ формъ сосредоточены на 35 и 37 стр., а *wyms* у Грунау (въ текстѣ передано: *wynis spey*) не можетъ быть принимаемо въ расчетъ, по самому свойству сообщеній Грунау.

Теперь намъ остается разсмотрѣть исторію литовскихъ образованій съ значеніемъ 2-го л. ед. ч. повелительнаго наклоненія на *-ki*, *-kė*. Проф. Фортунатовъ высказалъ по этому поводу слѣдующее мнѣніе: «Литовско-латышская повелительная форма 2-го л. ед. ч. на *-ā°* производныхъ глаголовъ съ литовско-латышскими основами наст. вр. на *ā°* въ латышскомъ языкѣ не сохранилась, а въ литовскомъ, можетъ быть, вошла въ составъ новаго образованія повелительной формы на *-ki*, если по образцу именно формы на *-oki* глаголовъ на *-au*, *-oti* явились въ другихъ глаголахъ подобныя же новообразованія повелительной формы съ *-ki*, приставлявшимся къ основѣ инфинитива (поэтому напр. *veĩski* отъ основы инфинитива *vers*—въ *veĩsti*), (Кр. Р. стр. 145—146).» Принимая это объясненіе я, съ своей стороны, укажу на то, что можетъ быть, для извѣстной эпохи жизни пралитовскаго языка мы должны принимать первоначально болѣе широкое употребленіе сложеній съ *-ki*, *-kė*, а именно мнѣ представляется вѣроятнымъ, что первоначально *-ki*, *-kė* приставлялось и къ образованіямъ повелительной формы 2-го л. ед. ч. отъ глаголовъ съ другими основами, кромѣ глаголовъ съ основами настоящаго времени на литовско-латышское *ā°*; затѣмъ по аналогіи такихъ случаевъ, какъ *jèszkoki* (изъ *jẽszko* (**jẽszkā°a°*)+*ki*), *neszki* (изъ *nesz*+*ki*), *dirbki* (изъ *dirb*+*ki*) и т. п., гдѣ первая часть этихъ сложеній ассоціировалась съ основою инфинитива, и всѣ прочія образованія, въ которыхъ первая часть отличалась отъ основы инфинитива, были, вытѣснены новообразованіями, представлявшими въ первой части сложеній основу неопредѣленнаго; этою ассоціаціею

первой части указанныхъ образованій съ основою неопредѣленнаго слѣдуетъ объяснить и появленіе нисходящаго ударенія въ *jeszkôki* вмѣсто восходящаго, которое должно было первоначально существовать въ **jeszkō*. Что касается самой постпозиціи *-ki*, *-ke*, то нѣтъ никакихъ основаній объяснять *-ki* изъ *-ke*: *-ki* получилось изъ литовсколатышскаго *-ki*, а *-kē* изъ литовсколатышскаго *-ke*, гдѣ *ė* изъ дифтонга. Въ эпоху появленія подвижности краткихъ гласныхъ конечнаго слога *i* въ *-ki* стало подвижнымъ и могло отпадать; въ результатѣ, какъ мы видѣли, и говоры наиболѣе консервативные по отношенію къ пралитовскимъ подвижнымъ гласнымъ въ обыкновенной рѣчи представляютъ образованія на *-k* безъ гласной *i* въ концѣ. Бругманъ сомнѣвается въ томъ, чтобы гласная *i* представляла первоначальное окончаніе постпозиціи *-ki*, *-k*, (*-ke*), и прибавляетъ: «Man vergleicht ansprechend lat. *ce* (*ce-do*, *sī-c*). (Gr. II, § 957). Въ данномъ случаѣ онъ имѣетъ въ виду Шлейхера, который считалъ лишь *k* принадлежащимъ извѣстной частицѣ, вставленной между основою глагола и окончаніемъ *i* старыхъ образованій повелительной формы 2-го л. ед. ч., сопоставляя при этомъ *k* съ древнеинд. *ča*, лат. *ce*, *c*, слав. *ka*. Handb. p. 230—231). Само собою разумѣется, что Бругманъ не считаетъ возможнымъ объясненіе Шлейхера въ его цѣломъ, и видитъ, надо думать, въ *i* (*ė*) въ окончаніи постпозиціи извѣстное новообразованіе. Я, съ своей стороны, не могъ бы понять происхожденія такого новообразованія (вліянія со стороны образованій со значеніемъ повелительной формы на *-i* я не могъ бы допустить, да и сложная гласная *ē* въ *kē* оставалась бы при этомъ въ сущности необъясненною), а по тому я возвожу литовскія *ki* и *kē* къ индоевропейскимъ мѣстоимѣннымъ основамъ *qi* и *qa*^{u}, къ которымъ также слѣдуетъ возводить лат. *ce*, слав. *ka*.

Въ формѣ третьяго лица, которая является въ балтійскихъ языкахъ общею для всѣхъ чиселъ мы находимъ въ литовскомъ и латышскомъ языкѣ въ изъявительномъ наклоненіи глаголовъ тематическаго спряженія или образованія непосредственно представляющія гласную окончанія основы или ея фонетическое сокращеніе въ окончаніи самой формы, или образованія частію утратившія ее по закону о подвижности краткихъ гласныхъ конечнаго слога, въ томъ случаѣ, если она была получена краткою; ср. Изв. II отд. т. I. стр. 482. Примѣры: 1) литовскія: *vēda*, а въ говорахъ не южныхъ обыкновенно

vèd, частію *vẽd*; ср. Изв. II Отд. т. I, стр. 493; *veĩcza*, а въ говорахъ не-южныхъ обыкновено *veĩcz*; *tùri* при *tùr* напр. и въ южномъ говорѣ среднелитовскаго нарѣчія русской Литвы, описанномъ Бругманомъ, гдѣ въ обыкновенной рѣчи неизвѣстны *vèd*, *veĩcz* и т. п. образованія (Brugmann -Leskien, p. 316); *vès*, частію *vẽs* во всѣхъ говорахъ литовскагоязыка—форма будущаго времени; *mãto* въ тѣхъ говорахъ, которые не сокращаютъ старыхъ долгихъ гласныхъ конечнаго слога, при *mãta* напр. въ говорѣ Вилькишекъ (Leskien — Brugmann, p. 6); *sùko* при *sùka* напр. въ говорѣ Вилькишекъ — форма прошедшаго времени; *vẽdė* при *vẽde* напр. въ говорѣ Вилькишекъ—форма прошедшаго времени, *mazgôja* при *mazgô* въ говорахъ не-южныхъ; *mazgôjo* при *mazgôja* въ извѣстныхъ говорахъ—форма прошедшаго времени; 2) латышскія (литературнаго нарѣчія): *ved* при діалектическомъ *veda*; *tur* при діалектическомъ *tura*; *vedisz* при діалектическомъ *vesz*—форма будущаго времени; *klausa*, случаи, гдѣ сохраняется старое *i* см. ниже; *aĩga*, *veda*—формы прошедшаго времени; *mazga*—форма настоящаго при *mazgaja*—формѣ прошедшаго времени. Нѣкоторыя діалектическія особенности литовскаго и латышскаго языковъ заслуживаютъ быть отмѣченными.

Въ различныхъ говорахъ литовскаго языка мы находимъ образованія формы 3-го л. прошедшаго времени безъ старой долгой гласной *o* въ концѣ, тамъ, гдѣ ей предшествовало *v* или *j*. Это явленіе слѣдуетъ отдѣлять отъ старой подвижности краткихъ гласныхъ конечнаго слога, возникшей еще въ пралитовскомъ языкѣ, между тѣмъ какъ это отпаденіе старой долгой гласной произошло уже на почвѣ отдѣльныхъ діалектовъ подъ вліяніемъ извѣстныхъ психологическихъ причинъ, а относительно старой подвижности краткихъ гласныхъ конечнаго слога надо замѣтить, что оно было явленіемъ, вызваннымъ частію извѣстными фонетическими, частію психологическими причинами (ср. Изв. II Отд, т. I, стр. 480). По отношенію къ годлевскому говору Бругманъ далъ точныя указанія, въ какихъ именно случаяхъ мы находимъ разсматриваемое отпаденіе старой долгой гласной *o* (Brugmann Leskien, p. 292); изъ его словъ видно, что оно связано съ трехсложностью самой формы, являющейся частію лишь въ сложеніи съ приставкою, а такіе случаи, какъ *dė*, *spė* извѣстны только въ дайнахъ. Исторія *n̂*, *i̯* въ окончаніи дифтонга съ

долгой слоговой гласной, образующагося вслѣдствіе отпаденія конечнаго *o*, та же, что и въ другихъ случаяхъ, гдѣ являются такіе дифтонги въ концѣ словъ. Далѣе слѣдуетъ отмѣтить жемайтскія (у Довконта) образованія 3-го л. настоящаго и будущаго времени съ постпозицией *ai;* напр. *dżustai, plaukiai, nuszausai* разлагаются на *dżust+ai, plauk'+ai, nuszaus+ai;* примѣры см. у Шлейхера Handb. II, p. 227—228.

Въ латышскомъ языкѣ въ глаголахъ VI—IX классовъ по счету Биленштейна, т.-е. въ глаголахъ съ производными основами настоящаго времени на *ja,* которому предшествуетъ долгая гласная, въ литературномъ нарѣчіи являются образованія разсматриваемой формы на одну долгую гласную безъ *ja,* напр. *mazgà, lukū̃, tirì, velė.* Исторія этихъ формъ однородна съ исторіею литовскихъ образованій типа *mazgô,* т.-е. и здѣсь мы находимъ отпаденіе старой подвижной краткой гласной *a* и затѣмъ исчезновеніе неслоговой части дифтонга съ долгой гласной, т.-е. напр. *mazgà* непосредственно изъ *mazgài* и далѣе изъ *mazgàja.* Народные говоры и въ глаголахъ этого типа представляютъ болѣе полныя образованія на *-àja, -ūja, -ìja, -ėja* и на дифтонги, получившіеся вслѣдствіе отпаденія краткой гласной *-a,* ср. Bielenstein Lett. Sp. II, § 420; Bezzenberger Sp. P. L., p. 86—87, гдѣ врядъ ли мы имѣемъ дѣло съ заимствованіями изъ литовскаго языка, какъ то думаетъ Бецценбергеръ. Въ глаголахъ X класса типа *stiprinu—stiprinàt* форма 3-го л. настоящаго времени оканчивается въ литературномъ нарѣчіи частію на *ā,* частію на *ā̀* (Bielenstein, Lett. Sp. II, § 419); *ā̀* объясняется здѣсь такъ же, какъ и въ *mazgà,* такъ какъ основы этого рода повліяли извѣстнымъ образомъ на основы X класса, вызвавъ здѣсь параллельныя образованія. Въ народныхъ говорахъ вліяніе основъ VI класса сказалось по отношенію къ разсматриваемой формѣ и на тѣхъ глаголахъ X класса, которые не заключаютъ *-in-* въ составѣ суффикса основы: ср. *dzẽde* (гдѣ *e* изъ *a*), *dzẽd* и *dzẽdà.* Въ глаголахъ XI класса, представляющихъ извѣстное новообразованіе по отношенію къ основѣ, гласная *a* въ окончаніи разсматриваемой формы вообще сохраняется, что объясняется ея происхожденіемъ: здѣсь эта гласная изъ стараго *a* долгаго (ср. лит. *o* въ *mãto);* въ діалектахъ извѣстны и образованія съ отпавшею гласною подъ вліяніемъ аналогіи со стороны глаголовъ другихъ классовъ, ср. Bezzenberger Sp.

P. L., p. 86. Въ окончаніи формы 3-го л. будущаго времени старая гласная *i*, не сохранившаяся въ литературномъ нарѣчіи, сохраняется въ діалектахъ, см. Bielenstein, Lett. Sp. II, § 444, и является въ Катихизисѣ 1586 г., гдѣ мы находимъ неоднократно *buuse* и одинъ разъ *tapse* (LLD. II p. VII). Литовскій языкъ не сохранилъ старой гласной *i* въ окончаніи разсматриваемой формы, между тѣмъ какъ гласная *i* въ окончаніи 3-го л. настоящаго времени глаголовъ класса *turiù*, гдѣ *i* въ окончаніи основы, однородное, какъ мы увидимъ далѣе, по происхожденію съ гласною *i* въ окончаніи основы будущаго, продолжаетъ здѣсь частію сохраняться. Эта гласная была подвижною въ литовсколатышскую эпоху и въ томъ, и въ другомъ случаѣ, но далѣе, въ пралитовскомъ языкѣ, она исчезла совершенно въ формѣ 3-го л. будущаго времени вслѣдствіе возникшаго здѣсь стремленія различать формы 2-го л. ед. ч. и 3-го л., въ окончаніи формы 3-го л. настоящаго времени глаголовъ класса *turiù* гласная *i* не была утрачена совершенно, потому именно, что въ этихъ глаголахъ, какъ на то указалъ проф. Фортунатовъ, форма 2-го л. ед. ч. отличалось отъ разсматриваемой формы въ извѣстной ихъ части по ударенію, а въ будущемъ времени удареніе во всѣхъ формахъ лица падаетъ, какъ извѣстно, не на окончаніе основы. Въ латышскомъ языкѣ глаголы класса литовскаго *turiù* представляютъ новообразованіе по отношенію къ основѣ настоящаго, а именно старая основа на *i* замѣнена здѣсь вообще основою на *a*. Въ формѣ прошедшаго времени гласная *a* въ окончаніи 3-го л. въ латышскомъ языкѣ сохраняется, такъ какъ представляетъ собою сокращеніе старой долгой гласной, ср. литовское *o*. Аналогично съ разсмотрѣнными выше литовскими діалектическими образованіями и латышскій языкъ знаетъ, въ діалектахъ, образованія разсматриваемой формы отъ глаголовъ съ производными основами настоящаго на *ãja, ẽja, ĩja, ũ̃ja* на одну долгую гласную непосредственно изъ дифтонга съ долгой слоговой гласной съ нефонетическимъ отпаденіемъ конечнаго *a*. Наконецъ должны быть отмѣчены сохранившіяся частію въ восточнолатышскомъ*)

*) Вслѣдъ за Э. Вольтеромъ (см. его „Матеріалы для этнографіи латышскаго племени“, стр. XII) я называю восточнолатышскимъ то нарѣчіе латышскаго языка, которое у Бильштейна называется „der oberländische Dialekt“; соотвѣтственно съ этимъ другія два нарѣчія могутъ быть названы „западнолатышскимъ“ (der nordwestkurische Dialekt) и „среднелатышскимъ“ (der mittlere Dialekt).

и другихъ нарѣчіяхъ образованія 3-го л. прошедшаго съ старыми основами на *ē'*, представляющія въ окончаніи формы гласную *e* (въ возвратномъ залогѣ *-ė -s)*, которая въ такомъ положеніи фонетически изъ литовсколатышскаго *ē'*, ср. лит. *ė* въ *nẽszė;* напр. *dawe*=литер. *deva, kope* = литерат. *kàpa, núbróuze* = литерат. *nū̃'braũca* и т. п. (см. у Бецценбергера въ LDSt. p. 70—71 примѣры, записанные имъ самимъ и извлеченные изъ Манцеліуса, Bielenstein, Lett. Sp. I, §§ 58, 159).

Въ формѣ возвратнаго залога въ положеніи передъ *-s(i)* въ литовскомъ языкѣ мы находимъ въ 3-мъ л. въ окончаніи самого глагола тѣ-же гласныя, что и въ формѣ дѣйствительнаго залога, за исключеніемъ для извѣстныхъ говоровъ тѣхъ различій, которыя являются результатомъ дѣйствія закона о позднѣйшемъ, діалектическомъ, сокращеніи старыхъ долгихъ гласныхъ конечнаго слога (напр. ср. въ говорѣ Вилькишекъ *sùka* = *sùko* другихъ говоровъ при *sùkus* = *sùkos* другихъ говоровъ, Brugmann-Leskien, p. 6). Въ извѣстную эпоху жизни пралитовскаго языка различій этихъ не существовало. Въ латышскомъ языкѣ въ общелатышскую эпоху точно также не существовало различій въ гласныхъ между окончаніемъ разсматриваемой формы въ дѣйствительномъ залогѣ (въ ея полномъ видѣ) и въ возвратномъ залогѣ передъ *s(i)*, но въ современномъ языкѣ являются извѣстныя различія, объясняющіяся дѣйствіемъ закона о сокращеніи старыхъ долгихъ гласныхъ въ открытомъ и закрытомъ концѣ словъ, возникшаго еще въ общелатышскую эпоху, а именно въ прошедшемъ времени здѣсь является въ дѣйствительномъ залогѣ *-a*, которое непосредственно изъ *-ā*, ср. литовское *-o*, въ формѣ возвратнаго залога эта гласная не могла сократиться, и отсюда современное литературное *-à-s*. Вслѣдствіе того, что гласная *-a* въ окончаніи 3-го л. настоящаго времени въ полномъ ея видѣ представляется для сознанія говорящихъ тѣмъ же *-a*, которое является и въ прошедшемъ времени, появились здѣсь въ формѣ возвратнаго залога новообразованія на *-à-s* (Bielenstein, Lett. Sp. II, § 420). На діалектическихъ явленіяхъ, обусловленныхъ дѣйствіемъ спеціальныхъ фонетическихъ законовъ, я здѣсь не останавливаюсь. Само собою понятно, что при литерат. *mazgà* и т. п. мы находимъ въ возвратномъ залогѣ только *mazgàjas* и т. п.

Въ прусскомъ языкѣ въ формѣ 3-го л. настоящаго и прошедшаго времени тематическаго спряженія мы находимъ, во-первыхъ,

образованія, представляющія въ окончаніи гласную основы, какъ это мы видѣли въ литовскомъ и латышскомъ языкахъ; напр. *senrīnka, giwa, powaidinne, enterpo* (написанія *e* и *o* здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, передаютъ частію старое *a* въ положеніи безъ ударенія)—основы на *a; gēide*—основа на *ja; turri*—основа на *i; bia, lāiku*—основы на *ā; madli, grīkisi*—основы на *ī; milē*—основа на *ē; lasinna, imma, weddē, pertraūki* (гдѣ *i* вм. *ē*, какъ и въ другихъ случаяхъ) — формы прошедшаго времени, ср. лит. *-o* и *ė* въ окончаніи разсматриваемой формы; о происхожденіи самихъ долгихъ гласныхъ я буду говорить въ главѣ, посвященной исторіи основъ, а пока замѣчу только, что я во всѣхъ этихъ случаяхъ вижу тематическое спряженіе и долгую гласную въ окончаніи основы объясняю какъ результатъ извѣстнаго стяженія.

Во-вторыхъ, въ прусскомъ языкѣ являются въ разсматриваемой формѣ извѣстныя сложенія, въ составъ которыхъ входитъ сама форма 3-го л.+постпозиція. Такіе случаи, какъ *augaunai, ebimmai, etwiērpei, turei, ettrāi, peisāi*—образованія настоящаго времени—и *postāi, bēi (bei)*—образованія прошедшаго времени—разлагаются на *augaun*a, *ebimma, etwiērpe, turi, ettrā, peisā, posta, be+ai,* та же постпозиція, которую мы нашли въ литовскихъ діалектическихъ образованіяхъ. Ту же постпозицію мы находимъ и въ образованіяхъ, являющихся съ значеніемъ желательнаго наклоненія и представляющихъ по происхожденію форму будущаго времени, напр. прусское *boūsei* разлагается на *boūsi* (намъ передано *boūse,* гдѣ *e* вм. *i,* какъ и въ другихъ случаяхъ; иначе смотритъ на это *e* Бернекеръ (Pr. Sp. p. 227), но съ его мнѣніемъ я не могу согласиться; ср. далѣе *pokunsi)+ai;* прусское же *boūsai* разлагается на *boūs+ai,* гдѣ *boūs* соотносительно съ такими литовскими образованіями будущаго, какъ *ēīsme, ēīste,* т.-е. *boūs* представляетъ форму 3-го л. будущаго времени съ нетематическимъ спряженіемъ; ср. указанныя мною выше *teīks, gerdaus, engerdaus.* Далѣе, въ прусскомъ языкѣ намъ засвидѣтельствованы такія образованія 3-го л. ед. ч. прошедшаго времени какъ *immats, bilats,* разлагающіяся на *imma, bila+ts,* а это *ts* изъ *tas* и представляетъ по происхожденію форму им. ед. ч. м. р. указательнаго мѣстоименія.

Такимъ образомъ разсмотрѣнные выше факты трехъ балтійскихъ языковъ свидѣтельствуютъ о томъ, что въ эпоху распаденія

общебалтійскаго языка форма 3-го л. всѣхъ чиселъ въ настоящемъ, будущемъ и прошедшемъ времени оканчивалась въ тематическомъ спряженіи на гласную основы. Такое же образованіе разсматриваемой формы мы находимъ въ образованіи такъ называемаго литовскаго пермиссива, замѣняющаго форму 3-го л. повелительнаго наклоненія. Глаголы съ основами настоящаго времени на *a* и старое *ja* представляютъ (хотя и не исключительно, какъ мы сейчасъ увидимъ) здѣсь въ окончаніи самого глагола сложную гласную *ę*; напр., *te-sukę̃, te-vertę̃, te-penę̃;* сложная гласная *ę* получилась изъ литовско-латышскаго *ė* и далѣе изъ дифтонга *ai*, литовскославянскаго $a^{0}i$, индоевропейскаго $a^{0}i$ въ окончаніи основы желательнаго наклоненія въ тематическомъ спряженіи. Глаголы съ другимъ образованіемъ основы настоящаго времени представляютъ образованіе 3-го л. пермиссива, не отличающееся по окончанію самой глагольной формы отъ соотвѣтственнаго образованія 3-го л. настоящаго времени; напр., *te-māto, te-mỹl(i)* и т. п. О происхожденіи этого образованія пермиссива я буду говорить впослѣдствіи въ главѣ, посвященной исторіи формъ наклоненія, а пока замѣчу, что и глаголы съ основами первой категоріи представляютъ частію форму пермиссива по второму типу (ср. Kurschat, Gr. § 1073, Schleicher, Handb. I, § 104); въ годлевскомъ говорѣ, по словамъ Бругмана, неизвѣстны совсѣмъ образованія перваго типа (Leskien-Brugmann, p. 316), какъ неизвѣстны онѣ, по моимъ наблюденіямъ, и въ части говоровъ восточнолитовскаго нарѣчія. Болѣе подробныя свѣдѣнія я сообщу въ главѣ, посвященной исторіи формъ наклоненія. Въ старыхъ текстахъ намъ засвидѣтельствованы и образованія 3-го л. пермиссива отъ глаголовъ съ производными основами на *o*, оканчивающіеся на *ai*, гдѣ это *ai* объясняется, понятно, изъ литовско-славянскаго (извѣстной эпохи) $\bar{a}^{0}a^{0}i$, гдѣ между $\bar{a}^{0}$ и a^{0} исчезло *i*, и гдѣ $a^{0}i$ тождественно съ $a^{0}i$, которое дало въ результатѣ въ литовскомъ сложную гласную *ė* напр. въ *te-sukę̃;* примѣры см. у Бецценбергера Gesch. p. 209, а также Arch. f. sl. Ph. XIII, p. 567; у Ширвида *te klausay* (139,4). Наконецъ, глаголы съ старыми нетематическими основами настоящаго времени представляютъ извѣстныя изъ старыхъ текстовъ образованія 3-го л. пермиссива на *-i*, гдѣ гласная *i* окончаніе основы индоевропейскаго желательнаго наклоненія въ такомъ его образованіи, о чемъ я буду говорить ниже; примѣры см. у Бец-

ценбергера Gesch. p. 209, а также напр. ср. *tessi* (3), *téssi* (46) въ Катихизисѣ Даукша, *tesi, te átimi* (гдѣ *i* представляетъ новообразованіе) въ Катихизисѣ 1598 г. (Arch. f. sl. Ph. XIII, p. 567), *Tési* (2) въ Катихизисѣ 1605 г. При такомъ окончаніи этой формы, гдѣ *i* въ окончаніи основы получено изъ индоевропейскаго языка, мы находимъ въ говорахъ, описываемыхъ Шлейхеромъ и Куршатомъ, а также въ текстѣ Библіи 1869 г. и образованія на сложную гласную *ė*, возникшія здѣсь по аналогіи глаголовъ съ тематическими основами настоящаго времени; ср. *tesė* при *test* у Шлейхера Handb. I, p. 252, *tesiẽ* при *t'ẽsti* у Куршата Gr. § 1106, *dů̃diẽ, esiẽ* (Bezzenberger, Gesch. p. 209). Бецценбергеръ l. c. p. 211 приводитъ нѣсколько случаевъ употребленія *te estie* изъ текста 1600 г. (Margarita Theologica съ приложевіемъ трактата Apie popieszischkaie Mischе); понятно, что *te estie* представляетъ собою новообразованіе вмѣсто *te esti*, аналогичное *tesė* при *tesi*, извѣстномъ намъ только изъ старыхъ текстовъ, а употребленіе формы 3-го л. настоящаго времени въ сложеніи съ *te* съ значеніемъ пермиссива отъ старыхъ основъ нетематическаго спряженія объясняется вліяніемъ аналогіи съ стороны прочихъ глаголовъ, вслѣдствіе чего старыя образованія разсматриваемой формы на *i* мало по малу вытѣснялись и выходили изъ употребленія; аналогичный процессъ произошелъ и по отношенію къ старымъ образованіямъ пермиссива на *-ai*, у глаголовъ съ производными основами настоящаго времени на *ō*, и на *ė*, у глаголовъ съ основами настоящаго времени на *a* и на старое *ja*; образованія на *-ai* уже, повидимому, неизвѣстны въ современныхъ говорахъ, а образованія на *ė* утрачены, какъ мы видѣли, въ части современныхъ говоровъ. Это явленіе восходитъ въ своихъ началахъ къ давнему времени, какъ свидѣтельствуютъ о томъ старые тексты. Ср. приведенное Бецценбергеромъ (Gesch. p. 208) *te ischdů̃da* изъ Библіи Бреткуна, гдѣ встрѣчается и *te dů̃di*, а также данныя изъ другихъ старыхъ текстовъ: Катихизисъ 1547 г.: *Tepridosti* (15,11), *te esti* (16, 31); Forma chrikstima 1559 г.: *tedůst* (39,6), *teaplaista* (37,10)—основа на *ō*, между тѣмъ какъ *tebila* (37,11), *teapsaugo* (39,4), *te perszegno* (39,4) имѣютъ конечное *-ō*, звучавшее въ этомъ говорѣ какъ *å*° и передавшееся, поэтому, частію буквою *a*, изъ *-ōi*, которое въ свою очередь изъ *-oja;* Катихизисъ 1598 г.: *te duod* *), *te est* при *tesi*,

*) Что касается, впрочемъ, такихъ случаевъ какъ *te duod*, то они м. б. анало-

tes (Arch. f. H. Ph. XIII, p. 567); Катихизисъ 1605 г.: *tesidét* (35), *te dûd* (72); Punktay Sakimu Ширвида: *tegul esti* (106,6), *tegul nesiraszo* (64,31) при *te klausay* (139,4); Библія Хилинскаго: *t'est* Sen. IX, 2 sg., *teprideda* Ruth. I, 17, *t'iszeyt* Esth. I, 19, *tedoda* Ruth. I, 9, *tedost* Esth. I, 19, *teuźmoka* Ruth. II, 12, *tepadaro* I, Reg. I, 37, 47; *teuźstato* Esth. II, 3, *teneźyno* Ruth. III, 14, *tejessko* Esth. II, 2. Что касается образованій на *-e*, то только по отношенію къ Библіи Хилинскаго можно сказать съ увѣренностью, что они повидимому неизвѣстны въ діалектѣ этого памятника, между тѣмъ какъ отсутствіе этихъ образованій въ другихъ указанныхъ памятникахъ можетъ быть простою случайностью, такъ какъ самихъ примѣровъ permissiva отъ глаголовъ съ основами настоящаго времени, сохранившими ихъ, вообще очень мало; напр., у Ширвида я отмѣтилъ только два раза *tegul stoias* (70, 32 и 98,16), *tegul giria* (24, 24) и *tegul sugriźta* (40,5); въ Катихизисѣ 1547 г. *te apgin* (26,1); въ Forma Chrikstima 1559 г. *teapschuietz* (39,4), *tepaszwelg* (39,4), *teklaus* (37,8) при *teperklausa* 39,21, гдѣ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ опущенъ знакъ смягченія *-i*.

Въ заключеніе настоящаго отдѣла я скажу еще о двухъ образованіяхъ старыхъ текстовъ, которыя неправильно объяснены Бецценбергеромъ (Gesch., p. 212). Встрѣчающееся три раза у Виллента *testą* (EE. 25 bis и 157) (неудачную попытку объяснить это образованіе см. также у Бехтеля LLD. III, p. LXXVII), понятно, тождественно по происхожденію съ встрѣчающемся на той же 25 страницѣ *testow*, а именно *testą*, т.-е. *te-sto* *), изъ *te-stou* и далѣе изъ *te-stovi*, гдѣ *stovi* по происхожденію форма 3-го л. наст. вр., а *stow* въ *testow* имѣетъ *w* по аналогіи *w* въ прочихъ формахъ лица этого

гичны *tes* при *tesi*, т.-е. *duod* непосредственно изъ *duodi*, а здѣсь *i* могло стать подвижнымъ нефонетически, благодаря вліянію аналогіи со стороны *duod*, *duodi* съ значеніемъ 2-го л. и частью 3-го л. повелительнаго наклоненія.

*) Замѣчу кстати, что издатель трудовъ Виллента Бехтель неправильно смотритъ вообще на написанія *ą*, *ę*, а именно онъ разсматриваетъ ихъ, какъ обозначенія только извѣстныхъ носовыхъ гласныхъ, между тѣмъ какъ у Виллента, въ подражаніе особенностямъ старинной польской графики, этими написаніями передаются и неносовыя гласныя, совпадающія по качеству самого гласнаго звука съ гласными носовыми, а въ его говорѣ въ носовой гласной, обозначавшейся написаніемъ *ą*, сама гласная по качеству звука была *a*^{o}, и въ носовой гласной, обозначавшейся написаніемъ *ę*, она была по качеству звука *e*^{i}; гласная пралит. *o* въ говорѣ Виллента и была именно *ā*^{o}, чѣмъ и объясняется обозначеніе ея между прочимъ буквою *ą*.

глагола; ср. *testa* въ Катихизисѣ 1547 г. (35,24). Далѣе, Бецценбергеръ приводитъ *te ei* изъ Бреткуна и *totey* изъ кайдатскаго изданія, обозначеннаго у него буквою *k;* здѣсь *ei* получилось не изъ *iai(t)* = греч. ἰοι, какъ то думаетъ Бецценбергеръ, а представляетъ, конечно, образованіе 3-го л. по нетематическому спряженію. Такимъ образомъ это *ei* однородно съ разсмотрѣнными выше образованіями тематическаго и нетематическаго спряженія въ томъ отношеніи, что представляетъ въ окончаніи формы 3-го л. основу глагола.

Балтійскіе языки представляютъ, однако, и другое образованіе 3-го л., а именно мы находимъ здѣсь въ окончаніи разсматриваемой формы *-ti* *). Въ литовскомъ языкѣ сюда принадлежатъ образованія 3-го л. настоящаго времени глаголовъ съ старымъ нетематическимъ спряженіемъ; напр. *ẽsti* при *èsti* въ говорѣ Куршата (Gr. § 1106), *ésti, ést* у Шлейхера (Handb. I, p. 252), *dè'st, dů'st, ést* и др. (см. у Куршата Gr. § 1175 sq., а также у Шлейхера, Handb. I, p. 252 sq.). Въ руссколитовскихъ говорахъ эти образованія замѣнены вообще образованіями по аналогіи глаголовъ съ тематическими основами настоящаго времени (ср. Brugmann-Leskien p. 318 для годлевскаго говора, Фортунатовъ-Миллеръ, стр. 11 для людвиновскаго говора, дайны, изданныя Юшкевичами). Примѣры изъ старыхъ текстовъ см. у Бецценбергера Gesch. p. 198; къ собранному здѣсь матеріалу можно добавить слѣдующее **): *dost* (13,3), *esti* (12,27), *est* (13,10), *serkti* (11,12), *eit* (13,10), *padest* (32,8) — Катихизисъ 1547 г.; *est* (33,4), *esti* (33,11), *passidůst* (36,16), *nůsidůstisi* (36,15) — форма возвратнаго залога—Forma chrikstima 1559 г.; *est* (6), *eit* (26), *důst* (40), *liekt* (100), ср. *liektig* (99), *nusidęst* (78), *prieitis* (76)—форма возвратнаго залога — Катихизисъ Даукша; *esti, est, serkti, giełbti, miekt, giesti, duost, pricyti, destis*—форма возвратнаго залога—*liektis*—то же—Катихизисъ 1598 г., см. Arch. f. sl. Ph. XIII, p. 567; *dest* (12), *eyt* (43), ср. *eytigu* (34), *Neliekty* (81), *prydůst* (83), *důstisi* (78)—форма возвратнаго залога—Катихизисъ 1605 г.; *atayt* (7,5), *iźduosti* (8,4), *esti* (8,10), *Padest* (9,29), *destis* (10,25)—форма возвратнаго залога, *ataduost* (15,28), *atliekt* (38,3), *miegty* (119,24) (Punktay Sakimu Ширвида); *iźgialbt* Gen. 14 Arg., *pasest* 14,19,

*) Гласная *i* въ *-ti* въ праслитовскомъ языкѣ была подвижною по фонетическимъ условіямъ.

**) Для каждой категоріи случаевъ я даю вообще по одному примѣру.

perzẽgt Lev. Arg. 7, *atliekt* Deut. Arg. 5, *uzeyt* ib. 15, *nusibegt* 1 Sam. Arg. (Библія Хилинскаго, см. Mitteilungen, IV, p. 272).

Въ латышскомъ языкѣ образованія формы 3-го л. настоящаго времени, соотвѣтствующія литовскимъ образованіямъ на *-t(i),* мнѣ неизвѣстны, за исключеніемъ единичнаго *ît,* гдѣ *t* изъ *ti* съ утратою старой краткой гласной конечнаго слога. Въ латышскомъ катихизисѣ 1586 г. встрѣчается еще *palleckt,* т.-е. *palekt.*

Въ прусскомъ языкѣ мы находимъ въ окончаніи формы 3-го л. настоящаго времени глаголовъ нетематическаго спряженія *-t* непосредственно изъ *-ti;* ср. *ast* при *est* въ Cat. II (о написаніи *a* для обозначенія стараго *e* см. Berneker Pr. Spr. p. 130), *ēit, dāst, wīrst,* ср. далѣе *asti* въ сложеніи *astits* съ значеніемъ 3-го л. ед. ч.

Если мы обратимся къ показаніямъ другихъ родственныхъ языковъ, то увидимъ, что общебалтійское *-ti* получено изъ литовско-славянскаго *-ti* и далѣе общеиндоевропейскаго *-ti* въ окончаніи 3-го л. ед. ч. настоящаго времени въ формѣ дѣйствительнаго залога при которомъ въ формахъ прошедшаго времени являлось *-t;* общеиндоевропейское *-t* въ концѣ словъ исчезло еще въ литовскославянскомъ языкѣ, и въ результатѣ въ общебалтійскомъ языкѣ должны были явиться образованія формы 3-го л. единственнаго числа безъ всякаго личнаго суффикса, представляющія лишь основу данныхъ формъ словоизмѣненія глагола. Далѣе по отношенію къ балтійскимъ языкамъ возникаютъ два вопроса: во-первыхъ, въ какую эпоху ихъ жизни и вслѣдствіе дѣйствія какихъ именно условій образованія, бывшія по происхожденію лишь формами 3-го л. единственнаго числа или, можетъ быть, только совпадавшія съ ними по звукамъ, стали общими формами 3-го лица безъ отношенія къ различіямъ по числамъ, и, во-вторыхъ, почему и въ какую эпоху образованія съ суффиксомъ *-ti* въ глаголахъ тематическаго спряженія были вытѣснены въ формѣ настоящаго и будущаго времени образованіями, восходящими въ конечномъ результатѣ къ индоевропейскимъ образованіямъ съ суффиксомъ *-t,* являвшимся здѣсь, какъ извѣстно, въ формахъ прошедшаго времени и извѣстныхъ формахъ наклоненія? Въ образованіяхъ пермиссива, какъ было выше указано, является въ литовскомъ языкѣ въ окончаніи самой формы конечный звукъ основы, и здѣсь такія образованія были получены изъ литовско-славянскаго языка, куда они перешли изъ индоевропейскаго пра-

языка съ личнымъ суффиксомъ *-t*, а литовскій пермиссивъ по отношенію къ основѣ восходитъ, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, къ формамъ индоевропейскаго желательнаго наклоненія и того косвеннаго наклоненія, которое называется инъюнктивомъ. Отлагая пока рѣшеніе поставленнаго выше втораго вопроса, такъ какъ онъ, очевидно, можетъ быть разсмотрѣнъ лишь въ связи съ аналогичными вопросами, возникающими по поводу окончанія нѣкоторыхъ другихъ формъ лица, мы займемся теперь первымъ пунктомъ.

Насколько мнѣ извѣстно, въ лингвистической литературѣ послѣдняго времени по этому поводу существуетъ два мнѣнія, изъ которыхъ одно принадлежитъ Іоганну Шмидту, а другое Бругману, на болѣе же старыхъ теоріяхъ я, по понятнымъ причинамъ, не останавливаюсь. По мнѣнію Шмидта (K. Z. XXV, p. 595), который имѣетъ въ виду только литовскій языкъ, употребленіе формы по происхожденію 3-го л. ед. ч. съ значеніемъ 3-го л. множ. и дв. ч. вызвано въ литовскомъ языкѣ аналогіей со стороны *yrà*, употреблявшемся предикативно при подлежащемъ всѣхъ трехъ родовъ; само *yrà* представляетъ собою по происхожденію существительное съ значеніемъ «existentia» отъ индоевропейскаго глагольнаго корня, который въ слабомъ видѣ теперь слѣдуетъ выставлять какъ $\overset{\circ}{a}r$. Бругманъ (Gr. II, § 999) при объясненіи разсматриваемаго явленія идетъ по другому пути, а именно онъ ссылается на существовавшее, по его мнѣнію, въ индоевропейскомъ праязыкѣ правило, по которому подлежащее средняго рода въ формѣ множественнаго и двойственнаго чиселъ сочинялось съ глаголомъ сказуемымъ въ формѣ 3-го л. ед. ч. Взглядъ Бругмана не можетъ быть принятъ уже потому, что балтійскіе языки, какъ извѣстно, утратили почти совершенно форму средняго рода, да и помимо того существованіе въ индо-европейскомъ языкѣ правила согласованія, принимаемаго Бругманомъ и нѣкоторыми другими лингвистами, представляется недоказаннымъ. Съ другой стороны, и мнѣніе Шмидта не можетъ быть принято уже по той причинѣ, что было бы непонятнымъ вліяніе, которое, по объясненію Шмидта, оказало одно только *yrà* на всѣ глагольныя формы 3-го л. въ литовскомъ языкѣ, а, какъ я замѣтилъ выше, Шмидтъ имѣетъ въ виду исключительно литовскій языкъ. Помимо этого разсматриваемое явленіе согласно указаніямъ отдѣльныхъ балтійскихъ языковъ, должно было возникнуть еще въ общебалтійскомъ

языкѣ, прусскій же языкъ не представляетъ соотвѣтствія съ литовскимъ *yrà*, латышскимъ *ira*. Далѣе, отличіе литовскаго *yrà* по ударенію отъ глагольныхъ образованій 3-го л. на *-a* само по себѣ не могло бы еще свидѣтельствовать въ пользу того, что *yrà* по происхожденію не глагольная форма, именно безъ детальнаго изслѣдованія литовскаго ударенія вообще нельзя было бы ссылаться на это обстоятельство, и дѣйствительно проф. Фортунатовъ пришелъ при изслѣдовании законовъ передвиженія ударенія въ пралитовскомъ языкѣ къ тому выводу, что въ образованіяхъ формы 3-го л. на *-a* типа *nẽszа* удареніе въ литовскомъ языкѣ перенесено на основу глагола подъ вліяніемъ фонетическаго перенесенія ударенія въ такихъ случаяхъ, какъ *nẽszame* изъ **neszamè*, *nẽszate* изъ **neszatè;* старое мѣсто ударенія въ *yrà* могло бы сохраниться, такъ какъ здѣсь не было вліянія указанной аналогіи. По моему мнѣнію литовское *yrà* и латышское *ira* представляютъ, по происхожденію, форму 3-го л. ед. ч. глагольной основы *ira-;* тематическое спряженіе явилось здѣсь, можетъ быть, въ самомъ общебалтійскомъ языкѣ, ср. дринд. *īrtē*, греч. ἔρυμι. Долгота *i* въ литовскомъ языкѣ объясняется вліяніемъ аналогіи со стороны такихъ образованій какъ *bi̯ra*, гдѣ носовой инфиксъ въ свою очередь продуктъ извѣстнаго новообразованія, какъ мы это увидимъ впослѣдствіи. Въ ту эпоху, когда въ пралитовскомъ языкѣ появился носовой инфиксъ въ *bi̯rù*, въ **ira* не было подобнаго новообразованія, такъ какъ **ira* вошло въ систему спряженія глагола «быть» и не имѣло значенія начинательнаго состоянія; съ теченіемъ времени, однако, и здѣсь появилось *i̯* по аналогіи *i̯* въ *bi̯ra*, и это перенесеніе *i̯* объясняется вліяніемъ звуковой аналогіи; ср. аналогичное перенесеніе *i̯* и *u̯* въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ (Нѣск. данн. стр. 535); не вездѣ, однако, такое перенесеніе произошло въ одну и ту же эпоху, и напр. постоянное необозначеніе носового свойства въ *ira* въ Катихизисѣ Даукша указываетъ, повидимому, на то, что въ самомъ языкѣ здѣсь было *ira*. Въ жемайтскихъ говорахъ, не знающихъ такихъ образованій какъ *bi̯ra* и частію сохраняющихъ носовое свойство гласныхъ при положеніи ихъ не въ концѣ словъ безъ ударенія, *yra,* если только здѣсь дѣйствительно существуетъ *yra,* представляло бы собою заимствованіе изъ другихъ діалектовъ; въ сборникахъ Юшкевичей пишется постоянно *yra,* хотя здѣсь мы ждали бы написаніе *i̯nra* согласно съ орѳографическими пріемами Ив. Юшке-

вича, но какъ разъ по отношенію къ этому слову могло сказаться вліяніе предвзятаго убѣжденія относительно правильности написанія *yra,* хотя, впрочемъ, и здѣсь *yra* можетъ существовать и въ самомъ языкѣ, представляя заимствованіе изъ другихъ діалектовъ. По поводу литовскаго *yrà,* слѣдуетъ еще замѣтить, что и въ говорахъ, сохраняющихъ старое мѣсто ударенія при *yrà* извѣстно *ỹr* по аналогіи прочихъ образованій 3-го л. (ср. напр. *ỹr* въ годлевскомъ говорѣ, Leskien-Brugmann, p. 228); въ латышскомъ языкѣ, въ его литературномъ нарѣчіи, является *ir* при *ira* въ народныхъ говорахъ.

Итакъ, я полагаю, можно придти къ тому выводу, что объясненія, предложенныя Бругманомъ и Шмидтомъ по поводу причины, обусловившей указанное выше обобщеніе въ балтійскихъ языкахъ формы 3-го л. ед. ч., не могутъ быть приняты. Мой взглядъ на причину, вызвавшую ‹употребленіе въ балтійскихъ языкахъ формы 3-го л. по происхожденію именно единственнаго числа и со значеніемъ 3-го л. множественнаго и двойственнаго чиселъ›, совершенно иной, и прежде всего я долженъ замѣтить, что въ этой общей формѣ 3-го л. я не вижу непосредственно формы 3-го л. ед. ч. Я полагаю, именно, что появленіе въ общебалтійскомъ языкѣ формы 3-го л. въ томъ ея образованіи, въ которомъ она является въ отдѣльныхъ балтійскихъ языкахъ, явилось результатомъ цѣлаго ряда болѣе или менѣе сложныхъ процессовъ. Въ ту эпоху, когда въ большинствѣ формъ лица общебалтійскій языкъ получилъ окончанія, принадлежавшія по происхожденію образованіямъ формъ лица прошедшаго времени, и въ формахъ 3-го л. эти послѣднія вытѣснили старыя окончанія, такимъ образомъ въ окончаніи формы 3-го л. ед. ч. являлась конечная гласная основы (напр. **veda* изъ литовскославянскаго **vedet*), а въ окончаніи формы 3-го л. мн. ч. существовалъ звукъ *n* въ положеніи послѣ конечной гласной основы (напр. **vedan* изъ литовскославянскаго **vedant*). Мы видѣли раньше, что въ окончаніи формы 1-го л. ед. ч. существовало въ общебалтійскомъ языкѣ два варіанта, изъ числа которыхъ второй совпадалъ по звукамъ съ окончаніемъ формы 3-го л. мн. ч. (напр. **vedō* при **vedan*). Далѣе, мы видѣли, что въ результатѣ взаимнаго вліянія другъ на друга двухъ варіантовъ въ окончаніи формы 1-го л. ед. ч. второй изъ нихъ утратилъ звукъ *n*. Окончательной утратѣ звука *n* должна была предшествовать эпоха, когда это *n* было такъ сказать подвижнымъ, и, я думаю, та же подвиж-

ность *n* была перенесена и на окончаніе формы 3-го л. мн. ч Образованія безъ *n* совпадали здѣсь по звукамъ съ образованіями 3-го л. ед. ч., и въ результатѣ и здѣсь образованія съ *n* были вытѣснены. Рѣшающимъ моментомъ было то обстоятельство, что, въ эпоху сокращенія долгихъ слоговыхъ гласныхъ въ дифтонгахъ и дифтонгическихъ сочетаніяхъ, образованія съ *n* и въ формѣ 1-го и въ формѣ 3-го л. мн. ч. въ цѣломъ рядѣ глаголовъ (именно въ глаголахъ съ производными основами на долгія гласныя) должны были отличаться по количеству, частью и качеству, гласнаго звука передъ *n* отъ образованій прочихъ формъ лица, гдѣ въ положеніи передъ звукомъ, принадлежавшимъ окончанію, являлась гласная окончанія основы. Что касается формы 3-го л. дв. ч., то, по совпаденіи формъ 3-го л. ед. и 3-го л. мн. ч. въ одной формѣ, тождественной по звукамъ съ старою формою 3-го л. ед. ч., она была утрачена и замѣнена этою новою формою 3-го л ед. и мн. ч. Совпаденіе формъ 3-го л. ед. и мн. ч. и происшедшее далѣе вытѣсненіе стараго образованія формы 3-го л. дв. ч. было перенесено затѣмъ въ общебалтійскомъ языкѣ съ глаголовъ съ тематическимъ спряженіемъ основы настоящаго времени и на глаголы съ нетематическимъ спряженіемъ, гдѣ форма 3-го л. ед. ч. стала точно также общею формою 3-го л. всѣхъ чиселъ, и далѣе вообще всюду въ балтійскихъ языкахъ форма 3-го л. ед. ч. стала общею формою 3-го л. для всѣхъ чиселъ.

Теперь мнѣ остается разсмотрѣть еще тотъ случай, гдѣ образованія формы 3-го л. ед. ч. въ литовскомъ и прусскомъ языкахъ являются въ сложеніи съ постпозиціями.

Прусское *ts*, являющееся въ формахъ 3-го л. ед. ч. прошедшаго времени, только одинъ разъ передано намъ въ формѣ 3-го л. ед. ч. настоящаго времени *(astits)*. Это *-ts*, получившееся фонетически непосредственно изъ *-tas*, тождественно, какъ то показалъ проф. Фортунатовъ (Лекціи по фонетикѣ старославянскаго языка, стр. 208), съ тѣмъ **-тъ**, которое является въ старославянскомъ языкѣ въ сложеніи съ формою 3-го (и 2-го л.) ед. ч. аориста на **-хъ** въ непроизводныхъ глаголахъ тематическаго спряженія, напр., **бытъ**, **пѣтъ**, **ѣтъ**; это **-тъ** и въ паннонскихъ памятникахъ, и въ древнѣйшихъ памятникахъ старославянскаго языка русской редакціи является всюду съ **ъ**, между тѣмъ какъ въ явившихся подъ вліяніемъ формъ настоящаго времени **дастъ**, **дасть**, **ѣсть**, (**ись**), **ѣстъ**

(**ѣстъ**) и возникшемъ по аналогіи этихъ послѣднихъ **бысть, бысть** мы находимъ въ паннонскихъ памятникахъ **ъ** при очень рѣдкомъ **ь**, а въ О. Ев. и другихъ памятникахъ русской редакціи **ь**, параллельно съ **ъ** въ окончаніи формы 3-го л. ед. и 3-го л. мн. ч. при обычномъ **ъ** въ окончаніи тѣхъ же формъ въ паннонскихъ текстахъ. Сопоставленіе фактовъ старославянскаго и прусскаго языковъ позволяетъ намъ придти къ тому заключенію, что еще въ литовскославянскомъ языкѣ указательное мѣстоименіе могло употребляться въ качествѣ формальнаго слова, имѣвшаго нѣкогда, надо думать, измѣненіе по грамматическому роду подлежащаго глагола, непосредственно за формами 3-го л. ед. ч. прошедшихъ временъ; это употребленіе указательнаго мѣстоименія явилось въ литовскославянскомъ языкѣ по исчезновеніи конечнаго *-t*, полученнаго здѣсь въ качествѣ личнаго суффикса, преимущественно при односложныхъ глагольныхъ формахъ прошедшаго времени, каковое употребленіе и сохранилось въ старославянскомъ языкѣ, гдѣ совершенно единичны случаи, въ которыхъ сама глагольная форма представляетъ болѣе чѣмъ одинъ слогъ (см. I. с. стр. 208 сл.). Въ прусскомъ языкѣ, какъ, впрочемъ, и въ старославянскомъ языкѣ, указательное мѣстоименіе въ такомъ употребленіи съ теченіемъ времени утратило измѣненіе по роду подлежащаго глагола и, слившись окончательно съ глаголомъ, обратилось въ постпозицію. Съ другой стороны, въ прусскомъ языкѣ вслѣдствіе утраты нетематическихъ формъ прошедшаго времени, происшедшей еще въ общебалтійскую эпоху, всѣ формы 3-го л. ед. ч. прошедшаго времени были не менѣе чѣмъ въ два слога, слѣдовательно, здѣсь уже не могло сохраниться первоначальное ограниченіе въ употребленіи *-ts* въ сложеніи съ формами 3-го л. ед. ч. прошедшихъ временъ.

Что касается постпозиціи *-ai*, являющейся въ окончаніи формы 3-го л. въ прусскомъ и литовскомъ языкахъ и при томъ не только въ формѣ единственнаго, но и въ формѣ множественнаго числа, то я считаю ее тождественной съ тѣмъ *-ai*, которое въ литовскомъ языкѣ является въ окончаніи формы им. ед. ч. м. р. сложнаго склоненія мѣстоименій и прилагательныхъ (въ нѣкоторыхъ говорахъ въ послѣднемъ случаѣ *-ai* является при болѣе обычномъ *-is* изъ *jis*, ср. напр., замѣчаніе Бругмана въ описаніи годлевскаго говора, Leskien-Brugmann, p. 307—308; въ другихъ говорахъ, напр., въ

извѣстныхъ мнѣ восточнолитовскихъ говорахъ (Изв. II Отд. т. III, стр. 1138) является здѣсь только *-ai*). Бругманъ видитъ во всѣхъ этихъ случаяхъ, не рѣшая, впрочемъ, окончательно вопроса, первоначальное *sai*, слѣдовательно, принимаетъ, что это *sai* въ сложеніи съ глагольными формами первоначально присоединялось къ формѣ 3-го л. будущаго времени, оканчивавшейся въ общебалтійскомъ языкѣ, по его мнѣнію, на *s;* послѣ упрощенія группы *ss* въ одно *s* въ качествѣ постпозиціи было отвлечено *ai*, присоединявшееся затѣмъ и къ другимъ глагольнымъ формамъ 3-го л. Общебалтійское *sai* Бругманъ сопоставляетъ съ готскимъ *sai* и древнеиндійскимъ *sēd* изъ *sa id* (Gr. II, § 999). Я, съ своей стороны, не считаю вѣроятнымъ такое предположеніе Бругмана и принимаю для общебалтійскаго языка постпозитивную частицу *ai,* родственную по происхожденію съ готскимъ *ei* въ такихъ сочетаніяхъ какъ *patei* и древнеиндійскою частицею *id,* служащею для усиленія предшествующаго слова, (напр., *tad id*); греч. -ι въ οὑτοσι тождественно съ древнѣйшимъ *id,* готское *ei* само по себѣ могло бы указывать на индоевропейское $a^{e}id$ и индоевропейское $\bar{\imath}d$, общебалтійское же *ai* получилось изъ индоевропейскаго $a^{o}id$, утратившаго конечное *d* еще въ литовскославянскомъ языкѣ.

Въ окончаніи формы 1-го л. мн. ч. мы находимъ въ литовскомъ языкѣ во всѣхъ временахъ и наклоненіяхъ *-me* при *-m* изъ пралитовскаго *-me* съ подвижнымъ *-e;* напр. *sùkam*(*e*), *sùkom*(*e*), *sùksim*(*e*), *sùkdavom*(*e*), *sùktumbim*(*e*), *sùkim*(*e*). Въ формѣ возвратнаго залога, въ положеніи передъ *-s*(*i*), является въ окончаніи самого глагола *-mė*. Такимъ образомъ пралитовское *-me* представляетъ гласную *e,* сократившуюся изъ *ė* по общему закону о сокращеніи старой длительной долготы, и подвижность этого *e* была вызвана дѣйствіемъ психическихъ условій (ср. Изв. II Отд. т. I, стр. 451). При *-m*(*e*), въ возвратномъ залогѣ *-mės*(*i*), мы находимъ въ литовскомъ языкѣ къ окончаніи разсматриваемой формы *-ma,* въ возвратномъ залогѣ *-mos.* Эти *-ma, -mos* засвидѣтельствованы въ старыхъ текстахъ и извѣстны въ современныхъ говорахъ. Между тѣмъ какъ *-mos* въ возвратномъ залогѣ и въ старомъ, и въ современномъ языкѣ является безъ всякаго отношенія къ образованію основы глагола, *-ma* въ формѣ дѣйствительнаго залога встрѣчается почти исключительно только при

основахъ нетематическаго спряженія [1]); ср. *esma* въ ЕЕ. Виллента (Bezzenberger, Gesch. p. 198), *эсмá бýусма* въ жемайтскомъ нарѣчіи (см. Описаніе Россіенскаго уѣзда, стр. 44) при *-me, -m* у Виллента и при *-m* въ жемайтскихъ говорахъ при образованіи основы данныхъ формъ словоизмѣненія глагола по тематическому спряженію. Съ другой стороны, окончаніе *-mos(i)*, какъ видно изъ примѣровъ, приведеныхъ у Бецценбергера l. c. pp. 196, 201, къ которымъ можно прибавить *melskemosi* (Forma chrikstima 34, 35), въ старыхъ текстахъ является при *-mės(i)* безъ подобнаго ограниченія; въ жемайтскомъ нарѣчіи извѣстно только пралитовское *-mos(i)*, являющееся здѣсь въ извѣстныхъ говорахъ въ видѣ *-mŭs*, въ тѣхъ именно говорахъ, гдѣ старое *o* обратилось въ *ŭ*, пралитовское же *-mės(i)* здѣсь, повидимому, не извѣстно, по крайней мѣрѣ въ живомъ языкѣ.

Въ латышскомъ языкѣ мы находимъ, въ его литературномъ нарѣчіи, въ окончаніи формы 1-го л. мн. ч. вообще *-m;* напр. *metam, metàm, metìsim.* Въ возвратномъ залогѣ является *-mēs*. Въ остаткахъ нетематическаго спряженія основъ настоящаго времени, сохраняющимся въ латышскомъ языкѣ, мы находимъ въ окончаніи разсматриваемой формы частью *-ma;* ср. *eĭma,* при *eĭjam,* междутѣмъ какъ *eĭmam* представляетъ *-m* въ окончаніи подъ вліяніемъ аналогіи со стороны другихъ глаголовъ и ближайшимъ образомъ со стороны *eĭjam;* такъ же, какъ *eĭmam* объясняется и *ѐmam* при *ѐdam*. Въ народныхъ говорахъ при литературномъ *-m* является также частію *-me,* частію *-mi* (см. Bielenstein, Lett. Sp. II, § 409); въ формѣ возвратнаго залога народные говоры представляютъ *-mės*, при чемъ въ нѣкоторыхъ среднелатышскихъ и восточнолатышскихъ діалектахъ является *-mēs* (см. Bezzenberger, LDSt. p. 73), то-же *-mēs* является и въ языкѣ прусскихъ латышей, гдѣ извѣстно и *-mōs* при *-mēs* (см. Bezzenberger, Sp. Pr. L., p. 87).

Наконецъ, прусскій языкъ представляетъ въ окончаніи формы 1-го л. мн. ч. *-mai*, напр. *giwammai* (см. Berneker, Pr. Sp. p. 216 sq.).

---

[1]) Любопытно отмѣтить, что Зеттштокъ въ своемъ изданіи трудовъ Виллента измѣнилъ встрѣчающееся въ ЕЕ. на стр. 129 *tikima* и *nepranoxima* въ *tikime* и *nepranoxime* (SEE. стр. 136); *laukiemo* же (ЕЕ. 89) имъ не исправлено; *esma*, встрѣчающееся пять разъ, одинъ разъ исправлено въ *esme* (SEE. 141): и это, быть можетъ, не опечатка, какъ то думаетъ Бехтель (LLD. III, p. CXXV).

Разсмотримъ теперь исторію окончаній 1-го л. мн. ч. въ балтійскихъ языкахъ. Что касается пралитовскаго *-m(e)*, латышскаго *-m* при діалектическомъ *-me,* то являющіяся въ возвратномъ залогѣ литовское *-mės(i)*, латышское діалектическое *-mēs* указываютъ, какъ я замѣтилъ выше, на происхожденіе литовсколатышскаго *-me* изъ *-mė* по общему закону о сокращеніи старой длительной долготы въ литовсколатышскомъ языкѣ. Это *-me,* полученное изъ общебалтійскаго и литовскомъ и славянскаго языкахъ, восходитъ къ индоевропейскому суффиксу 1-го л. мн. ч. прошедшихъ временъ и извѣстныхъ косвенныхъ наклоненій *-mā*^{e}, при которомъ здѣсь существовало и *-ma*^{e} (см. Brugmann, Grundriss II, § 1000). Литовское *-ma* при *-mos(i)* въ возвратномъ залогѣ, а также латышское *-ma* представляютъ новообразованіе въ гласной суффикса по аналогіи соотвѣтственной формы 1-го л. дв. ч. Латышское *-mos,* отмѣченное Бецценбергеромъ въ языкѣ прусскихъ латышей, представляетъ заимствованіе изъ литовскаго языка. Прусское *-mai* вмѣстѣ съ латышскимъ *-mēs,* являющимся въ формѣ возвратнаго залога, восходитъ къ общебалтійскому *-mai,* получившему дифтонгъ *-ai* по аналогіи *-mai* въ окончаніи формы 1-го л. ед. ч. настоящаго времени въ нетематическомъ спряженіи, *-sai* въ окончаніи формы 2-го л. ед. ч. настоящаго времени въ нетематическомъ и *-ai* въ тематическомъ спряженіи. Далѣе, въ латышскомъ языкѣ по аналогіи окончаніи другихъ формъ лица общебалтійское *-mai* сохранилось только въ формѣ возвратнаго залога, а въ формѣ дѣйствительнаго залога появилось *-mi,* созданное по аналогіи соотношенія другихъ формъ лица дѣйствительнаго и возвратнаго залоговъ.

Итакъ, мы видимъ, что и въ формѣ 1-го л. мн. ч. суффиксъ, полученный изъ индоевропейскаго языка первоначально въ формахъ прошедшаго времени, вытѣснилъ въ общебалтійскомъ языкѣ суффиксъ 1-го л. мн. ч. настоящаго и будущаго времени.

Въ окончаніи формы 2-го л. мн. ч. во всѣхъ временахъ и наклоненіяхъ въ литовскомъ языкѣ само по себѣ является *-te* при *-t* изъ пралитовскаго *-te* съ *e* подвижнымъ; напр. *sùkat(e), sùkot(e), sùksit(e), sùktumbit(e), sùkit(e).* Въ формѣ возвратнаго залога является *-tės(i)*. При этомъ, подобно *-ma* въ окончаніи формы 1-го л. мн. ч., и въ формѣ 2-го л. мн. ч. является *-ta,* пользующееся значительно меньшимъ распространеніемъ, чѣмъ *-ma;* Бецценбергеръ приводитъ изъ Бреткуна *ne ieista* (Gesch. p. 201), да въ *dostat* (Кати-

хизись 1547 г., 16, 2, а не 12, какъ обозначено у Бецценбергера l. c. p. 199) мы находимъ *dosta+t* по аналогіи другихъ образованій формы 2-го л. мн. Встрѣчающіяся неоднократно у Бреткуна *dů̃stit, dů̃stite,* а также *uszdestet* (Bezzenberger, Gesch. p. 199), какъ справедливо замѣтилъ Бецценбергеръ (l. c. p. 200), представляютъ по отношенію къ *-t, -te* такое же новообразованіе, что и *dostat,* но я не могу согласиться съ Бецценбергеромъ во взглядѣ на написаніе буквы *-i* въ *-ti.* Здѣсь, какъ и въ *esme, esse, este* (3-ье л.) *ieschkami* у Бреткуна, мы находимъ отступленіе отъ этимологическаго правописаніе подъ вліяніемъ живого произношенія, а въ неюжныхъ говорахъ среднелитовскаго нарѣчія прусской Литвы (см. напр. замѣчаніе Лескина по поводу говора Вилькишекъ, Leskien-Brugmann, p. 7) гласныя *ĭ* и *ĕ* безъ ударенія совпадаютъ въ одномъ звукѣ *e* закрытое краткое, гласная же *ĭ* звучитъ въ литовскомъ языкѣ вообще открыто, приближаясь къ *ĕ* закрытому. Такого же происхожденія и написаніе *i* въ *esti* (2 л. мн. ч.) въ ЕЕ. Виллента (ср. Bechtel, LLD. III, p. XXXIII) и въ изданіи Зенгштока (SEE. 119), т. е. и здѣсь *i* появилось подъ вліяніемъ того, что гласныя *i* и *e* вообще звучатъ близко другъ къ другу, по крайней мѣрѣ, при извѣстномъ фонетическомъ положеніи.

Въ латышскомъ языкѣ мы находимъ въ окончаніи 2-го л. мн. ч. вообще *-t,* въ возвратной формѣ *-tẽs;* напр., *metat, metãt, metîsit; metates* и т. д. Въ народныхъ говорахъ являются и *-te, -ti* (Bielenstein, Lett. Sp. II, § 417). Въ восточнолатышскомъ нарѣчіи въ формѣ возвратнаго залога существуетъ и *-tẽs* (Bezzenberger, LDSt. p. 73), являющееся также и въ языкѣ прусскихъ латышей (Bezzenberger, Sp. Pr. p. 87). Наконецъ, въ *eita* мы находимъ окончаніе *-ta,* бывшее довольно распространеннымъ въ XVII в. (см. Bielenstein, Lett. Sp. II, § 417).

Въ прусскомъ языкѣ мы находимъ въ окончаніи формы 2-го л. мн. ч. *-tai, -tei* и *-ti;* являющееся одинъ разъ *-ta* въ *seggīta* Бернекеръ считаетъ ошибочнымъ (Pr. Sp. p. 219). Что касается написаній *-tei* и *-ti,* то по отношенію къ нимъ я не согласенъ съ мнѣніемъ Бернекера, который считаетъ *-ti*=лит.—*tė* въ—*tės,* такъ какъ не могъ бы прежде всего понять происхожденія этого *-*tė* въ прусскомъ языкѣ, а въ литовскомъ языкѣ *-tės,* какъ мы увидимъ, появилось по аналогіи *-mės* въ окончаніи 1-го л. мн. ч. Я полагаю,

что прусскія *-tei* и *-ti* при *tai* можно понять, какъ новообразованіе по аналогіи окончанія 2-го л. ед. ч., гдѣ мы находимъ при *-sai, -ai* также *-sei -ei, -si, -i*, а о значеніи колебаній въ написаніи этихъ окончаній я уже говорилъ.

Прусское *-tais* вмѣстѣ съ латышскимъ *-tês* объясняются такъ же, какъ *-mai* и *mês* въ окончаніи формы 1-го л. мн. ч. Литовско-латышское *-ta* является новообразованіемъ по аналогіи окончанія 2-го л. дв. ч., а литовское *-t(e)* вмѣстѣ съ латышскимъ *-t* изъ *-te*, сохраняющимся въ народныхъ говорахъ, получилось изъ общебалтійскаго и литовскославянскаго *-te* (ср. слав. *-te*) и далѣе изъ индоевропейскаго *-ta^e*, являвшагося суффиксомъ 2-го л. мн. ч. въ формахъ прошедшаго времени и извѣстныхъ косвенныхъ наклоненій. Слѣдовательно, и въ формѣ 2-го л. мн. ч. мы находимъ въ балтійскихъ языкахъ то же распространеніе суффикса прошедшаго времени, что и въ другихъ формахъ лица. Наконецъ, литовско-латышское *-tês(i)* въ окончаніи формы 2-го л. мн. ч. въ возвратномъ залогѣ объясняется вліяніемъ аналогіи со стороны *-mês(i)* въ окончаніи формы 1-го л. мн. ч; что же касается латышскаго діалектическаго *-ti*, то оно объясняется вполнѣ аналогично *-mi* въ 1-мъ л. мн. ч., о которомъ я уже говорилъ.

Переходя къ расмотрѣнію личныхъ окончаній формы двойственнаго числа, я долженъ замѣтить, что въ латышскомъ языкѣ мы уже не находимъ формы этого числа, равно и въ прусскомъ языкѣ намъ не засвидѣтельствованы относящіяся сюда образованія. Такимъ образомъ форма двойственнаго числа сохраняется лишь въ литовскомъ языкѣ, да и здѣсь она постепенно выходитъ изъ употребленія. Многіе говоры въ настоящее время уже утратили образованія двойственнаго числа въ глаголахъ, сохраняя его въ болѣе или менѣе значительныхъ остаткахъ въ именахъ и личныхъ словахъ, а также мѣстоименіяхъ; ср. напр. замѣчаніе Бругмана о годлевскомъ говорѣ: «Der Dual ist ausgestorben» (Brugmann-Leskien, p. 315), слова введенія къ сборнику Фортунатова-Миллера: «Двойственное число въ спряженіи не употребляется» (стр. 11), а по отношенію къ восточнолитовскимъ говорамъ Ковенской губерніи ср. замѣчаніе еп. Барановскаго въ его статьѣ «Замѣтки о литовскомъ языкѣ и словарѣ», что здѣсь двойственное число въ глаголахъ уже не употребляется (стр. 53).

Въ окончаніи 1-го л. дв. ч. мы находимъ въ литовскомъ языкѣ *-va*, въ возвратномъ залогѣ *-vos(i)*; напр. *sùkava, sùkavos(i)*. Окончаніе разсматриваемой формы *-va* изъ *-*vā*^{0}, съ сокращеніемъ долгаго *ā*^{0} съ старой длительной долготой, восходитъ къ индоевропейскому *-vā*^{0}, являвшемуся личнымъ суффиксомъ 2-го л. дв. ч. въ прошедшимъ времени; что касается пролитовскаго *ā*^{0}, откуда далѣе *a*, то оно, понятно, не можетъ соотвѣтсвовать непосредственно индоевропейскому *ā*^{0} и явилось здѣсь по аналогіи *ā*^{0} въ окончаніи формы 2-го л. дв. ч. Въ говорахъ мемельскаго нарѣчія мы находимъ въ окончаніи разсматриваемой формы дифтонгъ *-au*, частію *-viau*, напр. *kalbau, žinôtuviau, ẽkiau* и т. п. (Kurschat, Gr. § 1159). Съ этимъ *-au, -viau* находится въ связи являющееся здѣсь же и въ жемайтскомъ нарѣчіи *-tau* въ окончаніи 2-го л. дв. ч. (Kurschat, l. c., Описаніе Россіенскаго уѣзда, стр. 44) при *-ta*, въ возвратной формѣ *-tos(i)*, которое мы находимъ въ другихъ говорахъ. Литовское *-ta* имѣетъ *a* изъ стараго, литовсколатышскаго извѣстной эпохи, *ā*^{0} съ длительной долготой и вмѣстѣ съ общеславянскимъ *-ta* указываетъ на индоевропейское *-tā*^{a} въ прошедшемъ времени. Что касается литовскаго діалектическаго *-tau*, которое, надо думать, вызвало и мемельское *-viau, -au* въ окончаніи 1-го л. дв. ч., то оно врядъ ли представляетъ новообразованіе самого литовскаго языка; не рѣшая окончательно этого вопроса, за отсутствіемъ надлежащихъ данныхъ, я полагалъ бы, что *-tau* восходитъ къ индоевропейскому *tā*^{a}*u*, гдѣ *u* представляетъ по происхожденію извѣстную частицу.

Въ заключеніе настоящаго стдѣла, посвященнаго исторіи формъ лица въ балтійскахъ языкахъ, я остановлюсь на образованіи этихъ формъ въ литовскомъ желательномъ и латышскомъ условномъ наклоненіяхъ, а о тѣхъ причинахъ, которыя побудили меня выдѣлить относящіеся сюда вопросы изъ общаго изложенія, я уже сказалъ выше.

Литовское желательное и латышское условное наклоненія представляютъ по происхожденію сложную форму, въ составъ которой вошелъ вообще спрягаемый глаголъ въ формѣ на *-tum*, по происхожденію винит. пад. ед. ч. отглагольнаго существительнаго, + соотвѣтственная форма лица отъ основы индоевропейскаго желательнаго наклоненія, образованной по нетематическому спряженію отъ глагольнаго корня *bhu*; въ литовскославянскій языкъ эта основа пе-

решла въ сильномъ и несильномъ видахъ и являлась какъ *bi͡ē* при *bi*; въ славянскихъ языкахъ въ результатѣ сохранился только индоевропейскій слабый видъ (ст.-сл. *би-*), а въ общебалтійскомъ языкѣ сохранялись оба вида, при чемъ изъ *bi͡ē* здѣсь получилось, по общему закону, *bē*. Описательная форма косвеннаго наклоненія, состоявшая изъ образованія спрягаемаго глагола на *-tum*+форма лица отъ основы *bē*, *bi*, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, существовала, вѣроятно, еще въ литовскославянскомъ языкѣ, и составленныя такимъ образомъ описательныя формы косвеннаго наклоненія подверглись въ общебалтійскомъ и далѣе въ литовсколатышскомъ языкѣ цѣлому ряду измѣненій, результатомъ которыхъ явились находимыя нынѣ въ литовскомъ и латышскомъ языкѣ образованія. На дальнѣйшихъ подробностяхъ я пока не могу останавливаться и перехожу прямо къ вопросу объ образованіи формъ лица въ интересующихъ насъ формахъ наклоненія, полагая, что сказаннаго мною достаточно для выясненія указаннаго вопроса.

Въ окончаніи формы 1-го л. ед. ч. литовскаго желательнаго наклоненія мы находимъ въ различныхъ говорахъ различныя окончанія, которыя, принимая во вниманіе фонетическія явленія соотвѣтственныхъ діалектовъ, можно свести къ пралитовскимъ *cza, -czai, -czo*, напр. *sùkcza, sùkczai, sùkczo*. Пралитовское *-cza* является въ слѣдующихъ, нѣсколько мнѣ извѣстно, говорахъ: 1) среднелитовскаго нарѣчія: a) людвиновскомъ (Фортунатовъ-Миллеръ, стр. 12); b) годлевскомъ (Leskien-Brugmann, p. 315); c) въ говорѣ Пренъ (Kolberg, № 42, 1); d) въ говорѣ Бреткуна (Bezzenberger, Gesch. p. 213); e) въ говорѣ м. «Грузди» Шавельскаго уѣзда (Mitteilungen, I, p. 374); 2) восточнолитовскаго нарѣчія: a) въ говорѣ Даукша (Нѣск. данн., стр. 538); b) въ говорѣ Катихизиса 1598 г. (Arch. f. sl. Ph. XIII, p. 567); c) въ говорѣ Punktay Sakimu Ширвида (LLD. IV, напр. p. 53,4; 56,7; 33,20; 146,29); d) въ говорѣ Kniga Nobaznistes 1653 г. (Bezzenberger, Gesch. p. 213); e) въ говорѣ Библіи Хилинскаго (Mitteilungen, IV, p. 237, nota 16); f) въ говорѣ Евангелія 1702 г., извѣстнаго мнѣ по экземпляру Виленской Публичной Библіотеки; g) въ говорѣ Uniersitas, p. 25; встрѣчающееся одинъ разъ *bûczîu* надо думать—опечатка; h) въ говорѣ мѣстностей Слонимскаго уѣзда (Mitteilungen, IV p. 169); i) въ говорѣ восточнолитовскихъ дайнъ въ сборникѣ Ивана Юшкевича (№ 24, 6); k) въ

извѣстныхъ мнѣ непосредственно восточнолитовскихъ говорахъ Ковенской губерніи; ср. также указаніе Куршата въ Gr. § 1158; 3) мемельскаго нарѣчія: a) въ говорѣ Катихизиса 1547 г. (LLD. I, p. 6,6; b) въ говорѣ Виллента (LLD. III, p. LIX sq.). На пралитовское *-czo* мы находимъ указанія въ слѣдующихъ говорахъ: 1) среднелитовскаго нарѣчія: въ говорѣ Бреткуна (Bezzenberger, Gesch. p. 213); 2) восточнолитовскаго нарѣчія: въ говорѣ Катихизиса Даукша (Нѣск. данн. стр. 538) и въ говорѣ кейданскихъ изданій, обозначаемыхъ у Бецценбергера условно буквами KS., KM., KK., хотя въ KS., по крайней мѣрѣ, извѣстно и *-cza* (Bezzenberger, Gech. p. 213); 3) жемайтскаго нарѣчія: ср. слова кс. Явниса (Описаніе Россіенскаго уѣзда, стр. 44), Куршата (Gr. § 1158) и Шлейхера (Handbuch I, p. 229); 4) мемельскаго нарѣчія: въ говорѣ Виллента (LLD. III, p. LIX sq.). Пралитовское *-czau* является въ слѣдующихъ говорахъ: 1) среднелитовскаго нарѣчія: a) говоръ Бреткуна (Bezzenberger, Gesch. p. 213); b) говоръ Вилькишекъ (Leskien- Brugmann, p. 12); c) говоръ грамматики Шлейхера (Handbuch I, p. 229); d) говоръ грамматики Куршата (Gr. § 1065); e) говоры дайнъ № 19 и № 25 въ сборникѣ Кольберга (не-сѣверные говоры русской Литвы); f) говоръ велёнскій (LD. № 17, 1, Sv.D. № 1, 7 и т. д.); 2) мемельскаго нарѣчія: говоры дер. Darguszen- Gerge (Mitteilungen II, p. 45). Къ этимъ общимъ свѣдѣніямъ я присоединю нѣсколько замѣчаній. Встрѣчающееся при *bucza* съ нефонетическимъ сокращеніемъ *bucz* является, между прочимъ, въ дайнахъ и изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ мы вообще не находимъ другихъ указаній на пралитовское *-cza*, и въ виду этого я разсматриваю это *bucz*, какъ заимствованіе; ср. напр. *bucz* въ говорѣ Вилькишекъ (Leskien- Brugmann p. 12), въ говорѣ дайнъ, записанныхъ Шлейхеромъ (Handbuch II, p. 44, № 1, 3), въ велёнскихъ дайныхъ (LD. № 234, 15, напр.). Насколько можно довѣрять такимъ случаемъ какъ *бучіау* въ восточнолитовской дайнѣ № 28 у Ивана Юшкевича и ольсядскимъ *-czіau* (LD. № 1501, 6; № 1513, 6) я не знаю; никакіе другіе извѣстные мнѣ источники не даютъ указаній на восточнолитовское и жемайтское *-czіau*, и въ ольсядскомъ *-czіau* *), равно какъ и въ восточно-

*) Ольсядское *-czіau* подозрительно еще и по той причинѣ, что въ этомъ говорѣ мы ждали бы *-tiau*, ср *pagýrdiau* (№ 1477, 8).

литовскомъ *-mai* у Ивана Юшкевича я вижу не явленіе самого языка, а, легко понятную неточность бр. Юшкевичей, такъ какъ велёнскій говоръ, вообще являющейся въ ихъ трудахъ, имѣетъ *-czau*. Въ формѣ возвратнаго залога мы находимъ при *-czau -czaus(i)*, а при *-cza* и *-czo -czos(i)*.

Въ формѣ 2-го л. ед. ч. мы находимъ въ формѣ литовскаго желательнаго наклоненія, во-первыхъ, образованія типа *sùktumbei*, которыя засвидѣтельствованы въ слѣдующихъ старыхъ текстахъ и современныхъ говорахъ: 1) въ Enchir. Виллента (напр. 4, 11; 7, 34) —мемельское нарѣчіе; 2) въ Катихизисѣ Даукша (напр. 75) и въ Катихизисѣ 1598 г. (Arch. f. H. Ph. XIII, p. 567)—восточнолитовское нарѣчіе; 3) въ описываемыхъ Шлейхеромъ и Куршатомъ говорахъ среднелитовскаго нарѣчія прусской Литвы (Schleicher, Handbuch I, p. 229, Kurschat, Gr. § 1092). По поводу данныхъ изъ старыхъ текстовъ слѣдуетъ замѣтить, что Bezzenberger не приводитъ въ Gesch. вообще примѣровъ для *-tumbei*, вѣроятно, потому, что онъ находилъ это окончаніе въ грамматикахъ. Во-вторыхъ, мы находимъ здѣсь образованія типа *sùktumei* *), являющіяся въ слѣдующихъ старыхъ текстахъ и современныхъ говорахъ: 1) въ Punktay Sakimu Ширвида (29, 10), въ кейданскихъ изданіяхъ (Bezzenberger, Gesch. p. 213); въ Библіи Хилинскаго (Mitteilungen IV, p. 247 nota), въ Universitas (p. 25)—восточнолитовское нарѣчіе; 2) въ годлевскомъ говорѣ среднелитовскаго нарѣчія (Leskien- Brugmann, p. 316) и 3) современныхъ восточнолитовскихъ говорахъ (ср. Kurschat, Gr. § 1158). Въ-третьихъ, намъ извѣстны образованія типа *sùktumbi* (Катихизисъ 1547 г., 10,22)—мемельское нарѣчіе. Въ-четвертыхъ, мы находимъ образованія типа *sùktumi* въ слѣдующихъ говорахъ: 1) въ жемайтскомъ нарѣчія (ср. Kurschat, Gr. 1158), 2) въ не строго мемельскомъ нарѣчіи (ср. Mitteilungen II, p. 45). Въ-пятыхъ, являются образованія типа *sùktum* 1) въ Катихизисѣ 1598 г. (Arch. f. sl. Ph. XIII, p. 567)—восточнолитовское нарѣчіе **); 2) въ годлевскомъ говорѣ (Leskien-Brugmann, p. 12), въ веленскомъ говорѣ

---

*) Еп. Барановскій указываетъ для говоровъ восточнолитовскаго нарѣчія Ковенской губерніи образованія на *-tumai* (Замѣтки, стр. 53), но мнѣ неизвѣстно, гдѣ именно они существуютъ

**) По поводу словъ Шлейхера *-„tum* (so auch Szyrwid)“ замѣчу, что изъ текста Punktay Sakimu образованія 2-го л. желательнаго на *-tum* мнѣ неизвѣстны.

(Sv. D. 67, 13, LD. 39, 6), въ говорѣ м. «Грузди» Шавельскаго уѣзда (Mitteilungen I, p. 370), въ говорѣ Вилькишекъ (Leskien-Brugmann, p. 12)—среднелитовское нарѣчіе. Наконецъ, Шлейхеръ (Handbuch I, p. 229) и Куршатъ (Gr. § 1158) указываютъ образованія 2-го л. желательнаго типа *sùktai*, повидимому, изъ мемельскаго и среднелитовскаго нарѣчія прусской Литвы, именно изъ неюжныхъ его говоровъ. Въ формѣ возвратнаго залога неизвѣстно *-tum* въ сложеніи съ постпозитивнымъ *-s(i)* и въ тѣхъ говорахъ, гдѣ оно является, въ формѣ возвратнаго залога мы находимъ другія образованія, ср. *vėlytumìs* въ говорѣ Вилькишекъ (Leskien-Brugmann, p. 12), которое я объясняю изъ *vėlytumės*, согласно фонетическимъ законамъ этого діалекта.

Въ окончаніи формы 3-го л., общей для всѣхъ трехъ чиселъ, мы находимъ въ литовскомъ желательномъ наклоненіи вообще образованія, указывающія на пралитовскія образованія типа *suktų*. О томъ, что здѣсь было именно *-ų*, ясно свидѣтельствуютъ, во-первыхъ, написанія старыхъ текстовъ XVI в., когда еще сохранялось вообще носовое свойство въ старыхъ носовыхъ гласныхъ, при чемъ слѣдуетъ однако имѣть въ виду, что древнѣйшіе дошедшіе до насъ тексты не различаютъ въ написаніи *u* носоваго и *u* неносового, частію и *i* носового и *i* неносового. У Бреткуна мы находимъ такія написанія какъ *ischbegtu*, *begtun*, гдѣ передано носовое свойство *u*, при *butu*, *butů*; гдѣ оно не передано; ср. также въ Катихизисѣ Даукша обычное *-tų* въ окончаніи разсматриваемой формы при болѣе рѣдкомъ *-tu*. Далѣе, современные говоры, утратившіе носовое свойство старыхъ носовыхъ гласныхъ при положеніи въ открытомъ концѣ слова безъ ударенія, представляютъ въ окончаніи 3-го л. желательнаго наклоненія *-tū* или *-tu* въ зависимости отъ того, имѣетъ ли вообще данный говоръ долгія или краткія гласныя изъ старыхъ носовыхъ гласныхъ при такомъ ихъ фонетическомъ положеніи; долгими мы находимъ такія гласныя въ южныхъ говорахъ, и здѣсь является *-tū* (ср. напр. годлевскій говоръ, Leskien-Brugmann, p. 316), при *-tu* съ *u* краткимъ въ неюжныхъ говорахъ, ср. *sùktu* въ говорѣ грамматики Шлейхера (Handbuch I, p. 229). Слѣдуетъ отмѣтить, что въ современныхъ говорахъ является при *-tu* также и *-t* съ нефонетическимъ отпаденіемъ конечной гласной, надо думать, по аналогіи прочихъ образованій формы 3-го л.; ср. *sùkt* при *sùktu* въ грамматикѣ Шлей-

хера; *but* (2, 1) при *matį̀tu* (2, 2) въ дайнахъ сборника Sv. D. бр. Юшкевичей; *bút*, отмѣченное Бругманомъ въ годлевскомъ говорѣ при *bútū*, можетъ быть, не принадлежитъ ему непосредственно и представляетъ собою заимствованіе. При образованіяхъ на старое *-tų* мы находимъ и образованія на *-tui;* Бецценбергеръ приводитъ (Gesch. p. 213) два примѣра изъ старыхъ текстовъ: одинъ *(sudìtui)* изъ Бреткуна, другой *(neapschaltui)* изъ сдѣланнаго Зенгштокомъ изданія трудовъ Виллента; въ современныхъ говорахъ образованія на *-tui* (при *-tu*) отмѣчены Бецценбергеромъ въ области Гейдекруга, гдѣ лежатъ говоры, переходные между среднелитовскими и мемельскимъ нарѣчіями, (см. Bezzenberger, Forschungen, p. 16). Наконецъ, въ нѣкоторыхъ говорахъ являются въ разсматриваемой формѣ и образованія на *-tum;* Куршатъ указываетъ это *tum* изъ области жемайтскаго нарѣчія (м. Саланты), см. Gr. § 1158; ср. также *-tum*, являющееся въ Ольсядскихъ дайнахъ въ LD. (*lotum*, № 1551, 4, ср. *dovanótu*, № 1501, 10, *but* № 1479, 1); находимъ мы это *-tum* и въ велёнскихъ дайныхъ, напр. *bútum* (LD. 118, 5).

Въ окончаніи 1-го л. мн. ч. желательнаго наклоненія мы находимъ прежде всего образованія типа *sùktumbim(e)*, извѣстныя намъ изъ старыхъ текстовъ и современныхъ говоровъ, при чемъ и здѣсь, какъ и въ разсмотрѣнныхъ нами выше образованіяхъ формы 1 го л. мн. ч., при *mė* въ формѣ возвратнаго залога, въ положеніи передъ постпозитивнымъ *-s(i)*, извѣстно и *mo*. Образованія этого типа мы находимъ въ Margarita Theologica 1600 г. (Berzenberger, Gesch. p. 213), въ виленской, надо думать, восточнолитовской постиллѣ (ib), въ старыхъ мемельскихъ текстахъ: Катихизисъ 1547 г.: *butumbim* (19, 43), Forma chrikstima: *gautumbim* (33, 16), въ Enchir. Виллента: *manitumbim* (3, 7); въ слѣдующихъ восточнолитовскихъ текстахъ: въ Катихизисѣ Даукша: *minėtumbime* (19), въ Катихизисѣ 1598 г.: *szauktumbim* (Arch. f. sl. Ph. XIII, p. 567), въ Катихизисѣ 1605 г.: *vszmintumbime* (14); ср. также показанія Шлейхера и Куршата въ ихъ грамматикахъ относительно описываемыхъ ихъ говоровъ. Во-вторыхъ, намъ извѣстны образованія на *-tumim(e);* ср. говоры *) Kniga Nobaznistes 1653 г. (Bezzenberger, Gesch. p. 214),

*) Шлейхеръ въ Handb. I, p. 229 ошибочно приводитъ *-tumem*, какъ встрѣчающееся у Ширвида.

Библія Хилинскаго: *butumime* Gen. XI, 4, Universitas· *katbêtumeme* (31), *bûtumem* (25; въ современныхъ говорахъ мы также находимъ образованія этого типа, а именно они засвидѣтельствованы для желайтскаго нарѣчія (м. Саланты, ср. Kurschat, Gr. § 1158), для не строго мемельскихъ говоровъ (Mitteilungen II, p. 45). Въ третьихъ, мы находимъ образованія на *-tume;* ср. *turetume* (32, 19) въ Punktay Sakimu Ширвида; годлевскій говоръ (Leskien-Brugmann, p. 315) и говоры восточнолитовскаго нарѣчія представляютъ также это окончаніе; въ послѣднихъ, впрочемъ, насколько мнѣ извѣстно, преобладаютъ образованія предшествующаго типа, на *-tumim(e).* Въ четвертыхъ, является въ окончаніи разсматриваемой формы *-tum*, встрѣчающееся у Бреткуна и въ Kniga Nobaznistes (Berzenberger Gesch. p. 214), а также въ современныхъ среднихъ и сѣверныхъ говорахъ среднелитовскаго нарѣчія прусской Литвы (ср. Schleicher, Handbuch I p. 229, Kurschat, Gr. § 1158, Leskien-Brugmann, p. 12).

Въ окончаніи 2-го л. мн. ч. желательнаго наклоненія мы находимъ, во-первыхъ, образованія типа *sùktumbit(e)*, являющіяся у Бреткуна (Bezzenberger, Gesch. p. 214), въ грамматикахъ Шлейхера и Куршата, а также въ старыхъ мемельскихъ текстахъ: Катихизисъ 1547 г.: *ischmaktumbet* (18, 30); Forma chrikstima: *prientumbite* (34, 8), Enchir. Виллента: *prisijmtubit* (2, 15); въ старыхъ восточнолитовскихъ текстахъ: Катихизисъ Даукша: *tarnáutumbit* (45); Катихизисъ 1598 г.: *galetumbit* (Arch. f. sl Ph. XIII p. 579, l. 27). Во-вторыхъ, намъ извѣстны образованія на *-tumit(e)*, являющіяся въ Kniga Nobaznistes 1653 г. (Bezzenberger, Gesch. p. 214), Библіи Хилинскаго *imirtumite* (Gen. III, 3), Universitas: *kalbêtumete* (31), *bûtumet* (25); изъ современныхъ говоровъ я могу указать говоры жемайтскаго нарѣчія (ср. Kurschat, Gr. § 1158) и говоры переходные отъ мемельскаго къ среднелитовскому (см. Mitteilungen II, 45) нарѣчію; для годлевскаго говора Бругманъ указываетъ одинъ разъ *-tumit* при обычномъ *-tumet* (Leskien-Brugmann, p. 316); въ извѣстныхъ мнѣ восточнолитовскихъ говорахъ Ковенской губерніи здѣсь является пралитовское *-tumit(e).* Въ третьихъ, мы находимъ въ окончаніи 2-го л. мн. ч. желательнаго наклоненія образованія типа *sùktum* (Schleicher, Handbuch I, p. 229). Наконецъ, изъ говоровъ нарѣчія мемельскаго м. б. и не южныхъ среднелитовскихъ говоровъ прусской Литвы Куршатъ приводитъ образованія типа *žinotot* (Gr. § 1158), а для Меречскаго

говора (южный говоръ восточнолитовскаго нарѣчія) онъ указываетъ образованія типа *žinotūt* (Gr. § 1158). Въ заключеніе я долженъ еще отмѣтить приводимыя Бецценбергеромъ (Gesch. p. 214) изъ Бреткуна *paszintumbeit* и *dauksintumbiteis* (форма возвратнаго залога). Относительно формы возвратнаго залога замѣчу, что и здѣсь неизвѣстно *-tum* въ сложеніи съ постпозицитивнымъ *s(i)*.

Въ окончаніи формы 1-го л. дв. ч. мы находимъ, во-первыхъ, образованія типа *sùktumbiva* (Schleicher, Handbuch I p. 229, Kurschat, Gr. § 1065), а въ говорахъ переходныхъ отъ мемельскаго нарѣчія къ среднелитовскому является здѣсь въ окончаніи *-tuviau* (Mitteilungen II, p. 45). Приводимое Куршатомъ въ Gr. § 1158 *nèsztuma*, повидимому, отмѣчено имъ въ мемельскомъ и среднелитовскомъ нарѣчіяхъ прусской Литвы (не южные говоры). Шлейхеръ указываетъ для описываемаго имъ говора также и образованія типа *sùktum*.

Въ окончаніи формы 2-го л. дв. ч. мы находимъ, во-первыхъ, образованія типа *sùktumbèta*, приводимыя Шлейхеромъ и Куршатомъ въ ихъ грамматикахъ; въ области Прекульса извѣстно здѣсь окончаніе *-tumita* (Mitteilungen II p. 45), а въ говорѣ грамматики Шлейхера являются и образованія типа *sùktum*.

Въ латышскомъ языкѣ, въ его литературномъ нарѣчіи, мы находимъ въ окончаніи всѣхъ формъ лица условнаго наклоненія *-tu*. То же *-tu* является и въ Катихизисѣ 1586 г.; ср. *tu gribbeete* (20, 24; 28, 5). Народные говоры представляютъ, однако, частію бо́льшее разнообразіе, а именно въ окончаніи 1-го л. ед. ч. мы находимъ въ говорахъ восточнолатышскаго нарѣчія *-tum* (см. Bezzenberger LDSt. p. 72), являющееся также и въ языкѣ прусскихъ латышей Bezzenberger, Sp. Pr. L. p. 96), гдѣ извѣстно и *-czau*, заимствованное изъ литовскаго языка, съ его измѣненіемъ въ нѣкоторыхъ говорахъ въ *-czu* подъ вліяніемъ *-tu*, которое, надо замѣтить, является и здѣсь. Въ окончаніи 2-го л. ед. ч. извѣстно изъ говоровъ восточнолатышскаго нарѣчія *-tum*, являющееся при *-tu* и въ языкѣ прусскихъ латышей (Bezzenberger, LDSt. p. 72, Sp. Pr. L. p. 96); въ восточнолатышскихъ говорахъ мы находимъ и *-tim* при *-tib* (Bezzenberger, LDSt., p. 72). Въ формѣ 3-го л. и народные говоры вообще представляютъ *-tu;* окончаніе *-tum* приводитъ Бецценбергеръ изъ языка прусскихъ латышей (Sp. Pr. L. p. 97). Въ окончаніи 1-го л. мн. ч.

мы находимъ въ среднелатышскихъ говорахъ Курляндіи *-tum* (Bielenstein, Lett. Sp. 449), въ говорѣ прусскихъ латышей также *-tum* (Bezzenberger, Sp. Pr. L. p. 96); въ восточнолатышскихъ говорахъ является *-tumem* (Bezzenberger, LDSt. p. 72), а въ грамматикахъ Манцеліуса, Дресселя и Адольфи является и *tam*, надо думать, съ *ā*, Дрессель пишетъ *-tahm* (Bielenstein, Lett. Sp. I, p. 21); Дрессель въ своей грамматикѣ приводитъ и *sarrgahtubam* при формѣ 2-го л. мн. ч. *sarrgahtubaht* (Bielenstein, Lett. Sp. II, p. 160). Въ окончаніи формы 2-го л. мн. ч. при среднелатышскомъ Курляндскихъ говоровъ *-tut* извѣстно, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, *-tumt*, а также *-tumit* (Bezzenberger, Sp. Pr. L. p. 128); въ восточнолатышскихъ говорахъ является *-tumeṭ* (Bezzenberger, LDSt., p. 72), а въ языкѣ прусскихъ латышей мы находимъ *-tu*, *-tum*, *-tut* и *-tumit*. Параллельно съ *-tam* у Дресселя и Адольфи является въ окончаніи разсматриваемой формы *-tat*. Въ формѣ возвратнаго залога въ литературномъ нарѣчіи мы находимъ въ окончаніи 1-го л., 2-го л. ед. ч. и 3-го л. всѣхъ чиселъ *-tůs*, въ окончаніи 1-го л. мн. ч. *-tumės*, въ окончаніи 2-го л. мн. ч. *-tutės*. Въ языкѣ прусскихъ латышей Бецценбергеръ отмѣтилъ *apsisuktschauwǒs* «ich würde mich umdrehen», опредѣленное имъ какъ schauderhafte Neubildung (Sp. Pr. L. p. 98); съ значеніемъ 2-го л. ед. ч. имъ отмѣчено здѣсь же *apsisuktumǒs*, съ которымъ онъ по отношенію къ окончанію сопоставляетъ *milotumis* въ грамматикѣ Коссовскаго.

Изъ приведеннаго обзора образованій литовскаго желательнаго и латышскаго условнаго наклоненій можно видѣть, что мы имѣемъ дѣло съ результатомъ весьма сложныхъ процессовъ, раскрыть которые я попытаюсь въ нижеслѣдующихъ строкахъ.

Если мы пока оставимъ въ сторонѣ образованія, являющіяся въ литовскомъ языкѣ съ значеніемъ 1-го л. ед. ч. желательнаго наклоненія, то не трудно придти къ тому выводу, что въ послѣднюю эпоху жизни литовсколатышскаго языка должны были существовать, съ различіями по діалектамъ, два основные типа образованій желательнаго наклоненія, а именно, во-первыхъ, образованія, составленныя изъ формы на *-tum* спрягаемаго глагола + соотвѣтственная форма лица отъ основы *bē*, *bi* и, во-вторыхъ, образованія, представлявшія только одну форму на старое *-tum* спрягаемаго глагола; однако, и въ образованіяхъ перваго типа въ формѣ 3-го л. являлись только

образованія на старое *-tum* безъ соединенія съ формою 3-го л. отъ вышеуказанной основы *); при этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что этой эпохѣ предшествовало измѣненіе конечныхъ сочетаній +*n* (а индоевропейское *m* въ концѣ словъ еще въ литовскославянскомъ языкѣ измѣнилось въ *n*), слѣдовательно тамъ, гдѣ старая форма на *-tum* явилась внѣ сочетанія съ вспомогательнымъ глаголомъ, она въ эту эпоху являлась уже въ видѣ *-tu* изъ *-tun*. Образованія перваго типа перешли въ литовскій языкъ, образованія второго типа—въ латышскій, при чемъ здѣсь продолжали сохраняться частію и образованія перваго типа, вѣроятно, лишь діалектически. Кромѣ этихъ двухъ основныхъ типовъ, полученныхъ изъ общебалтійскаго языка, въ литовсколатышскомъ языкѣ образовался еще третій типъ; а именно по аналогіи второго типа появились образованія на *-tum*, извлеченныя изъ сочетанія съ вспомогательнымъ глаголомъ, именно въ эпоху, когда уже не существовало старыхъ сочетаній гласная+носовая согласная въ концѣ словъ; образованія этого третьяго типа перешли въ діалекты литовскаго языка. Наконецъ, въ литовсколатышскомъ языкѣ существовалъ и четвертый типъ разсматриваемыхъ образованій, получившійся вслѣдствіе вліянія другъ на друга перваго и третьяго типовъ, а именно при образованіяхъ третьяго типа подъ вліяніемъ образованій перваго типа появились образованія, отличавшіяся отъ перваго типа отсутствіемъ звука *b*, принадлежавшаго началу основы вспомогательнаго глагола. Образованія этого четвертаго типа извѣстны изъ діалектовъ литовскаго языка. Что касается собственно окончаній формъ лица отъ основы стараго желательнаго наклоненія *bē*, *bi*, то они были тѣ же, что и вообще, т. е. въ формѣ 2-го л. было здѣсь *-ei*, того же происхожденія какъ и *ei* въ литовскомъ *neszeĩ*, а въ формахъ множественнаго и двойственнаго чиселъ, гдѣ основа была *bi*, являлись тѣ же окончанія, какъ и въ другихъ случаяхъ. Итакъ, такія образованія ли-

*) По поводу принимаемаго мною второго типа оптатива замѣчу, что до извѣстной степени аналогичное явленіе мы находимъ въ области славянскихъ языковъ, ср. напр. русскія образованія прошедшаго типа *велъ*, *несъ* и т. п. Какъ въ области славянскихъ языковъ опущеніе вспомогательнаго глагола въ формахъ сложнаго прошедшаго появилось сперва въ формѣ 3-го л., а затѣмъ въ русскомъ языкѣ было съ теченіемъ времени проведено по всѣмъ формамъ лица, такъ и въ общебалтійскомъ языкѣ *butun* безъ вспомогательнаго глагола первоначально появилось въ формѣ 3-го л., а затѣмъ было распространено на всѣ прочія формы лица.

товскаго желательнаго наклоненія какъ *sùktumbei, sùktų, sùktumbim(e), sùktumbit(e), sùktumbiva, sùktumbita* получились изъ литовсколатышскихъ образованій перваго типа. Въ латышскомъ языкѣ сюда относятся переданныя у Дресселя *sarrgahtubam* и *sarrgahtubaht*, гдѣ въ гласной *ā* слѣдуетъ видѣть новообразованіе по аналогіи производныхъ основъ. Литовскія и латышскія образованія на *-tum* съ значеніемъ всѣхъ формъ лица (за исключеніемъ 1-го л. ед. ч. въ литовскомъ языкѣ) получились изъ литовсколатышскихъ образованій третьяго типа, а латышскія образованія на *-tu* восходятъ къ образованіямъ второго типа, при чемъ въ латышскомъ *-tûs* въ формѣ возвратнаго залога слѣдуетъ видѣть новообразованіе по отношенію къ гласной *ů* по аналогіи отношенія *-u* и *-ûs* въ формѣ 1-го л. ед. ч.; равнымъ образомъ и *-tumes, -tutës*, являющіеся въ окончаніи формъ 1-го и 2-го л. мн. ч., представляютъ новообразованіе по аналогіи окончанія этихъ формъ въ возвратномъ залогѣ въ другихъ случаяхъ. Литовскія образованія какъ *sùktumei, sùktumim(e), sùktumit(e)* восходятъ къ литовско-латышскому четвертому типу, являющемуся и въ латышскомъ языкѣ (именно у прусскихъ латышей) въ *-tumit*; это *-tumit*, равно какъ и восточнолатышскія *-tumet, -tumet* представляютъ собою заимствованія изъ литовскаго языка. Что касается гласной *e*, являющейся въ литовскомъ языкѣ при гласной *i* въ образованіяхъ типа *sùktumim(e), sùktumit(e)*, то частію мы здѣсь имѣемъ дѣло съ случаями фонетической орѳографіи, частію же это *e*, именно напр. въ годлевскомъ говорѣ въ формѣ 2-го л. объясняется вліяніемъ аналогіи со стороны *sùktume*, представляющему новообразованіе изъ *sùktum* подъ вліяніемъ *-me* въ окончаніи формы 1-го л. мн. ч. въ другихъ случаяхъ. Аналогичное этому послѣднему новообразованіе мы находимъ въ литовскомъ *sùktuva, sùktūt* (въ Меречскомъ говорѣ, гдѣ изъ *ų* является *ū* и при положеніи въ открытомъ концѣ слова), при чемъ исходнымъ пунктомъ послужили образованія на литовсколатышское *-tų* *). Латышскія образованія 2-го л. мн. ч. на *-tut*

*) Извѣстное изъ нѣкоторыхъ Курляндскихъ говоровъ окончаніе 2-го л. мн. ч. *-tumt* представляетъ новообразованіе, для котораго исходнымъ пунктомъ послужило образованіе на *-tum*. Далѣе, окончанія 1-го и 2-го л. мн. ч. *tam, tat*, если только здѣсь дѣйствительно *ā*, представляютъ собою новообразованіе по отношенію къ гласной, аналогичное приведеннымъ выше *-bam, baht*.

возникли при образованіяхъ 1-го л. мн. ч. на *-tum* по аналогіи отношенія окончаніи этихъ формъ лица въ другихъ случахъ. Что касается гласной *i* въ окончаніи 2-го л. ед. ч. въ литовскихъ *sùktumbi*, *sùktumi*, то появленія здѣсь *i* объясняется вліяніемъ аналогіи прочихъ образованій 2-го л. ед. ч., гдѣ является въ окончаніи формы *-i*. Литовскія образованія на *-tai* (2-го л. ед. ч.), *-tot* (2-ое л. мн. ч.) возникли въ тѣхъ діалектахъ (мемельскаго нарѣчія), которые въ окончаніи формы 1-го л. ед. ч. имѣютъ *-tau* изъ пралитовскаго *-czau*, а именно *-tau* :*-tai* :*-tot* = *-au* *-ai* :*-ot* напр. въ *z'inaĩ*. Если эти образованія являются и въ другихъ говорахъ, то это позднѣйшее заимствованіе. Наконецъ, требуютъ объясненія латышскія *-tim*, *-tib*, являющіяся, по указанію Бецценбергера, въ окончаніи 2-го л. ед. ч. въ восточнолатышскихъ текстахъ, но, въ виду моего незнакомства съ особенностями языка этихъ послѣднихъ, я не рѣшаюсь сказать ничего опредѣленнаго по этому поводу. Въ грамматикѣ Коссовскаго является въ окончаніи 2-го л. ед. ч. въ возвратномъ залогѣ *-tumis*, а въ языкѣ прусскихъ латышей мы находимъ *-tumès*, и эти образованія аналогичны съ литовскими образованіями на *-tumi*.

Литовскія образованія на *-tui* при *-tų* въ окончаніи формы 3-го л. желательнаго наклоненія представляютъ, по мнѣнію Бецценбергера (Gesch. p. 214, nota), дательные надежи отглагольныхъ существительныхъ на *-tui*, подобно тому какъ въ образованіяхъ на старое *-tum* мы находимъ старую форму вин. ед. Это объясненіе я принимаю и допускаю, слѣдовательно, что въ пралитовскомъ языкѣ въ составъ формы желательнаго входили не только образованія на *-tam*, но и на *-tui* хотя эти послѣдніе были не такъ употребительны и въ огромномъ большинствѣ случаевъ были вытѣснены болѣе обычными образованіями.

Перехожу теперь къ исторіи литовскихъ *-cza*, *-czo*, *-czau*, являющихся въ окончаніи 1-го л. ед. ч. желательнаго наклоненія.

По аналогіи такихъ образованій, какъ *sùktumbei* и т. д., мы бы ждали здѣсь *sùktumbiau*, но въ дѣйствительности мы находимъ только *sùkcza*, *sùkczo*, *sùkczau* съ различіями по говорамъ. Отношеніе этихъ образованій другъ къ другу на мой взглядъ слѣдующее. Какъ мы уже видѣли выше, въ балтійскихъ языкахъ сохранились извѣстныя образованія индоевропейскаго желательнаго наклоненія, получившія

значеніе повелительнаго наклоненія еще въ литовскославянскомъ языкѣ (см. III главу). Старое образованіе 1-го л. ед. ч. желательнаго наклоненія не могло, по самому значенію формы лица, получить значеніе повелительной формы и продолжало сохраняться въ общебалтійскомъ языкѣ въ діалектахъ, давшихъ впослѣдствіи существованіе литовскому и латышскому языкамъ. Въ ту эпоху, когда возникли новыя формы сложнаго желательнаго, разсматриваемое образованіе ассоціировалось съ ними. Какъ извѣстно, въ желательномъ наклоненіи литовскославянскимъ языкомъ были получены окончанія формъ лица не главныхъ временъ; въ тематическомъ спряженіи форма 1-го л. ед. ч. оканчивалась въ индоевропейскомъ праязыкѣ на сочетаніе $-a^{0}i\overset{\frown}{\underset{\circ}{a}}n$, откуда въ литовскославянскомъ языкѣ мы ждали бы въ результатѣ $-a^{0}\underset{\circ}{\overset{\frown}{u}}n$ съ фонетическимъ исчезновеніемъ $\overset{\frown}{i}$ въ положеніи между гласными и съ измѣненіемъ конечнаго *m* въ *n*. Однако, повидимому еще въ эпоху литовскославянскаго единства окончаніе $-\underset{\circ}{\overset{\frown}{u}}n$ изъ индоевроп. $\underset{\circ}{\overset{\frown}{a}}m$ было замѣнено окончаніемъ $-a^{0}n$ по аналогіи тѣхъ образованій, гдѣ это окончаніе было получено изъ индоевропейскаго $-a^{0}m$. Итакъ, общебалтійскій языкъ получилъ въ окончаніи 1-го л. ед. ч. стараго желательнаго наклоненія въ тематическомъ спряженіи сочетаніе $-\bar{a}^{0}n$ съ прерывистой долготой. Затѣмъ, въ ту эпоху, когда *-n* въ окончаніи формы 1-го л. ед. ч. въ другихъ глагольныхъ образованіяхъ исчезло, и здѣсь явилось въ окончаніи одно $-\bar{a}^{0}$. Подъ вліяніемъ окончанія $-\bar{o}$ съ длительною долготою, и разсматриваемое образованіе получило въ результатѣ $-\bar{a}^{0}$ съ длительною долготою.

Такимъ образомъ литовсколатышскій языкъ при $*suk\bar{a}^{0}$, представлявшемъ по происхожденію старую форму 1-го л. ед. ч. желательнаго наклоненія, имѣлъ **suktumbiau*, явившееся въ результатѣ извѣстнаго сложенія, о чемъ см. выше. Понятно, что въ дальнѣйшей жизни литовсколатышскаго, а можетъ быть, и пралитовскаго языка, оба разсматриваемыя образованія должны были повліять другъ на друга, и какъ результатъ взаимнаго ихъ вліянія появились прототипы современнымъ литовскихъ *sùkczau* и *sùkcza, sùkczo,* при чемъ въ формѣ дѣйствительнаго залога фонетически мы ждали бы только *sùkcza*; образованія типа *sùkczo* появились подъ вліяніемъ формы возвратнаго залога, такъ какъ въ другихъ формахъ лица нигдѣ не повторялось отношеніе *a*: *o*; ясное указаніе на такое именно про-

исхожденіе *sùkczo,* притомъ довольно позднее, даютъ сѣверные говоры литовскаго языка, гдѣ сохраняется *o* безъ сокращенія; ср. напр. жемайтское *-ů* въ окончаніи 1-го л. ед. ч. желательнаго наклоненія непосредственно изъ *-o* при *-a* изъ *-o* напр. въ *sùka* изъ *sùko.* Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ старыя образованія 1-го л. ед. ч. желательнаго наклоненія отличались по звуковому виду глагольной основы отъ новыхъ формъ сложнаго желательнаго *), вновь возникшія образованія типа *sukczau, sukczā* не представляли уже какихъ либо отличій въ этомъ отношеніи отъ прочихъ формъ лица сложнаго желательнаго. Аналогіи глаголовъ съ тематическимъ спряженіемъ основы настоящаго времени послѣдовали и тѣ немногіе глаголы, которые представляли нетематическое спряженіе этой послѣдней, и въ праслитовскомъ языкѣ явились такія новообразованія, какъ *dů̂czau, dů̂czā, dê̂czau, dê̂czā* и т. п.

Отдѣльные говоры литовскаго языка, какъ мы видѣли выше, имѣютъ въ формѣ 1-го л. ед. ч. желательнаго наклоненія или образованія типа *sukczau,* или образованія типа *sukcza* частію при *sukczo,* или наконецъ, тѣ и другія образованія вмѣстѣ.

Говоры восточнолитовскаго нарѣчія Ковенской губерніи представляютъ въ формахъ 1-го л. ед. ч. и 3-го л. желательнаго наклоненія удареніе на окончаніи, именно въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ мы находимъ непроизводную основу въ томъ глагольномъ образованіи, которое вошло въ составъ сложной формы желательнаго; что касается прочихъ формъ лица, то и здѣсь удареніе лежало нѣкогда не на основѣ глагола, а на окончаніи глагольной формы въ первой части сложеній. Еп. Барановскій въ своихъ «Замѣткахъ о литовскомъ языкѣ и словарѣ» говоритъ объ этомъ на стр. 53 и даетъ слѣдующій примѣръ: *ãr̃czà, ar̃tumai, artū̃, ar̃tumet, ar̃tumet.* Впрочемъ, онъ ничего не говоритъ о томъ, какіе именно глаголы представляютъ такое мѣсто ударенія, и ограничивается только указаніемъ на различіе въ мѣстѣ ударенія между «западными» и «восточными» говорами Ковенской губерніи. На основаніи, однако, имѣющихся у

*) Формы стараго желательнаго наклоненія были образованы отъ основы настоящаго времени, между тѣмъ какъ въ сложномъ желательномъ глагольная основа въ той формѣ, въ которой она вошла въ это образованіе, не отличалась по звуковому виду корня отъ основы неопредѣленнаго.

меня свѣдѣній и на основаніи тѣхъ указаній, которыя я извлекаю изъ Катихизиса Даукша (см. Нѣск. дан., стр. 532—533), мнѣ кажется, мы находимъ такое мѣсто ударенія въ разсматриваемыхъ образованіяхъ лишь у глаголовъ съ непроизводными основами неопредѣленнаго. Въ катихизисѣ Даукша въ формахъ лица желательнаго наклоненія ударепіе лежало на окончаніи глагольной формы въ первой части сложеній; для сужденія о мѣстѣ ударенія въ формѣ 1-го л. ед. ч. желательнаго текстъ Катихизиса не даетъ достаточнаго матеріала. Другіе говоры литовскаго языка, имѣющіе въ формѣ 1-го л. ед. ч желательнаго наклоненія образованія типа пралит. *sukczā*, не представляютъ, насколько мнѣ извѣстно, такого мѣста ударенія въ формахъ желательнаго, какое существуетъ въ части говоровъ восточнолитовскаго нарѣчія. Мнѣ кажется, возможно объяснить происхожденіе вышеуказаннаго мѣста ударенія разсматриваемыхъ образованій слѣдующимъ образомъ: форма 1-го л ед. ч. стараго желательнаго наклоненія имѣла нѣкогда ударепіе на основѣ глагола, но въ ту эпоху, когда подъ вліяніемъ длительной долготы въ окончаніи *ā̊* и здѣсь появилась длительная долгота окончанія *-ā* (см. выше), не могло уже сохраниться старое мѣсто ударенія; войдя въ тѣсную связь съ новыми сложными формами желательнаго, вслѣдствіе чего появились новыя формы 1-го л. ед. ч., они передали свое мѣсто ударенія на окончаніи первоначально формѣ 3-го л., а затѣмъ аналогіи этой послѣдней послѣдовали и прочія формы лица. Въ силу этого обстоятельства въ ту эпоху, когда произошло сокращеніе въ пралитовскомъ языкѣ длительной долготы, и когда возникъ законъ о перенесеніи ударенія съ конечнаго слога, не имѣвшаго длительной долготы гласной, на слогъ съ длительною долготою (см. Кр. Р., стр. 61), подъ вліяніемъ прочихъ формъ лица и въ образованіяхъ 3-го л., а затѣмъ и 1-го л. ед. ч., сохранилось ударепіе на окончаніи и тамъ, гдѣ оно должно было бы перейти на предшествующій слогъ по указанному закону. Въ другихъ говорахъ процессъ былъ иной: здѣсь, наоборотъ, форма 1-го л. ед. ч. съ удареніемъ на окончаніи, не сохранила такого мѣста ударенія и получила ударепіе на основѣ подъ вліяніемъ прочихъ формъ лица. Отсюда мы находимъ это послѣднее мѣсто ударенія въ разсматриваемыхъ образованіяхъ, напр. въ южныхъ говорахъ среднелитовскаго нарѣчія русской Литвы.

Итакъ, мы разсмотрѣли исторію образованій формъ лица въ

балтійскихъ языкахъ и теперь должны сдѣлать общіе выводы и вмѣстѣ съ тѣмъ дать отвѣтъ на поставленный выше вопросъ, почему въ балтійскихъ языкахъ получили такое широкое распространеніе личныя окончанія, полученныя изъ индоевропейскаго праязыка первоначально лишь въ формахъ прошедшаго времени и извѣстныхъ формахъ наклоненія.

Какъ мы уже видѣли, въ общебалтійскомъ языкѣ во всѣхъ формахъ лица настоящаго и будущаго времени, за исключеніемъ лишь формы 2-го л. ед. ч., существовали тѣ окончанія, которыя были получены изъ индоевропейскаго языка въ формахъ прошедшаго времени и извѣстныхъ формахъ наклоненія, при чемъ въ формѣ 1-го л. ед. ч. здѣсь существовали оба окончанія, т. е. старое окончаніе, полученное изъ индоевропейскаго проязыка и новое окончаніе такого же происхожденія, какъ и въ прочихъ формахъ лица. У глаголовъ съ нетематическимъ спряженіемъ основы настоящаго времени старыя окончанія сохранялись здѣсь въ формахъ 1-го, 2-го и 3-го л. ед. ч., а при нетематическомъ спряженіи основы будущаго времени, слѣды котораго сохранились не во всѣхъ формахъ лица, мы находимъ, какъ я указалъ выше, въ формѣ 3-го л. окончаніе, перенесенное изъ формъ прошедшаго времени подъ вліяніемъ соотвѣтственнаго образованія при тематическомъ спряженіи основы будущаго времени. Причину указанныхъ явленія слѣдуетъ искать въ исторіи индоевропейскихъ формъ прошедшаго въ общебалтійскомъ языкѣ, а именно общебалтійскій языкъ утратилъ сигматическіе аористы, нетематическое спряженіе простого прошедшаго, и въ результатѣ, вслѣдствіе утраты въ значительной степени стараго чередованія видовъ глагольной основы, формы простаго прошедшаго отъ глаголовъ съ непроизводными основами въ формѣ неопредѣленнаго отличались только личными суффиксами, такъ какъ индоевропейскій аугментъ не существовалъ уже въ литовскославянскомъ языкѣ; слѣдствіемъ этого явились новыя формы прошедшаго отъ извѣстныхъ производныхъ основъ, а старыя формы прошедшаго, смѣшавшись и по отношенію къ личнымъ окончаніямъ съ формою настоящаго, были въ результатѣ утрачены. Вслѣдствіе этого смѣшенія личныхъ окончаній, формы настоящаго и будущаго времени, съ одной стороны, и новыя образованія прошедшаго, съ другой стороны, получили одни и тѣ же личныя окончанія, при чемъ въ большинствѣ формъ лица получили

перевѣсъ именно тѣ изъ нихъ, которыя принадлежали первоначально формамъ прошедшаго; лишь въ формѣ 1-го л. ед. ч. продолжало сохраняться въ общебалтійскомъ языкѣ старое образованіе, принадлежавшее формѣ настоящаго времени, наряду съ новымъ, такъ какъ они ассоціировались другъ съ другомъ, а въ формѣ 2-го л. ед. ч. получило преобладаніе окончаніе, принадлежавшее первоначально формѣ настоящаго, и именно въ томъ діалектѣ, который далъ существованіе прусскому языку, здѣсь существовали, какъ мы видѣли, оба индоевропейскіе личные суффиксы. Въ формѣ 2-го л. ед. ч. стараго желательнаго наклоненія, получившаго значеніе повелительной формы, прусскій языкъ сохранилъ образованіе съ старымъ суффиксомъ *-s*, между тѣмъ какъ въ литовсколатышскомъ языкѣ и здѣсь явилось новообразованіе подъ вліяніемъ обычнаго окончанія формы 2-го л. ед. ч. Старыя личныя окончанія, принадлежавшія формѣ настоящаго времени сохранились въ остоткахъ, да и то только въ ед. ч. въ глаголахъ съ нетематическимъ спряженіемъ, такъ какъ здѣсь не могло быть непосредственнаго смѣшенія окончаній настоящаго и прошедшаго времени. Приведенное на стр. 44 лит. *te ei* представляетъ, понятно, новообразованіе по отношенію къ личному суффиксу подъ вліяніемъ соотвѣтственныхъ образованій тематическаго спряженія. Далѣе, наконецъ, и глаголы съ производными основами послѣдовали аналогіи глаголовъ съ непроизводными основами.

ГЛАВА III.

Образованіе основъ формъ времени и наклоненія въ балтійскихъ языкахъ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Образованіе основъ настоящаго времени.

Основы настоящаго времени распадаются въ балтійскихъ языкахъ на двѣ большія группы. Во-первыхъ, мы находимъ здѣсь такого рода основы настоящаго времени, при которыхъ въ формѣ неопредѣленнаго является непроизводная глагольная основа, и, во-вторыхъ, такія основы настоящаго времени, при которыхъ въ формѣ неопредѣленнаго являются извѣстныя производныя, по своему происхожденію, основы. Основы настоящаго времени первой группы представляютъ въ свою очередь двѣ разновидности: во-первыхъ, основы съ извѣстнымъ основообразовательнымъ суффиксомъ и, во-вторыхъ, основы безъ такого суффикса. Первая разновидность обнимаетъ именно основы такъ называемаго тематическаго спряженія. Основы второй группы въ балтійскихъ языкахъ сохранились лишь въ остаткахъ.

Сначала мы разсмотримъ, по отношенію къ ихъ исторіи, основы настоящаго времени, составляющія первую разновидность первой группы.

Балтійскіе языки представляютъ здѣсь прежде всего тотъ типъ основъ настоящаго времени, который намъ хорошо извѣстенъ и изъ другихъ индоевропейскихъ языковъ, а именно основы, получившіяся изъ индоевропейскихъ основъ настоящаго времени съ суффиксомъ

$a^{e}/_{o}$. По поводу термина «суффиксъ $a^{e}/_{o}$» замѣчу, что, имѣя въ виду эпоху распаденія индоевропейскаго языка, которую мы можемъ открыть путемъ сопоставленія фактовъ отдѣльныхъ вѣтвей семьи индоевропейскихъ языковъ, мы въ правѣ прилагать терминъ суффиксъ къ $a^{e}/_{o}$, являющемуся въ окончаніи указанныхъ глагольныхъ основъ. Я вообще держусь того мнѣнія, что и по отношенію къ фактамъ самого общаго индоевропейскаго языка эпохи его распаденія мы не должны допускать смѣшенія двухъ различныхъ точекъ зрѣнія, отъ котораго научное изслѣдованіе отдѣльныхъ языковъ, его потомковъ, уже давно освободилось. Какъ извѣстно, факты языка образуютъ по закону психической ассоціаціи различнаго рода группы, болѣе или менѣе общія, а эти группы, вмѣслѣ съ измѣненіемъ самихъ фактовъ и въ зависимости отъ него, сами съ теченіемъ времени измѣняются. Въ виду этого послѣдняго обстоятельства, при той или иной группировкѣ фактовъ языка, мы должны строго различать отдѣльныя эпохи его существованія. Съ другой стороны, подвергая факты языка изслѣдованію въ ихъ исторіи, наблюдая перемѣщенія и перестановки, происходившія съ теченіемъ времени въ отдѣльныхъ ихъ группахъ, а также разрушеніе старыхъ и возникновеніе новыхъ группъ, мы получаемъ право опредѣлять отдѣльные элементы и цѣлыя группы по ихъ прошлому. Примѣняя эти общія соображенія къ тому частному вопросу, который далъ для нихъ поводъ, мы найдемъ, что опредѣленіе въ словѣ въ каждомъ данномъ случаѣ основы и суффикса возможно и по отношенію къ изслѣдуемой нами эпохѣ въ жизни языка, и по отношенію къ его прошлому. Если мы возьмемъ, напр., русскія слова «рабъ» и «сынъ», то въ современномъ языкѣ здѣсь являются основными частями, понятно, звуковые комплекты «раб» и «сын», оканчивающіеся на согласныя; съ точки зрѣнія исторія языка въ первомъ случаѣ является, однако, основа на индоевропейское $a^{o}/_{e}$, а во второмъ — основа на индоевропейское *и*. Общій индоевропейскій языкъ мы знаемъ пока съ надлежащею полнотою лишь въ эпоху его распаденія, хотя по отношенію къ нѣкоторымъ отдѣльнымъ, немногочисленнымъ пока, фактамъ мы можемъ пойти нѣсколько дальше и прослѣдить ихъ исторію въ самомъ индоевропейскомъ языкѣ на протяженіи двухъ или нѣсколькихъ эпохъ. Отсюда еще не слѣдуетъ, однако, что мы можемъ переносить безъ всякихъ оговорокъ свѣдѣнія, добытыя этимъ путемъ, и на факты эпохи распаденія, иначе мы на-

мѣренно создадимъ путаницу, которая такъ много препятствовала въ прежнее время правильной оцѣнкѣ явленій отдѣльныхъ подвергавшихся изученію языковъ. Такимъ образомъ, какъ бы мы ни смотрѣли на происхожденіе въ индоевропейскомъ языкѣ глагольныхъ основъ типа *bha^{e}ra^e/^{o}*—, для эпохи его распаденія мы имѣемъ здѣсь дѣло съ основою *bha^{e}r*+суффиксъ *a^e/^{o}*. Какимъ образомъ возникло это *bha^{e}ra^e/^{o}*, что такое представляетъ *по происхожденію a^e/^{o}*, являвшееся въ эпоху распаденія по своему значенію суффиксомъ,—вотъ вопросы, которые можетъ разрѣшить лишь изслѣдованіе исторіи самого индоевропейскаго проязыка и которые не входятъ непосредственно въ историческія грамматики отдѣльныхъ индоевропейскихъ языковъ, поскольку они отправляются отъ индоевропейскаго праязыка эпохи его распаденія. Съ высказанными мною соображеніями ср. слова Бругмана въ Grundriss, 1^2, p. 34 sq.

Разсматриваемыя основы представляютъ въ балтійскихъ языкахъ по отношенію къ окончанію ту особенность, что здѣсь мы не находимъ чередованія гласныхъ изъ индоевропейскихъ *a^e* и *a^o* по формамъ лица. Какъ извѣстно, въ общемъ индоевропейскомъ языкѣ являлось здѣсь *a^o* въ окончаніи самой основы въ формахъ 1-го л. ед., 1-го л. дв. и 1-го и 3-го л. мн. ч., при чемъ въ формѣ 1-го л. ед. ч. въ эпоху распаденія существовало въ окончаніи *-ā^{o}n* съ *n* некратнымъ подвижнымъ, въ прочихъ же формахъ лица здѣсь являлась частію гласная *a^e*, частію *a^o* (именно въ формахъ 1-го л. дв., 1-го и 3-го л. мн. ч.) въ положеніи передъ неслоговымъ звукомъ принадлежавшимъ началу личнаго суффикса. Индоиранское *ā* въ окончаніи основы въ положеніи передъ суффиксомъ 1-го л. дв. ч. (напр. дринд. *bharāvas*, ав. *ǰuāua* — форма имперфекта) я объясняю, подобно индоиранскому *ā* въ соотвѣтственномъ положеніи въ 1-мъ л. мн. ч., согласно правилу Бругмана о происхожденіи индоиранскаго *ā* изъ извѣстнаго вида индоевропейскаго *a^o*, къ индоевропейскому же окончанію *-a^{o}va^{e}s* я возвожу и готское *ōs* напр., въ *bairos*; Бругманъ (Gr. II, § 1029) и Штрейтбергъ (Urgermanische Grammatik, § 211), не рѣшая окончательно вопроса, находятъ возможнымъ возводить, по примѣру Шмидта, готское *-ōs* къ индоевропейскому *-ā^{o}va^{e}s*; съ этимъ объясненіемъ я не могу согласиться въ виду затрудненій, представляющихся прежде всего со стороны исторіи звука *v* въ германскихъ языкахъ, а затѣмъ и по той при-

чинѣ, что въ самомъ индоевропейскомъ языкѣ я не могъ бы понять происхожденія здѣсь долготы гласной. Итакъ, возвращаясь къ балтійскимъ языкамъ, мы видимъ, какъ я уже замѣтилъ, что старое чередованіе индоевроп. a^e и a^0 въ окончаніи разсматриваемыхъ основъ въ балтійскихъ языкахъ утрачено; ср. лит. *vedù*, *vedì*, *vẽda*, *vẽdam(e)*, *vẽdat(e)*, *vẽdava*, лат. *vedu*, *vedi*, *ved*, *vedam*, *vedat*, пр. *imma*, *giwassi*, *imma*, *giwammai*, *immati*, указывающія на общебалтійскія *-ō*, *-an*, *-ai*, *-asi*, *-a*, *-amė*, *-amai*, *-ate* въ окончаніи формъ лица. Сопоставленіе балтійскихъ языковъ съ славянскими (ср. Ульяновъ, Основы, стр. 20 сл.) показываетъ, что въ литовскославянскомъ языкѣ сохранялось еще старое, полученное изъ индоевропейскаго языка, чередованіе гласныхъ, принадлежавшихъ окончанію основы; слѣдовательно, утрата этого чередованія относится къ эпохѣ совмѣстной жизни балтійскихъ языковъ. Произошла она, надо думать, тѣмъ путемъ, что гласная *e* была вытѣснена здѣсь гласною *a*.

Въ эпоху распаденія общаго индоевропейскаго языка разсматриваемыя основы распадались на два большихъ класса по отношенію къ тому, представляла ли основа сильный или слабый звуковой видъ. Различіе въ звуковомъ видѣ основы связано было по происхожденію съ различіемъ въ положеніи ударенія, которое въ первомъ случаѣ лежало, въ эпоху образованія чередованій сильнаго и слабаго звуковыхъ видовъ, на основѣ глагола, а во второмъ случаѣ на окончаніи основы. Въ позднѣйшей жизни отдѣльныхъ индоевропейскихъ языковъ это различіе въ удареніи разсматриваемыхъ основъ частію сохранилось въ однихъ изъ нихъ, а въ другихъ съ теченіемъ времени было утрачено въ силу возникновенія новыхъ законовъ по отношенію къ мѣсту ударенія. Къ первой категоріи принадлежитъ, напр., древнеиндійскій языкъ, къ второй принадлежатъ, напр., германскіе, балтійскіе и славянскіе языки. На дальнѣйшихъ подробностяхъ этого явленія я здѣсь не останавливаюсь, такъ какъ относящіеся сюда вопросы, очевидно, могутъ быть разсмотрѣны лишь въ связи съ исторіей ударенія въ балтійскихъ языкахъ вообще.

Сопоставленіе между собою отдѣльныхъ индоевропейскихъ языковъ показываетъ далѣе, что разсматриваемыя основы употреблялись въ индоевропейскомъ проязыкѣ не только въ формѣ настоящаго времени, именно презенса, и имперфекта, т. е. въ формѣ вида длительнаго, но и въ формѣ вида недлительнаго, при чемъ основы пер-

ваго класса («Typus A»—у Бругмана), основы съ сильнымъ звуковымъ видомъ корня, являлись исключительно основами длительнаго вида, а основы второго класса («Typus B»—у Бругмана), основы съ слабымъ звуковымъ видомъ корня, сами по себѣ не были основами извѣстнаго вида, являясь и въ формахъ вида длительнаго и въ формахъ вида недлительнаго; примѣры см. у Бругмана, Gr. II, § 513 sq. и у Дельбрюка въ Gr. IV, § 33 sq. Такое употребленіе основъ второго класса въ индоевропейскомъ праязыкѣ я не считаю первоначальнымъ (ср. слова Дельбрюка въ Gr. IV, p. 90 extr.) и думаю, что нѣкогда здѣсь различались основы перваго и второго классовъ, какъ основы видовъ длительнаго и недлительнаго. Когда въ индоевропейскомъ праязыкѣ по аналогіи отношенія, существовавшаго между формами презенса и имперфекта отъ основъ перваго класса, въ образованія презенса, стали переноситься и основы второго класса эти послѣднія сохранили въ результатѣ старое видовое значеніе только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ не было такого перенесенія, гдѣ со значеніемъ несовершеннаго вида являлись или основы перваго класса, или другія производныя основы.

Въ балтійскихъ языкахъ основы съ индоевропейскимъ суффиксомъ $a^e/^o$ являются именно только въ формѣ настоящаго времени; при этомъ онѣ не заключаютъ уже въ себѣ формы вида. Проф. Ульяновъ думаетъ, однако, иначе, ср. Знач. II, стр. 62 сл., но я раздѣляю мнѣніе проф. Фортунатова, который говоритъ: «Въ литовскихъ и латышскихъ простыхъ глагольныхъ основахъ, не имѣющихъ формъ вида... нѣтъ различій въ видовомъ значеніи, а потому нѣтъ и видового значенія» (Кр. Р. стр. 85). Утрата видового значенія произошла здѣсь еще въ литовскославянскую эпоху и притомъ, надо думать, слѣдующимъ путемъ. Въ извѣстную эпоху жизни литовскославянскаго языка получилъ дальнѣйшее развитіе процессъ, который начался уже въ самомъ индоевропейскомъ праязыкѣ, а именно мы имѣемъ полное основаніе предполагать, что въ болѣе раннія эпохи жизни индоевропейскаго праязыка основы второго класса, т. е. съ слабымъ звуковымъ видомъ корня, являлись исключительно съ значеніемъ основъ недлительнаго вида; позднѣе, благодаря новообразованіямъ, нарушилось правильное соотношеніе, въ силу котораго основы перваго класса являлись основами длительнаго, а основы второго класса— основами недлительнаго вида, и появились такія индоевропейскія

основы praesentis какъ *ga̯r̥rá^e/^o*, ср. древнеинд. *giráti*, *giláti*, стсл. *жъреть;* въ отдѣльныхъ индоевропейскихъ языкахъ этотъ процессъ продолжался (ср. напр. общегреч. γράφω, греч. дорич. τράπω при ἔτραπον), и въ частности въ литовскославянскомъ языкѣ онъ вызвалъ въ результатѣ полное смѣшеніе обоихъ классовъ разсматриваемыхъ индоевропейскихъ основъ; слѣдствіемъ этого смѣшенія было то, что въ однихъ глаголахъ возобладалъ старый сильный, а въ другихъ— старый слабый звуковой видъ основы. Понятно, поэтому, что и старое видовое различіе, не сохранившееся въ первоначальномъ своемъ видѣ уже въ эпоху распаденія индоевропейскаго праязыка, было здѣсь утрачено; ср. Ульяновъ, Знач. II, стр. 288 сл. Съ утратою старыхъ формъ прошедшаго, разсматриваемыя основы являются въ балтійскихъ языкахъ, какъ я сказалъ выше, только въ формѣ настоящаго времени.

Разсмотримъ теперь балтійскія основы настоящаго времени съ суффиксомъ индоевроп. *a^e/^o* по отношенію къ подробностямъ ихъ исторіи.

Всѣ относящіяся сюда основы по звуковому виду основной части могутъ быть распредѣлены на два класса: во-первыхъ, основы съ старымъ сильнымъ звуковымъ видомъ и, во-вторыхъ, основы съ старымъ слабымъ звуковымъ видомъ.

Основы перваго класса представляютъ въ тѣхъ случаяхъ, когда въ индоевропейскомъ языкѣ чередовались въ корнѣ гласныя *a^e* : *a^o*, не въ дифтонгахъ и дифтонгическихъ сочетаніяхъ и въ дифтонгахъ и дифтонгическихъ сочетаніяхъ, вообще гласную *e* изъ индоевроп. *a^e*, при чемъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что общебалтійскій дифтонгъ *ei* измѣнился въ литовсколатышскую эпоху въ сл. гл. *ë*, что общебалтійскія дифтонгическія сочетанія *en* при положеніи не въ концѣ слова дали въ общелатышскомъ языкѣ въ результатѣ сложную гласную *ė*, и что изъ индоевропейскаго дифтонга *a^eu* и въ литовсколатышскомъ языкѣ получился въ положеніи, послѣ согласной дифтонгъ *'au* (см. ниже). Примѣры: 1) лит. *neszù, nẽsza*, лат. *nesu, nes*, ср. стсл. *несе*,—дринд. *naça*—и далѣе греч. ἐνεγκεῖν; лит. *vedù, vẽda*, лат. *vedu, ved*, ср. стсл. *веде-*, дринд *vadha-*; лит. *vėzù, vẽża*, ср. стсл. *везе-*, дринд. *vaha-*, лат. напр., *vehit*, готск. *ga-wigi-*; 2) лит. *lëkù, lë̃ka*, лат. *l'ėku, l'ëk*, ср. гр. λειπε-, готск. *leihwi-*; лит. *snẽga*, лат. *snëg*, ср. ав. *snaeza'ti*, гр. νείφει; пр. *waidimai* (форма

1-го л. мн. ч.; гласная *i* здѣсь по аналогіи основъ на *r*, о чемъ см. ниже), ср. въ формѣ стараго перфекта стсл. *вѣдѣ*, гр. οἶδα, дринд. *vēda*; 3) лит. *velkù*, *velka*, лат. *velku*, *velk*, ср. стсл. *влъче-*; лит. *kertù*, *kerta*, лат. *ceĭtu*, *ceĭt*, ср. дринд. съ другимъ видомъ корня *kṛntá-*; лит. *lendù*, *leñda*, лат. *lèdu*, *lèd* при *lenu*, *len* (съ новообразованіемъ по отношенію къ суффиксу основы, о которомъ я скажу ниже) лит. *kemszù*, *keñsza*; лат. *kemsu*, *kems*, приводимое Видеманомъ (Prat. p. 68) въ качествѣ примѣра изъ латышскаго языка, представляетъ собою, понятно, заимствованіе изъ литовскаго языка, о чемъ съ достаточною очевидностью свидѣтельствуетъ латышское *k* въ его соотношеніе съ литовскимъ *k*.

Какъ я замѣтилъ выше, изъ индоевропейскаго дифтонга *a*^{e}*u* въ литовсколатышскомъ языкѣ получился дифтонгъ *'au*; въ общеславянскомъ языкѣ отсюда—*'u* въ положеніи послѣ согласной. Большинство лингвистовъ, однако, смотритъ на исторію индоевропейскаго дифтонга *a*^{e}*u* въ балтійскихъ и славянскихъ языкахъ иначе, полагая, что отсюда еще въ литовскославянскомъ языкѣ получился дифтонгъ, совпавшій съ дифтонгомъ изъ индоевропейскаго *a*^{o}*u*; см. напр., у Бругмана Gr. I^{2}, § 221. Я, съ своей стороны держусь другого взгляда, по которому изъ индоевропейскаго *a*^{e}*u* въ общеславянскомъ языкѣ получилось *ŭ*, а въ балтійскихъ языкахъ этотъ дифтонгъ сохранялся какъ *eu* въ эпоху существованія общебалтійскаго языка, откуда прусское *eu*, и литовсколатышское *eu*, измѣнившееся далѣе въ *iau*; ср. статью Іогана Шмидта въ KZ. XXIII, p. 348 sq. Правда, мы находимъ въ балтійскихъ языкахъ нерѣдко дифтонгъ *au* вмѣсто ожидаемаго дифтонга *'au*, но это обстоятельство само по себѣ еще, понятно, нисколько не свидѣтельствуетъ о томъ, что здѣсь *au* дѣйствительно непосредственно изъ индоевропейскаго *a*^{e}*u*.

Именно слѣдуетъ думать, что въ цѣломъ рядѣ случаевъ дифтонгъ *eu* въ общебалтійскомъ языкѣ былъ вытѣсненъ нефонетическимъ путемъ дифтонгомъ *au*. Сюда, разумѣется, не относятся тѣ образованія, гдѣ дифтонгъ *au* былъ полученъ изъ индоевроп. *a*^{o}*u*, существовавшемъ частію при *a*^{e}*u* въ другихъ образованіяхъ отъ того же корня, а также и тѣ случаи, гдѣ общебалтійскій дифтонгъ *au*, по указанію родственныхъ языковъ восходитъ къ индоевроп. *a*^{a}*u*, ср., съ одной стороны, лит. *łaũkas*, лат. *łauks* съ латинскимъ *lūcus*, лит. *naudà*, лат. *naũda* съ древнеисл. *naut*, готск. *niutan*,

гдѣ *ĭu* изъ индоевр. *a^u*, съ другой стороны, лит. *tauras*—«туръ», *taurẽ*—«кубокъ», «рожокъ для отсасыванія крови» изъ болѣе древняго значенія «рогъ», лат. *taûre*—«охотничій рожокъ» съ общеславянскимъ *tūrъ*, греч. ταῦρος. За исключеніемъ случаевъ этого рода, остается тѣмъ не менѣе цѣлый рядъ случаевъ, гдѣ мы должны ждать общебалтійское *eu*, и гдѣ въ дѣйствительности является общебалтійское *au*. Замѣна перваго дифтонга вторымъ произошла, какъ я полагаю, частію подъ вліяніемъ родственныхъ образованій, гдѣ была получена гласная *u* (см. ниже). Я думаю, что еще въ литовскославянскомъ языкѣ начался тотъ процессъ, который въ результатѣ привелъ къ измѣненію стараго *eu* въ литовсколатышское *ˈau*, общеславянское *ĭu*. Именно, еще здѣсь гласная *e* въ дифтонгѣ *eu* стала приближаться къ гласной *u* по отношенію къ степени поднятія языка, т. е. стала болѣе верхней гласной, а въ связи съ этимъ происходило и измѣненіе въ условіяхъ образованія предшествовавшей согласной, получавшей нѣкоторое смягченіе, между тѣмъ какъ при другихъ условіяхъ гласныя передняго ряда еще не оказывали смягчающаго дѣйствія на предшествующія согласныя. Далѣе, въ общебалтійскую эпоху, до появленія смягченія извѣстныхъ согласныхъ передъ небными звуками, согласныя смягченныя въ положеніи передъ дифт. *eu* частію были замѣнены нефонетическимъ путемъ согласными несмягченными подъ вліяніемъ родственныхъ образованій, гдѣ уже не являлся дифтонгъ *eu*. Итакъ, группа «согласная смягченная + дифт. *eu*» дала въ результатѣ литовско - латышскую группу «согласная мягкая+дифт. *au*», прусскую группу «согласная мягкая+дифт. *eu*», а группа «согласная несмягченная+дифт. *eu*» обратилась въ результатѣ въ группу «согласная несмягченная+дифт. *au*», т. е. я принимаю, что гласная *e* въ дифтонгѣ *eu*, помимо, описаннаго мною измѣненія въ условіяхъ образованія, происходившаго въ литовско-славянскомъ языкѣ, подвергалась далѣе въ общебалтійскомъ языкѣ измѣненію въ другомъ направленіи, въ направленіи къ гласной задняго ряда; прусское *e* въ дифт. *eu* можетъ выражать именно извѣстнаго рода промежуточную гласную, сохранившуюся въ такомъ положеніи. Какъ бы, однако, мы ни смотрѣли на процессъ, приведшій къ замѣнѣ въ части случаевъ общебалтійскаго дифт. *eu* дифт. *au*, ясно, что мы имѣемъ дѣло съ явленіемъ нефонетическимъ въ своей основѣ. Такимъ образомъ мы не

всегда въ состояніи отличить въ балтійскихъ языкахъ индоевропейскій дифтонгъ $a^e u$ отъ индоевропейскихъ дифтонговъ $a^o u$ и $a^a u$. Примѣра глагольной основы разсматриваемаго типа съ индоевроп. $a^e u$ я не могу привести; лит. *grâuzdu* при *griauzdu* имѣетъ основу прош. и неопред. на *e*; Куршатъ на стр. 134 словаря (LDL) даетъ *griauzdù*, а на стр. 139 s. v. *gruzdù—griâuzdu*; послѣднее мѣсто ударенія, надо думать, дано правильно. Индоевроп. дифт. $a^a u$ является несомнѣнно въ лит. *âugu*, лат. *aŭgt*, ср. лат. *augeo*, готское *aukan*, дринд. *ōgas*, ср. прусское *augints*, лит. *auginù*. Прочія основы неясны въ этимологическомъ отношеніи и быть можетъ нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ *au* того же происхожденія, какъ и такія основы, какъ *kasù*, о которыхъ см. ниже.

Разсматриваемыя основы представляютъ еще рядъ случаевъ, вызывающихъ особое замѣчаніе. Именно, мы находимъ здѣсь частію гласную *a* въ основѣ, хотя данный глагольный корень принадлежитъ по отношенію къ чередованію гласныхъ къ ряду a^e:a^o. Сюда относятся напр. лат. *kasù*, лат. *kasu*, ср. стсл. **чешѫ**. лит. *barù* ср. лат. *bariu* съ другимъ образованіемъ основы настоящаго времени, латинское *ferio*; лит. *kalù* ср. лат. *kalu*, латинск. *percello*; лит. *malù*, лат. *malu* (съ другимъ образованіемъ основы), ср. готское *mala*, греч. μύλη, стсл. **мелѫ**, латинское *molo* изъ *melo*, кельтское *melim*.

Само собою разумѣется, что не всякую основу разсматриваемаго типа съ гласною *a* мы можетъ отнести именно сюда на основаніи только этого одного обстоятельства: лит. лат. *a* можетъ быть и другого происхожденія, какъ мы увидимъ далѣе, и тамъ, гдѣ нѣтъ ясныхъ указаній со стороны самаго ли литовскаго и латышскаго языка или другихъ родственныхъ языковъ, тамъ въ общемъ мы не можемъ съ достаточною увѣренностью разрѣшить вопросъ о происхожденіи гласной *a*. Какъ бы то ни было, мы имѣемъ нѣсколько несомнѣнныхъ примѣровъ для гласной *a* тамъ, гдѣ мы ждали бы въ балтійскихъ языкахъ гласную *e*. Въ славянскихъ языкахъ нѣтъ несомнѣнныхъ случаевъ, которые можно было бы сопоставить съ аналогичными балтійскими образованіями, но, съ другой стороны, германскіе языки представляютъ цѣлый рядъ такихъ глагольныхъ основъ; см. Streitberg, Urgermanische Grammatik, p. 293.

Дельбрюкъ и Клуге высказали предположеніе, что эти основы получились въ германскихъ языкахъ изъ индоевропейскихъ удвоен-

ныхъ основъ извѣстнаго вида (ср. III классъ древненинд. глаголовъ), утратившихъ удвоеніе и получившихъ тематическое спряженіе, а при такомъ образованіи основъ настоящаго времени являлась въ индоевроп. языкѣ въ корнѣ, чередовавшемъ a^e:a^o, именно гласная a^o. Это объясненіе было принято Ульяновымъ и распространено на соотвѣтственныя балтійскія основы (Осн., стр. 30). Другіе лингвисты, обращавшіеся къ разсматриваемому вопросу, шли инымъ путемъ, а именно они отправлялись отъ того факта, что упомянутыя германскія основы представляютъ гласную *a* въ сочетаніи съ плавною или съ носовою. Еще *de Saussure* (см. Mémoire, p. 262) видѣлъ здѣсь основы съ старымъ слабымъ звуковымъ видомъ основы, того же мнѣнія были *v. Fierlinger* (KZ. XXVII, p. 436 sq.) и *Osthoff* (*Morph. Unters.* V, p. IV). Что касается исторіи самого *a* въ сочетаніи съ плавными и носовыми, то эти лингвисты выводили такія сочетанія изъ индоевроп. $\underset{\circ}{\overline{r}}$, $\underset{\circ}{\overline{l}}$, $\underset{\circ}{\overline{n}}$, $\underset{\circ}{\overline{m}}$. Современное состояніе нашихъ свѣдѣній по сравнительной фанетикѣ индоевропейскихъ языковъ исключаетъ возможность подобнаго объясненія, но сама мысль де-Соссюра о томъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло именно съ индоевропейскими основами съ слабымъ звуковымъ видомъ корня, была вновь высказана Уленбекомъ въ Beitrage zur Kunde der deutschen Sprache und Literatur herausg. von H. Paul und W. Braune, B. XVIII, p. 561 sq. По его предположенію въ индоевропейскомъ праязыкѣ при $\underset{\circ}{r}$, $\underset{\circ}{l}$, какъ слабомъ видѣ сочетаній *er*, *el*, существовали и *ər*, *əl*, откуда германскія *ar*, *al*. Не входя здѣсь въ подробности, я замѣчу только, что не могу принять для индоевропейскаго праязыка сочетаній *ər*, *əl*, какъ слабаго вида сочетаній *er*, *el*, именно потому, что *ə* является результатомъ ослабленія долгихъ *a*, и нѣтъ ни одного достовѣрнаго случая, гдѣ бы эта гласная являлась въ старомъ чередованіи съ краткими *a*. Видеманъ, который въ своей книгѣ «*Das litauische Prateritum*», указываетъ между прочимъ и разсматриваемыя нами балтійскія основы, ограничивается лишь констатированіемъ факта, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ такъ-называемой *perfektstufe* (напр. p. 7, 68). По моему мнѣнію, вопросъ о происхожденіи упомянутыхъ образованій не можетъ быть отдѣленъ отъ вопроса о происхожденіи аналогичныхъ имъ случаевъ, гдѣ въ основѣ настоящаго времени мы вообще находимъ или саму по себѣ, или въ дифтонгѣ и дифтонгическомъ сочетаніи такую гласную, которая собственно при-

надлежитъ образованіямъ съ такъ-называемой *perfektstufe*. Въ такомъ случаѣ мы не имѣли бы права сводить всѣ эти основы къ извѣстнымъ типамъ индоевропейскихъ удвоенныхъ основъ настоящаго времени. Что же касается мнѣнія де-Соссюра и нѣкоторыхъ другихъ ученыхъ, то оно, какъ замѣчено выше, не можетъ быть принято по показанію исторіи звуковъ въ балтійскихъ и германскихъ языкахъ. Итакъ, какъ мнѣ кажется, мы должны отказаться отъ приведенныхъ выше объясненій. По моему мнѣнію, разсматриваемыя основы германскихъ языковъ представляютъ собою по происхожденію индоевропейскія основы на $a^o/_e$ съ слабымъ видомъ корня. Исторія этого класса основъ представляется мнѣ здѣсь поэтому въ слѣдующемъ видѣ: въ ту эпоху, когда въ германскомъ праязыкѣ установились извѣстныя соотношенія между гласной корня въ основѣ настоящаго и такою же гласной въ основѣ прошедшаго (по происхожденію перфекта), индоевропейскія основы настоящаго съ слабымъ видомъ корня частію послѣдовали аналогіи болѣе обычныхъ соотношеній (ср. напр. псл. *vega*, гдѣ была получена слабая основа съ индоевроп. *i* при дифтонгѣ a^ei въ сильномъ видѣ, ср. готское *weihan*, готское *trudan* при нѣм. *treten* и т. п.), частью, именно основы съ плавной и носовой получили новообразованіе въ гласной корня по аналогіи формы прошедшаго, гдѣ была получена гласная индоевроп. a^o; затѣмъ такіе случаи какъ *faran*,* *far* подчинились аналогіи тѣхъ глаголовъ, которые принадлежатъ къ германскому шестому разряду (*Verba der 6. Ablautsreihe*). Что же касается аналогичныхъ основъ балтійскихъ языковъ, то и въ нихъ я вижу новообразованіе по отношенію къ гласной корня, но, въ отличіе отъ германскихъ основъ, балтійскія основы были получены съ сильнымъ видомъ корня, т. е. съ гласною a^e, а гласная *a* замѣнила собою балтійское *e* подъ вліяніемъ утраченныхъ образованій перфекта, сперва въ формѣ стараго аориста, а затѣмъ отсюда была перенесена и въ форму настоящаго. Дѣло въ томъ, что индоевропейскій перфектъ получилъ еще въ литовскославянскомъ языкѣ значеніе прошедшаго времени и въ результатѣ былъ утраченъ, смѣшавшись съ образованіями этого послѣдняго. Окончательную утрату индоевропейскаго перфекта я отношу къ эпохѣ совмѣстной жизни балтійскихъ и славянскихъ языковъ, при чемъ то обстоятельство, что общеславянскій языкъ сохранилъ такое образованіе, какъ *vi͡edi͡e*, объ-

ясняется, надо думать, причинами, аналогичными тѣмъ, которыя дали существованіе германскимъ *praeteritopraesentia*. Прусское *waidimai* представляетъ по происхожденію старую основу перфекта съ обычнымъ тематическимъ спряженіемъ основъ наст. времени. Мнѣ остается объяснить еще одинъ пунктъ, а именно, почему мы должны думать, что балтійскія основы класса лит. *kasu* были получены съ сильнымъ звуковымъ видомъ корня. Объ этомъ, по моему мнѣнію, съ достаточною очевидностью свидѣтельствуетъ форма литовскаго прошедшаго *kasiaũ* (ср. Фортунатовъ, Критич. разборъ, стр. 57 сл.).

Далѣе, разсматриваемый классъ основъ представляетъ нѣкоторыя образованія, полученныя изъ индоевропейскаго праязыка, гдѣ глагольный корень оканчивался на дифтонгъ, распадавшійся въ положеніи передъ гласной $a^0/^e$ въ окончаніи основы на звуки двухъ слоговъ: гласная слоговая одного слога$+\underset{\frown}{i}$ или$+\underset{\frown}{u}$, примыкавшія въ слоговомъ отношеніи къ слѣдующему слогу. При этомъ надо замѣтить, что еще въ индоевропейскомъ праязыкѣ изъ $\underset{\frown}{i}$ и $\underset{\frown}{u}$ получались при извѣстныхъ фонетическихъ условіяхъ, остающихся не вполнѣ ясными, фрикативныя согласныя *j* и *v*. Изслѣдованіе этихъ условій въ значительной степени затрудняется тѣмъ обстоятельствомъ, что въ большинствѣ отдѣльныхъ языковъ нашей семьи мы не можемъ различать въ ихъ исторіи индоевропейскія $\underset{\frown}{i}$ и *j*, а также $\underset{\frown}{u}$ и *v*. Итакъ, лит. *veju* (ср. слав. *vĭjǫ*) представляетъ собою индоевропейскую основу $va^eja^e/^e$, гдѣ a^e+j изъ дифтонга $a^e\underset{\frown}{i}$ и непосредственно изъ $a^e+\underset{\frown}{i}$ (если бы литовскославянскій языкъ получилъ здѣсь $\underset{\frown}{i}$, то въ общебалтійскомъ языкѣ мы нашли бы полную утрату этого звука). Что касается латышскаго *vīju*, то оно представляетъ собою новообразованіе по аналогіи другихъ глаголовъ на—*iju*, при чемъ и долгота здѣсь не старая (см. ниже). Глаголовъ на—*evu* балтійскіе языки не имѣютъ, хотя на такую основу указываетъ литовское *sravù*, *sravėti*, лат. *strāwêt* (ср. Ульяновъ, Основы, стр. 55), при чемъ латышская основа представляетъ новообразованіе и въ гласной корня подъ вліяніемъ существ. *strāwe*.

Что касается аналогичныхъ образованій отъ корней на дифтонги съ долгою слоговою гласною, то они не могутъ быть отличаемы съ достаточною точностью отъ образованія съ суффиксомъ ja^{ae}, такъ какъ въ самомъ индоевропейскомъ праязыкѣ такіе дифтонги теряли при извѣстныхъ условіяхъ неслоговую часть.

Итакъ, мы разсмотрѣли балтійскія основы съ индоевропейскимъ a^e въ корнѣ, теперь намъ остается сказать нѣсколько словъ о тѣхъ основахъ на $a^0/^e$ съ сильнымъ звуковымъ видомъ, которыя имѣли въ корнѣ гласныя другихъ рядовъ.

Во-первыхъ, сюда, можетъ быть, относятся извѣстныя основы съ гласною a въ корнѣ изъ индоевропейскаго a^a, хотя, понятно, далеко не всѣ балтійскія основы съ a въ корнѣ могутъ быть объясняемы такимъ образомъ. Дѣло въ томъ, что частію такого рода основы имѣютъ a изъ стараго a^0 (см выше), а частію мы можемъ ждать a и изъ такого индоевропейскаго a, которое являлось въ извѣстномъ чередованіи съ долгою гласною. За отсутствіемъ надлежащаго матеріала для сопоставленія въ родственныхъ языкахъ, мы не можемъ съ достаточною точностію указать среди балтійскихъ основъ съ гласною a въ корнѣ основы, имѣющія это a изъ индоевроп. a^a въ сильномъ звуковомъ видѣ. Вообще въ самомъ индоевропейскомъ языкѣ эта гласная, какъ гласная сильнаго звукового вида была извѣстна въ сравнительно рѣдкихъ случаяхъ. Многіе лингвисты даже совершенно отказываются признать здѣсь чередованіе гласныхъ такого именно рода. Какъ бы то ни было, этотъ вопросъ, какъ и многіе другіе вопросы въ этой области, еще не выясненъ въ достаточной степени, и причина этого очень понятна: индоевропейскій праязыкъ эпохи его распаденія имѣлъ въ прошломъ уже длинную исторію, конечные результаты которой далеко не всегда даютъ намъ возможность проникнуть въ этотъ допсторическій для насъ періодъ въ жизни нашего праязыка; правильное чередованіе гласныхъ, созданное нѣкогда извѣстными фонетическими условіями, въ данный моментъ было явленіемъ смѣны звуковъ, не обусловливаемой причинами этого рода, и во многихъ пунктахъ уже подверглось разрушающему вліянію аналогіи. Въ виду этихъ соображеній я не могу въ силу той или другой общей теоріи чередованія гласныхъ въ индоевропейскомъ языкѣ отказаться отъ признанія извѣстныхъ реальныхъ фактовъ, при чемъ, понятно, нисколько этимъ не рѣшаю вопроса о самомъ происхожденіи этихъ фактовъ, быть можетъ, такъ-называемый рядъ гласной a, т. е. тотъ рядъ, въ которомъ въ сильномъ звуковомъ видѣ является именно гласная a^a, и не былъ однороденъ по своему происхожденію съ рядомъ $a^e/^o$.

Во-вторыхъ, къ разсматриваемому разряду основъ принадле-

жатъ основы имѣющія въ корнѣ гласную изъ индоевропейской долгой гласной *a* того или другаго качества, существовавшей въ сильномъ звуковомъ видѣ корня. По отношенію къ случаямъ этого рода необходимо имѣть въ виду то обстоятельство, что индоевропейскія долгія *a* являлись, во-первыхъ какъ ‹*Dehnstufe*› въ рядѣ $a^e/^o$ (именно $\bar{a}^e$ и $\bar{a}^o$) и, во-вторыхъ, въ чередованіи съ индоевропейскою неопредѣленною гласною въ слабомъ звуковомъ видѣ. Несмотря на неоднократныя попытки ученыхъ до сихъ поръ еще не удалось выяснить происхожденіе въ самомъ индоевропейскомъ праязыкѣ $\bar{a}^e$ и $\bar{a}^o$ въ рядѣ $a^e/^o$; несомнѣнно только то, что эти гласныя въ такомъ именно чередованіи не однородны съ гласными $\bar{a}$ въ ихъ чередованіи съ *ə*. Тѣмъ не менѣе одно обстоятельство заставляетъ меня разсматривать вмѣстѣ балтійскія основы съ гласными *á* какъ перваго, такъ и второго рода, а именно мы далеко не во всѣхъ случаяхъ можемъ различать въ отдѣльныхъ индоевроп. языкахъ обѣ указанныя категоріи гласныхъ, такъ какъ нерѣдко мы не имѣемъ матеріала для надлежащихъ сопоставленій, которыя рѣшили бы вопросъ въ ту или другую сторону. Что касается напр. лит. *szôku*, то сопоставленіе съ родственными языками (ср. прежде всего общеслав. *skok, skakati*, ab. *sačā'te* (conj.), готское *skēwjan*), указываетъ съ достаточною опредѣленностью на принадлежность гласной этого глагола по отношенію къ чередованію гласныхъ именно къ ряду $a^e/^o$. При этомъ требуетъ разъясненія вопросъ, почему мы находимъ здѣсь гласную лит. *o*, которая сама по себѣ указывала бы на индоевроп. $\bar{a}^a$, а не a^o, а мы здѣсь ждали бы именно послѣднюю гласную, откуда лит. *ů*. Этоть случай, какъ и нѣкоторые другіе, ему подобные, относится къ категоріи случаевъ, разсмотрѣнныхъ нѣсколько выше, а именно и здѣсь лит. *o* въ основѣ презенса такого же происхожденія, какъ и гласная *a*, напр. въ *kasù*. Лит. *tvoskù* (мѣсто и качество ударенія точно неизвѣстны) при *tvaskù* (неопр. *tvaskêti*) имѣетъ, надо думать, такое же *o*. Латышскія *nàku* и *sàku* принадлежатъ сюда же. Лит. *půlu*, лат. *půlu* имѣютъ *ů* изъ индоевропейскаго $\bar{a}^o$, ср. нѣм. *fallen* съ слабымъ звуковымъ видомъ основы. Такіе глаголы, какъ лит. *bêgu*, лат. *bègu*; лит. *sêdu* имѣютъ *ē* какъ *Dehnstufe*, ряда $a^e/^o$; ср. съ *bēgu* греч. φέβομαι, а что касается *sêdu*, то, какъ извѣстно, индоевроп. корень былъ *sed*. Прусское *pīdimai, pīst* имѣетъ *ē* неизвѣстнаго происхожденія, такъ какъ этимологія глагола

неясна. То же можно сказать о лит. *gvėžu*. Что касается случаевъ, гдѣ балтійскіе языки при тематическомъ спряженіи презенса глаголовъ разсматриваемой категоріи, представляютъ частію и нетематическое, то объ нихъ я буду говорить ниже.

Основы втораго класса, т.-е. основы, представляющія слабый звуковой видъ корня, къ разсмотрѣнію которыхъ я теперь перехожу являются въ балтійскихъ языкахъ въ цѣломъ рядѣ случаевъ. Тѣ глагольные корни, которые принадлежатъ по гласной къ ряду $a^e/^0$, частію a^a, представляютъ въ балтійскихъ языкахъ въ слабомъ видѣ гласныя изъ индоевроп. *ɑ* въ тѣхъ именно случаяхъ, когда за нею слѣдуетъ не носовая и не плавная согласная; дифтонгическія сочетанія изъ индоевроп. дифтонгическихъ сочетаній ирраціональной гласной съ плавными и носовыми, именно тамъ, гдѣ корень въ полномъ звуковомъ видѣ заключалъ гласную a^e въ сочетаніи съ послѣдующею плавною или носовою согласной, а также сочетанія гласныхъ *i* и *u* съ предшествующими сонорными согласными изъ индоевропейскихъ дифт. сочетаній плавная или носовая согласная+*a*; гласныя *i* и *u* изъ соотвѣтственныхъ индоевропейскихъ гласныхъ, получившихся изъ дифтонговъ, существовавшихъ въ сильномъ звуковомъ видѣ корня; наконецъ, старую краткую гласную *a* изъ индоевроп. *ə*, являвшагося, какъ извѣстно, ослабленіемъ долгихъ *a* различнаго качества.

По отношенію къ случаямъ перваго рода слѣдуетъ имѣть въ виду, что еще въ самомъ индоевропейскомъ праязыкѣ была извѣстна при нѣкоторыхъ условіяхъ полная утрата *a*, являвшагося изъ ослабленія гласныхъ $a^e/_0$, хотя частью въ нѣкоторыхъ образованіяхъ, требовавшихъ слабаго звуковаго вида, здѣсь существовало измѣненіе гласной *a* въ гласную a^e полнаго образованія (тамъ именно, гдѣ извѣстное стеченіе согласныхъ препятствовало полной утратѣ *ɑ*). На конецъ, въ извѣстныхъ случаяхъ гласная *a* была замѣнена по аналогіи другихъ образованій гласнаго $a^e/^0$ полнаго образованія (см. статью Ф. Ѳ. Фортунатова въ K. Z., XXXVI, p. 47 sq.). Итакъ, намъ до нѣкоторой степени трудно различать по отношенію къ разсматриваемымъ основамъ именно основы 1-го и 2-го классовъ. Дѣло въ томъ, что гласная *a* въ корнѣ была здѣсь въ условіяхъ, которыя не допускали вообще ея исчезновенія, но мы можемъ предположить для ряда случаевъ замѣну этой гласной гласною a^e полнаго образованія по аналогіи родственныхъ образованій; слѣдовательно

такая основа въ самомъ индоевропейскомъ праязыкѣ переходила при этомъ изъ 2-го класса въ 1-ый. Тамъ, гдѣ гласная *a* сохранялась, она въ балтійскихъ языкахъ обратилась въ гласныя *i* и *u* въ зависимости отъ какихъ-то фонетическихъ условій (см. статью Ф. Ѳ. Фортунатова въ сборникѣ Χαριστηρια стр. 487 сл.). Гласную *i* такого происхожденія мы находимъ напр. въ лит. *pisù*, лат. *pisu* (греч. πέος, дринд. *pasas* указываютъ на то, что эта глагольная основа принадлежитъ по гласной корня къ ряду $a^e/^0$); лит. *kibù* при *kabù*, *kebẽklis*; достовѣрнаго примѣра для гласной *u* такого происхожденія я не знаю.

Дифтонгическія сочетанія гласныхъ *i* и *u* съ послѣдующими плавными и носовыми согласными, а также гласныя *i* и *u* въ положеніи послѣ плавныхъ и носовыхъ согласныхъ изъ индоевропейскихъ сочетаній *a* съ тѣми же сонорными звуками, извѣстны намъ въ разсматриваемыхъ образованіяхъ въ цѣломъ рядѣ случаевъ. Примѣрами могутъ служить: лит. *pinù*, лат. *pinu*, ср. стсл. **пьнѫ**, **опона**, лит. *ginù*, *genù*, лат. *dzenu* при прош. *dzinu;* лит. *minu*, лат. *minu*, ср. общеслав. **тьнѫ**; лит. *imù*, ср. лат. *jemu*, стсл. **нмѣти;** лит. *pilù*, ср. лат. *pilstu*, прусское *pilnan*, общеслав. *pьlnъ* и т. д.; лат. *ilgu*, ср. лит. *ilgstu*, общеслав. *dьlgъ*, греч. δολιχός и т. д.; лит. *dirbu* при *dirbas*; лат. *sasiru* (?), ср. Leskien, Ablaut p. 341; лит. *knìbù*, лат. *knibu* (основа прош. и неопр. на *ē*), ср. лит. *knebenù*; лит. *pasmigti*, при *pasmingù*, ср. *smègti* лит. *lupù*, лат. *lupu*, ср. лит. *lãpas*, греч. λέπειν; (лат. *laŭpit* по аналогіи глаголовъ, гдѣ *u* изъ индоевроп. *u*) лит. *brukù*, ср. лат. *bruku* изъ **brunku*, греч. φράσσω, лат. *farcio;* лит. *ritù*, лат. *ritu*, ср. лит. *rãtas*; лит. *riszù*, лат. *risu*, ср. дринд. *raçmí*—, *raçanã*—; при послѣднихъ двухъ глаголахъ, какъ и при *pa-smìgti*, мы находимъ въ литовскомъ и латышскомъ языкахъ рядъ родственныхъ образованій, которыя указываютъ на то, что эти глаголы, по аналогіи другихъ случаевъ, гдѣ *i* изъ индоевроп. *i* въ чередованіи съ старыми дифтонгами, перешли по отношеніи къ гласной корня въ рядъ *i*—a^e*i*; лат.—*klibt*—при—*klibstu* при лит. *klibù*, *klibèti*, ср. лит. *klebù*, *klebėti*, *klabù*, *klabėti* и т. д.

Балтійскія гласныя *i* и *u* изъ индоевроп. *i* и *u*, существовавшихъ въ слабомъ звуковомъ видѣ корня при дифтонгахъ *ai* и *au* въ сильномъ его видѣ, являются напр. въ слѣдующихъ случаяхъ:

лит. *kiszù*, ср. *kaĩsztis*; лит *migù*, ср. лат. *medzu̯*, лит. *maigas*; лат. *zibu* при *zıbu* (съ инфиксомъ) при лит. *żibù*, *żibeti*, ср. лит. *żaĩbas*; лит. *susù*, лат. *susu*, ср. лит. *saũsas*, общеслав. *suchъ*; лит. *sukù* при лат. *sùku* (съ инфиксомъ), ср. русское *ску*. Происхожденіе въ самомъ индоевропейскомъ праязыкѣ гласныхъ *i* и *u* изъ дифтонговъ, являющихся въ сильномъ звуковомъ видѣ соотвѣтственныхъ корней, я объясняю такъ же, какъ проф. Ф. Ѳ. Фортунатовъ (см. его статью «Uber die schwache Stufe der uridg. «*ă*»—vocale» въ KZ., XXXVI, p. 38 sq.); мнѣніе имъ высказанное я принимаю по той причинѣ, что нахожу его вполнѣ соотвѣтствующимъ извѣстнымъ намъ фактомъ изъ области чередованія гласныхъ, тогда какъ другія теоріи оставляютъ неразъясненными цѣлый рядъ пунктовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ я считаю доказаннымъ существованіе въ индоевропейскомъ праязыкѣ долгихъ или, можетъ быть, полудолгихъ, неслоговыхъ *i* и *u*; такимъ образомъ индоевропейскія *i* и *u* долгія, являющіяся въ чередованіи съ старыми дифтонгами съ некраткою неслоговою частію, необходимо получаютъ надлежащее объясненіе, какъ результатъ стяженія *a̯i̯* и *au̯* съ *i̯* и *u̯* некраткими (пунктъ 4 упомянутой статьи). При опредѣленіи глагольныхъ основъ съ *i* и *u* такого именно происхожденія слѣдуетъ избѣгать ихъ смѣшеніе съ такими основами, которыя имѣютъ *i* и *u* позднѣйшаго, часто діалектическаго происхожденія, а объ этихъ случаяхъ я буду говорить нѣсколько ниже. Что касается разсматриваемаго типа основъ, то достовѣрныхъ примѣровъ для гласныхъ *i* и *u* указаннаго происхожденія, я не знаю; примѣры, гдѣ является другое образованіе основы настоящаго, не то, которое мы разсматриваемъ теперь, будутъ даны въ своемъ мѣстѣ. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ въ индоевропейскомъ праязыкѣ дифтонгу *au̯* въ сильномъ видѣ корня предшествовало *i*, *i̯* или *j*, мы ждемъ въ балтійскихъ языкахъ въ слабомъ звуковомъ видѣ корня *ʾu*, т.-е. *u* съ предшествующею смягченною согласною. Въ виду того, что старый дифтонгъ *aᵉu̯* обратится въ литовсколатышское *ʾau*, мы не всегда можемъ различать тѣ случаи, гдѣ *ʾau* восходитъ къ индоевропейскому *i̯au̯*, и гдѣ этотъ дифтонгъ получился изъ индоевропейскаго *aᵉu*, то балтійское (именно литовсколатышское) чередованіе *ʾau*: *ʾu* тамъ, гдѣ нѣтъ прямыхъ указаній родственныхъ языковъ, могло бы быть двоякаго происхожденія, т.-е. могло бы объясняться какъ изъ стараго *i̯au̯* : *i̯u*, такъ и изъ стараго *aᵉu* : *u*, потому что первоначальное

отношеніе *ˈau* . *u* легко можетъ измѣниться въ *ˈau* : *ˈu* ; теоретически мы можемъ ожидать и обратное, т-е. измѣненіе *ˈau* : *u* въ *au* : *u*. Что же мы находимъ въ дѣйствительности? Такія образованія, какъ лит. *griųvù*, *griûti*, при *griâuju*; *siųvù*, *siûti* при лат. *szūnu*, *szūju* (а литовскія основы *griųvù*, *siųvù* и т. п, какъ мы увидимъ нѣсколько ниже предполагаютъ старыя основы *griuvû*, *siuvù* гдѣ *uv* изъ индоевроп. *uu̯* (или *uv*), получавшагося изъ *ū* въ положеніи передъ гласной) представляютъ литовское *ˈū*, какъ слабый звуковой видъ дифтонга *ˈau* (съ старымъ *u̯*, некраткимъ). Такая основа, какъ лит. *biųrù*, *biùrti* (*biųru* съ носовымъ инфиксомъ, о чемъ см. ниже) при *biaurùs* (ср. **боуръ**,) является примѣромъ чередованія *ˈu* : *ˈau* изъ болѣе стараго *u* : *ˈa*. Съ другой стороны мнѣ представляется вѣроятнымъ, что въ извѣстныхъ случаяхъ, гдѣ мы находимъ литовско латышское *au* вмѣсто ожидаемаго *ˈau*, утрата смягченія предшествующей согласной произошла именно подъ вліяніемъ образованій, гдѣ являлось старое *u*. Само по себѣ, конечно, возможно и то объясненіе, которое обыкновенно даютъ такимъ случаямъ, а именно, что здѣсь старый дифтонгъ $a^{o}u$, чередовавшійся, какъ извѣстно, съ старымъ $a^{e}u$, но оно не можетъ быть примѣнено ко всѣмъ случаямъ.

Выше мы видѣли литовскія основы съ сочетаніемъ *uv* въ окончаніи корня, гдѣ *uv* (*uu̯*) еще въ индоевропейскомъ праязыкѣ получилось изъ *ū* въ положеніи передъ гласной; литовскія основы типа *lija*, *gijù* (ср. *lẽju*, *gîvas* и т. д.) при латышскихъ основахъ *list*, *dzistu* указываютъ на старыя основы *lija* —, *gija*—, гдѣ литовское *ij* изъ индоевропейскаго *ii̯*, *i̯*, получившагося изъ *i* въ положеніи передъ гласной (ср. *lîti*, *gîti*)

Наконецъ, основы разсматриваемаго типа могутъ представлять и гласную *a*, которая является здѣсь гласной слабаго звукового вида корня при долгихъ гласныхъ индоевроп. *ā* въ сильномъ звуковомъ видѣ. Лит. *płakù* (лат. *plūku* имѣетъ носовой инфиксъ) имѣетъ гласную *a* такого происхожденія изъ индоевроп. *ə*, ср. лит. *plėkti*, *płôkas*, греч. ἐκπλαγῆναι; лат. *plango* при греч. πλᾱγά, лит. *plāga*. Другихъ достовѣрныхъ примѣровъ я не знаю.

Разсматриваемыя основы настоящаго съ слабымъ звуковымъ видомъ корня имѣютъ, какъ мы уже частію видѣли, нерѣдко носовой инфиксъ.

Приведу нѣсколько примѣровъ: 1) основы съ инфиксомъ въ слабомъ звуковомъ видѣ, имѣющія въ сильномъ звуковомъ видѣ гласную a^e въ составѣ дифтонгическихъ сочетаній на плавную и носовую согласную, а также въ дифтонгахъ на *i̯* и *u̯*: лит. *i̯rù* (ср. *ardaũ*), *svi̯rù* (ср. *sveriù*), *skiłù* (ср. *skelù*), *sziłu* (ср. *szâłtas*), *drimbù* (ср. *drebiù*), *splintù* (ср. *spleczù*, *ninkù*); въ латышскомъ яз. образованія типа лит *i̯rù*, *ski̯łù*, т.-е. отъ корней, оканчивающихся на плавную или носовую согласную неизвѣстны; отъ корней, заключающихъ въ сильномъ звуковомъ видѣ индоевроп. $''a^e$+плавная или носовая согласная+согласная шумная», или «плавная или носовая согласная+a^e+шумная согласная», такія образованія извѣстны (я могу привести примѣры только для второго типа основъ); напр. лат. *kri̓tu*, ср. лит. *krintù*, лат. *łùpu* (ср. лит. *łupù*) *brùku*,; лат. (*ap*) *nìku* (при *apnikstu*), ср. лит. *ninkù*; лит. *limpù*, (ср. лит. *l̂ëptas lepsznus*, лат. *łai̓pu*), *mingù* (ср. лит. *mėgù*), *tunkù* (ср. лит. *tâukas*), *juntù* (ср. лит. *jauczù*), лит. *gijù* (ср. лит. *gŷvas*), *griu̯vù* (ср. лит. *griâuju*); въ латышскомъ яз. мы опять находимъ соотвѣтствующія образованія только отъ глаголовъ, заключающихъ въ полномъ звуковомъ видѣ въ корнѣ дифтонгъ въ положеніи передъ шумной согласной; напр., лат. *li̓pu*, *sti̓pu* (ср. лит. *stimpù*, *stëpiù*), *tùku*, *jùtu* и т. п. 2) основы съ инфиксомъ въ слабомъ звуковомъ видѣ, имѣющія въ сильномъ звуковомъ видѣ гласную индоевроп. a^e въ положеніи передъ шумною согласною: лит. *kimbù* (ср. *kibù*, *kabù*), *stimpù* (ср. *stapaus*, *stàpteriu*); лат. *sti̓pu*; 3) основы съ инфиксомъ въ слабомъ звуковомъ видѣ, имѣющія въ сильномъ звуковомъ видѣ индоевроп. *ā* различнаго качества: лит. *prantù* (ср. *prõtas*), *żandù* (ср. *zõdis*, *plantù* (ср. *płôtas*, *plėczù*), лит. *szą̨lù*, *bą̨lù* и т. п.; въ латышскомъ языкѣ образованіи послѣдняго типа нѣтъ, съ литовскимъ же *prantù* тождественно лат. *prů̊tu*, съ *randù* тождественно *rů̊du* и т. п. Изъ прусскаго яз. можно привести *polinka*.

Кромѣ указанныхъ типовъ основъ съ инфиксомъ, особенно широко распространенныхъ, какъ мы видѣли, въ литовскомъ языкѣ, мы находимъ въ балтійскихъ языкахъ и не особенно многочисленныя основы съ сильнымъ звуковымъ видомъ корня, имѣющія носовой

инфиксъ. Сюда принадлежатъ напр. лит. *tenkù* (ср. готское *ðeiha*) лит. *jenkù* (ср. лит. *nu-ìnksta*), лит. *brendù* въ Сборн. Юшкевичей и у Ширвида (*brindu* изъ общелит. *bre'ndu* см. у проф. Ульянова, Значенія I, стр. 63, прим.; лат. *téku* (при *tíku*), *brédu* (при *brénu*, *brḗniu*).

Итакъ, размотрѣнныя балтійскія основы съ слабымъ и частію съ сильнымъ звуковымъ видомъ корня представляютъ въ основѣ настоящаго времени носовой инфиксъ (согласную *n* или *m* въ зависимости отъ природы слѣдующей согласной), между тѣмъ какъ основы прочихъ формъ словоизмѣненія даннаго глагола не заключаетъ уже въ себѣ такого инфикса. Соотвѣтственныя образованія извѣстны и въ другихъ родственныхъ языкахъ, существовали они и въ индоевропейскомъ праязыкѣ. Такимъ образомъ возникаетъ вопросъ, какіе именно типы основъ настоящаго времени съ инфиксомъ получены были въ балтійскихъ языкахъ изъ индоевропейскаго праязыка. Относящіеся сюда факты сопоставлены частію проф. Ульяновымъ, Видеманомъ, а затѣмъ Бругманомъ въ томъ отдѣлѣ II-го тома *Grundriss*, гдѣ онъ разсматриваетъ такъ называемыя «*Nasalpràsentia*», а потому я могу не вдаваться вообще въ подробности и подвести, такъ-сказать, лишь итоги.

Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить тотъ фактъ, что родственные языки вполнѣ подтверждаютъ выводъ, къ которому нельзя не придти, разсматривая данныя балтійскихъ языковъ, а именно, что основами настоящаго времени съ инфиксомъ являются прежде всего именно основы съ слабымъ звуковымъ видомъ корня. Въ частности такія основы особенно извѣстны въ древнеиндійскомъ, латинскомъ, германскихъ и славянскихъ языкахъ, *) между тѣмъ какъ въ греческомъ яз. онѣ представляютъ по большей части суффиксъ—*avo*.— Особенность, являющаяся болѣе или менѣе часто во всѣхъ вышеупомянутыхъ языкахъ, заключается въ томъ, что носовой инфиксъ проникаетъ и въ основы другихъ формъ словоизмѣненія даннаго глагола (въ готскомъ языкѣ только одинъ глаголъ *standan* не пред-

*) Стсл. основы типа *жьде*—, *съпе*—могутъ быть объясняемы только какъ старыя образованія безъ носоваго инфикса (ь изъ *i*, а ъ изъ *u*), хотя, съ другой стороны, основа *жѫжде*—имѣла нѣкогда (въ общеслав. яз.) i, откуда въ данномъ фонетическомъ положеніи далѣе ę, стсл. ѧ

ставляетъ такого перенесенія; въ старославянскомъ языкѣ вообще такихъ глаголовъ два: **сѧдѫ** и **лагѫ** (неопред. **сѣсти** и **лѣшти**); ср. напр. дринд. перф. *sasaṅga*, наст. *saṅgate* (ср. напр. лит. *segù*); *tastambha* при *stambhatē* греч. ἴμφας· ζεύξας Θετταλοί (у Гезихія), ср. лат. *vincio*, *vinxi*; σφιγγω σφιγχθείς; готское *sagq* при *siggan*. При этомъ по отношенію къ древнеиндскому языку слѣдуетъ отмѣтить, что такое перенесеніе инфикса можно принимать не во всѣхъ случаяхъ; такой случай, какъ перф. *dadambha* при *dabhnōti* обязанъ своимъ происхожденіемъ вліяніемъ аналогіи со стороны *tastambha*, *stabhnōti* (см. Gr. II, p. 997). Далѣе, слѣдуетъ отмѣтить тотъ фактъ, что въ отдѣльныхъ индоевропейскихъ языкахъ являются съ носовымъ инфиксомъ основы настоящаго времени не только съ слабымъ звуковымъ видомъ корня, но также и съ его сильнымъ звуковымъ видомъ. Какъ и въ балтійскихъ языкахъ, эти образованія сравнительно немногочисленны; ср. дринд. основы *spanda*—(греч. σφεδανός), *stambha*—(ср. лит. *stebiù̂s*); греч. στέμβω (ср. στόβος, στοβέω); латинск. *prehendo* (ср. лат. *gidu*, корень *ghed*); готск. *greifa*, древнѣм. *dīhu* (ср. лит. *tenkù*); древнѣм. *springu* (ср. греч. σπέργομαι); изъ стсл. образованій приведенныхъ мною выше, **лѧже**—при **лѣшти** (ср. **по-ложити**, **ложе**) несомнѣнно представляетъ старую основу съ сильнымъ звуковымъ видомъ корня (корень *legh*, ср. напр. греч. λέχος, ἄλοχος); что касается стел. **сѧде**—*), то эта основа представляетъ по происхожденію тоже сильный звуковой видъ глагольнаго корня (въ индоевроп. праязыкѣ въ этомъ корнѣ чередовались гласныя a^e и a^e, но $\bar{a}^e$ здѣсь такъ-называемый Dehnstufenvocal). Наконецъ, должно быть отмѣчено и то обстоятельство, что въ отдѣльныхъ индоевропейскихъ языкахъ носовой инфиксъ является и при другомъ образованіи основы настоящаго времени, но объ этихъ случаяхъ я скажу нѣсколько ниже въ другой связи.

Итакъ, сопоставленіе съ родственными языками даетъ ясное указаніе на то, что балтійскія основы съ носовымъ инфиксомъ, разсмотрѣнныя нами выше, восходятъ къ индоевропейскому праязыку. Конечно, мы не имѣемъ права утверждать, что всѣ такія основы получены изъ праязыка, но типъ основъ съ носовымъ инфиксомъ и съ слабымъ звуковымъ видомъ корня былъ несомнѣнно унаслѣдо-

*) Ср. прусскія *sindats*, *syndens* въ *Kat.* при *sidons*, *sidans* въ *Ench.*

ванъ отъ праязыка. Что касается основъ съ носовымъ инфиксомъ и старымъ сильнымъ звуковымъ видомъ корня, то относительно ихъ надо думать, что они возникли по аналогіи основъ съ слабымъ звуковымъ видомъ корня уже въ самомъ праязыкѣ; какъ бы то ни было, исходнымъ пунктомъ во всякомъ случаѣ явились именно основы первой категоріи. Теперь возникаетъ далѣе вопросъ, всѣ ли отдѣльныя разновидности типа основъ съ носовымъ инфиксомъ и съ слабымъ звуковымъ видомъ корня въ балтійскихъ языкахъ восходятъ къ праязыку, или нѣкоторыя изъ нихъ болѣе поздняго происхожденія? Мы уже видѣли, что между литовскимъ и латышскимъ языкомъ въ данномъ отношеніи наблюдается нѣкоторое различіе, а именно, во-первыхъ, латышскій языкъ не имѣетъ образованій, соотвѣтствующихъ литовскимъ образованіямъ типа *bịrù*, *sząlù*, *pụvù*, *gijù*, т.-е. отъ корней оканчивающихся на дифтонгическія сочетанія и на дифтонги (въ сильномъ звуковомъ видѣ). И въ самомъ литовскомъ языкѣ такія образованія извѣстны не во всѣхъ нарѣчіяхъ; именно, въ жемайтскихъ діалектахъ такія образованія неизвѣстны; ср. напр. жемайтскія *кѝлсту*, *бѝрсту*, *шàлсту*, *пуунỳ*, *гиинỳ*, приводимыя Кс. Явнисомъ на стр. 51 Описанія Россіенскаго уѣзда. Неоднократно въ лингвистической литературѣ высказывалось мнѣніе, что разсматриваемые типы основъ съ носовымъ инфиксомъ въ сущности не имѣютъ никакого инфикса, и что написанія напр. *bịnra* у бр. Юшкевичей, *szāl̨u* у Куршата основаны на недоразумѣніи; какъ основаніе приводилось при этомъ отсутствіе въ восточнолитовскихъ говорахъ *szūlu* изъ пралит. *szǫlu*, откуда среднелитовское *szą̨lu* (см. напр. у Лескина, *Ablaut*, p 386). На самомъ дѣлѣ *szalu* у Ширвида не можетъ служить достаточнымъ доказательствомъ этого мнѣнія, несостоятельнаго и въ другомъ отношеніи, такъ какъ *szału* и *szą̨łu* отличаются и по самому значенію (первое образованіе не имѣетъ значенія начинательнаго состоянія по самому происхожденію); въ жемайтскихъ говорахъ извѣстно такое *szalu*; такое *szalu* извѣстно и въ восточнолитовскихъ говорахъ; между прочимъ я долженъ указать, что у Ширвида въ первомъ (?) изданіи Словаря, извѣстномъ мнѣ по дефектному экземпляру Московской Типографской Библіотеки (выходнаго листа нѣтъ, но, повидимому, это именно первое, не второе изданіе; третье изданіе въ общемъ уже то же, что и 4-ое и 5-ое), изданіе котораго предпринято мною совмѣстно съ проф.

Фортунатовымъ, s. v. *marzne/congelasco, conoresco* стоитъ *szulu, suszalu*. Если *szalu* въ говорахъ часто и не отличается по значенію отъ *szǫlu*, то это во всякомъ случаѣ не старое явленіе, даже не общелитовское. Въ латышскомъ языкѣ въ соотвѣтствіи съ указанными литовскими образованіями являются образованія съ суффиксомъ *-sta* и суффиксомъ *-na*; ср. лат. *list* (лит. *lĩja*), *griũstu* (лит. *griųvù*), лат. *szũnu*, діал. *szuju* (лит. *siųvù*). Итакъ, есть полное основаніе думать, что литовскія (діалектическія) образованія типовъ *bìrù, szaĮù, pųvù, giĮù* возникли въ діалектахъ общелитовскаго языка по аналогіи прочихъ образованій съ носовымъ инфиксомъ, между тѣмъ какъ въ другихъ діалектахъ здѣсь существовали образованія съ суффиксами *-sta* и *-na*, а о происхожденіи этихъ послѣднихъ типовъ основъ настоящаго времени я буду говорить въ своемъ мѣстѣ.

Во-вторыхъ, несомнѣнными новообразованіями, появившимися уже въ отдѣльномъ существованіи литовскаго языка являются такія основы отыменнаго происхожденія какъ *lempù* (при *lẽpas, lepstù*); *rentù* (при *rẽtas*; ср. лат. *ritu, ritêt*), какъ то уже указано Бругманомъ (Gr. II, p. 1003).

Въ-третьихъ, мы видѣли, что родственные языки представляютъ въ извѣстныхъ случаяхъ перенесеніе носоваго инфикса и въ основы прочихъ формъ словоизмѣненія глагола. Несомнѣнно, такіе случаи были уже въ самомъ индоевропейскомъ праязыкѣ, и надо думать, что въ числѣ глаголовъ, имѣющихъ въ корнѣ носовую согласную въ положеніи за гласной, есть такіе глаголы, которые первоначально представляли лишь носовой инфиксъ въ основѣ настоящаго времени; вѣдь далеко не всякій глагольный корень индоевропейскаго праязыка мы можемъ подвергнуть морфологическому анализу, а что касается спеціально разсматриваемаго случая, то такой анализъ усложняется иногда тѣмъ обстоятельствомъ, что носовой инфиксъ является и въ родственныхъ по корню именахъ. Въ качествѣ примѣра глагольной основы, гдѣ носовой инфиксъ проникъ еще въ самомъ индоевропейскомъ языкѣ изъ основы настоящаго времени въ основы прочихъ формъ спряженія, можно привести вслѣдъ за Бругманомъ основу, являющуюся въ лат. *prehendo, prehendi*, греч. χέισομαι, ἔχαδον, *) ср. лат. *praeda* (изъ *prae-heda*), готское *gita*; съ

*) Латышское *giĮu*, приводимое Бругманомъ, во всякомъ случаѣ не можетъ быть приводимо въ непосредственную связь съ *prehendo* и т. п., такъ какъ въ

другой стороны, мы находимъ напр. дринд. *spandatē*, *spandayatí*, *spandas*, греч. σφενδόνη, и о томъ, что здѣсь носовая согласная внутри корня по происхожденію была также инфиксомъ свидѣтельствуютъ напр. греч. σφεδανὸς, σφοδρὸς (см. Gr. II, p. 994)). Обращаясь къ балтійскимъ языкамъ, я долженъ сказать, что случаевъ вполнѣ однородныхъ съ тѣми, которые были приведены мною изъ родственныхъ языковъ, мы здѣсь не находимъ, т. е. старыя и новыя основы настоящаго времени съ суффиксомъ индоевроп. $a^e/^0$ здѣсь не переносятъ носоваго инфикса въ основы прочихъ формъ словоизмѣненія глагола съ сохраненіемъ прежней основы настоящаго времени, причастія, образуемыя отъ основы настоящаго времени, представляютъ частію носовой инфиксъ и въ балтійскихъ языкахъ. Это объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что въ балтійскихъ языкахъ разсматриваемыя образованія представляютъ обширную категорію основъ съ извѣстнымъ значеніемъ, рѣзко отличающихъ ихъ отъ другихъ образованій, не имѣющихъ такого значенія (именно значенія начинательнаго состоянія). Разъ носовой инфиксъ переносится въ другія формы спряженія, основа настоящаго времени съ носовымъ инфиксомъ уже не можетъ сохранять прежняго значенія. *) Указанный только-что фактъ не требовалъ бы дальнѣйшихъ поясненій, если бы не существовали въ балтійскихъ языкахъ извѣстные случаи, о которыхъ Бругманъ говоритъ на стр. 1003 второго тома *Grundriss* въ слѣдующихъ словахъ: «Übertritt in die *io*—Cl. erscheint nur in solchen Fällen, wo der Nasal uber das Präsens hinausging. Lit. *jùng-iu* «spanne ins Joch» (inf. *jùnk-ti*) neben ai. *yuñj-a-ti*, bat. *jung-ō*, lett. *míschu* «mingo» aus *minz-iu* (inf. *mizt*) neben lat. *ming-ō*. Lett. *kamp-ju* «fusse, greife» (inf. *kampt*), zu lat. *cap-iō*. In demselben Fall auch Übertritt in die *to-Cl.*, bei intrans. Bedeutung. Lit. *jùnkstu* (lett. *júkstu* aus *junkstu*) «werde gewohnt» (*jùnkau-jùnkti*) neben lett. *júku* aus (*j*)*unk-u*, zu aksl. *učą* «lehre» ai.-*uc-ya-ti* «findet un etw. Gefallen» *ōkas-n*. «Behagen, Ort des Be-

---

латышскомъ языкѣ мы ждали бы фонетически **dzídu*; *k.* и *g* являются вмѣсто ожидаемыхъ *c* и *dz* лишь въ заимствованныхъ изъ литовскаго языка словахъ

*) Лит. *mezù*, *mį̃zti*, о которомъ я буду говорить еще далѣе, было получено, повидимому, изъ индоевропейскаго праязыка, уже съ инфиксомъ не только въ основѣ настоящаго времени, ср. лат. *mingo*, *minxi* при *meio* изъ *meigho*. При этомъ этотъ глаголъ не имѣетъ значенія начинательнаго состоянія.

hagens, Heimstätte»; vgl. aksl. *vyk-na* und got. *bi-ūhts*, die ebenfalls nasaliert gewesen zu sein scheinen.... Das Vorbild zu diesen Präsentia lieferten solche wie *blịsta* «es dunkelt» neben *blind-o* w. *bhlendh.* «Эти слова Бругмана требуютъ разъясненія по существу, при чемъ, какъ я долженъ замѣтить, на основаніи замѣчанія на стр. 996. «In mehreren Sprachzweigen wurde dieser Präsenstypus (именно тематическая основа съ носовымъ инфиксомъ) in die *io*-Flexion übergeführt» слѣдуетъ думать, что авторъ считаетъ замѣну у разсматриваемыхъ основъ суффикса $a^e/^o$ суффиксомъ «*io*» новообразованіемъ отдѣльныхъ языковъ. Выше мною была указана причина, которою, по моему мнѣнію, объясняется въ балтійскихъ языкахъ отсутствіе случаевъ перенесенія носоваго инфикса изъ основы настоящаго времени въ основы прочихъ формъ спряженія даннаго глагола при сохраненіи стараго образованія первой основы. Съ другой стороны, нельзя упускать изъ виду того обстоятельства, что носовая согласная въ балтійскихъ языкахъ въ положеніи передъ согласною имѣла особую исторію, именно въ литовсколатышскомъ языкѣ сочетаніе «гласная+носовая согласная *n*+согласная», измѣнялась въ сочетаніе «гласная носовая+ирраціональная носовая согласная+согласная», если эта послѣдняя была длительною; эти сочетанія перешли и въ литовскій, и въ латышскій языкъ, при чемъ въ первомъ лишь въ части діалектовъ при извѣстномъ фонетическомъ положеніи сохраняются такія сочетанія (вообще же отсюда гласная неносовая краткая, или долгая, смотря по различію въ фонетическомъ положеніи и частію съ различіями по говорамъ), а въ латышскомъ языкѣ измѣненію въ указанныя сочетанія и далѣе въ гласныя неносовыя подвергались въ результатѣ и сочетанія, заключавшія въ себѣ согласную *n* или *m*, въ положеніи не передъ длительною согласною *). Отсюда понятно, что носового инфикса *n* мы не найдемъ въ латышскомъ языкѣ какъ таковаго ; слѣдъ нѣкогда бывшаго *n* сохраняется лишь въ видѣ извѣстнаго измѣненія качества и количества гласной корня. Итакъ, не должно быть удивительнымъ то, что въ латышскомъ языкѣ такая основа настоящаго времени можетъ чувствоваться не достаточно характерною для значенія начинательнаго состоянія; отсюда

*) Такъ, гдѣ въ латышскомъ яз. сохраняются *n* или *m* внутри словъ въ старомъ положеніи передъ согласною, они не фонетическаго происхожденія.

легко понять тѣ новообразованія, которыя при этомъ возникали, а именно по аналогіи другихъ основъ появлялся и здѣсь суффиксъ *-sta*; ср. *bùstu*, *bust* при лит. *bundù*, *bùsti*; *dzèstu*, *dzist* при лит. *gistu* (у Ширвида), *gestù*, (*gistu* т. е. *gįstu* изъ пралит *gę́stu*). Въ литовскомъ яз., разумѣется, такія новообразованія возникали лишь въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ носовая согласная *n* по фонетическимъ условіямъ въ результатѣ исчезла; ср. *gistu*, *gristu* и т. п. (ср. Ульяновъ, Значенія, стр. 62 сл.). Такимъ образомъ случаи, отмѣченные Бругманомъ, гдѣ при суфф. *-sta* носовой инфиксъ проходитъ по всѣмъ формамъ словоизмѣненія, получаютъ надлежащее освѣщеніе, а именно здѣсь, какъ и въ случаяхъ предшествующей категоріи, требовалась замѣна старыхъ основъ настоящаго времени новообразованіями по аналогіи другихъ основъ съ суффиксомъ *-sta* именно потому, что носовой инфиксъ вслѣдствіе перенесенія и въ основы другихъ формъ не былъ уже характернымъ признакомъ начинательнаго состоянія. Вопросъ заключается въ томъ, имѣемъ ли мы дѣло съ глагольными основами, распространявшими носовой инфиксъ указаннымъ образомъ въ индоевропейскомъ праязыкѣ, или въ извѣстную эпоху существованія самаго литовскаго яз. Сопоставленія съ родственными языками (см у Бругмана, какъ будто говорятъ въ пользу того мнѣнія, что указанное явленіе не индоевропейскаго происхожденія. Объясненіе, даваемое Бругманомъ, который ссылается на вліяніе аналогіи со стороны такихъ образованій, какъ *blĩsta*, *tįstù*, я не могу принять по той причинѣ, что не вижу никакихъ основаній для дѣйствія такой аналогіи. Мнѣ кажется болѣе вѣроятнымъ, что это именно тѣ глаголы, гдѣ носовой инфиксъ былъ распространенъ на основы всѣхъ формъ спряженія не позднѣе литовсколатышской эпохи; въ результатѣ для выраженія начинательнаго состоянія потребовалось новообразованіе въ основѣ настоящаго времени. Что касается лат. *juku* (форма прош. вр.) при *jùku*, *-jukt* при *jùkt*, то здѣсь мы имѣемъ слѣды стараго *jùku* замѣненнаго новообразованіемъ *jùkstu* (*jùku* въ качествѣ основы настоящаго приводится Бругманомъ на стр. 1003, очевидно, по недоразумѣнію). Теперь мнѣ остается еще сказать о тѣхъ случаяхъ, гдѣ балтійскіе языки представляютъ старую основу съ инфиксомъ во всѣхъ формахъ спряженія, при чемъ основа настоящаго образована съ помощью суффикса *-ja°/e*. Такіе случаи (напр. лит. *jùngiu*, *jùngti*, ср. древнеинд. *yuñǧati*, лат. *jungo*;

лат. *mìzu* при *mẽzmu*) легко объясняются, если обратить вниманіе на то, что здѣсь основа была получена изъ индоевропейскаго праязыка съ носовымъ инфиксомъ во всѣхъ формахъ спряженія; съ другой стороны, эти основы настоящаго времени уже не имѣли значенія начинательнаго состоянія, а *jùngiu* глаголъ дѣйствія, которые вообще правильно представляютъ основу на старое *-ja°/e* при основѣ начинательнаго состоянія съ инфиксомъ или суффиксомъ *-sta*.

Въ заключеніе настоящаго отдѣла объ основахъ настоящаго времени съ носовымъ инфиксомъ я долженъ упомянуть еще объ одномъ явленіи, а именно старое чередованіе (полученное изъ индоевропейскаго праязыка) кореннихъ дифтонгическихъ сочетаній *en* и *in* въ основѣ настоящаго и прошедшаго времени вызвало появленіе *en* вмѣсто *in* въ основѣ настоящаго времени и у нѣкоторыхъ изъ тѣхъ глаголовъ гдѣ *in* старое (*i* изъ индоевроп. *i*); сюда относится лит. *mẽżù mìżaĩ*. Что касается лит. *pasigendù*, *pasigedaĩ* и нѣкоторыхъ другихъ случаевъ, то здѣсь мы находимъ старое *e*, а не *e*, замѣнившее *i* (см. эти случаи у Бругмана, Gr. II, p. 1.005, который видитъ здѣсь старое *i*). Латышскія *tiku* (форма прош.) при наст. *tèku*, *dzisu* при наст. *dzèstu* вызваны, какъ уже замѣтилъ проф. Ульяновъ (Значенія I, стр. 62—3, прим.), вліяніемъ тѣхъ случаевъ, гдѣ чередованіе *i* : *e* старое (т.-е. гдѣ *ẽ* изъ дифтонга). Латышское *sìku*, *sìkstu* при прош. *siku* объясняется вліяніемъ аналогіи со стороны *nìku*, *nìkstu*: *niku*, при чемъ, слѣдовательно, старое* *sëku*: *siku* въ свою очередь изъ **sëku* : **seku* подъ вліяніемъ выше указанной аналогіи.

Итакъ, мы разсмотрѣли различные типы основъ настоящаго времени съ суффиксомъ индоевроп. *a^e/°* и теперь слѣдуетъ перейти къ изученію основъ, которыя имѣютъ въ качествѣ суффикса не одно только индоевроп. *a^e/°*, но извѣстныя старыя сочетанія, оканчивавшіяся на упомянутую гласную. Прежде всего я остановлюсь на тѣхъ суффиксахъ, которые не заключали въ своемъ составѣ индоевроп. *i̯* или *j*.

Основы настоящаго времени съ суффиксомъ лит. *-sta-* ,*-szta-*, лат. *-sta-*, о которыхъ приходилось уже упоминать по поводу разсмотрѣнныхъ выше основъ съ слабымъ и частію сильнымъ звуковымъ видомъ корня и съ носовымъ инфиксомъ, извѣстны только изъ литовскаго и латышскаго языка; въ прусскомъ языкѣ такія основы

не засвидѣтельствованы нашими памятниками. По значенію эти основы составляютъ одинъ классъ съ указанными основами съ носовымъ инфиксомъ, являясь основами начинательнаго состоянія. По вопросу о происхожденіи ихъ существуютъ два мнѣнія: одно было высказано еще Шлейхеромъ (Handbuch, I, § 117, 1, nota); въ настоящее время его придерживаются Ульяновъ (Основы, стр. 72 сл.) и Бругманъ (Gr. II, p. 1043 sq.); другое мнѣніе принадлежитъ Бецценбергеру (BB. IX, p. 334 sq.); Видеманъ (Prät. p. 60 sq.) слѣдуетъ этому послѣднему объясненію. Сущность первой теоріи состоитъ въ томъ, что суффиксъ *-sta-* находится въ родствѣ по происхожденію съ суффиксомъ родственныхъ языковъ, полученнымъ изъ индоевроп. *-ta°/ᵉ-*; согласная *s* представляетъ собою окончаніе самого глагольнаго корня, который самъ по себѣ оканчивается на *s*, *t*, *d*; по аналогіи такое *s* было перенесено затѣмъ и на другія основы, гдѣ оно уже не имѣетъ, такимъ образомъ, историческаго основанія; въ результатѣ цѣльнымъ суффиксомъ является *-sta-*. Что же касается суффикса *-szta-*, то его происхожденіе, по моему мнѣнію вполнѣ аналогично происхожденію суффикса *-sta* ; *sz** (Шлейхеръ и Бругманъ видятъ *sz* всюду фонетическаго происхожденія; Ульяновъ объ этихъ случаяхъ не упоминаетъ) существовало первоначально лишь у тѣхъ глагольныхъ основъ, которыя имѣли въ окончаніи корня или *sz* или *ż*, а затѣмъ было распространено по аналогіи и на нѣкоторыя другія основы. Такимъ образомъ балтійскія суффиксы *-sta-* (лит. и лат.) и *-szta-* (лит.) являются примѣромъ явленія, хорошо извѣстнаго въ различныхъ индоевропейскихъ языкахъ, сущность котораго состоитъ въ томъ, что старый индоевропейскій суффиксъ осложняется новыми элементами, принадлежавшими первоначально окончанію лишь нѣкоторыхъ корней и распространенными затѣмъ по аналогіи на другія образованія съ тѣмъ же суффиксомъ. Бецценбергеръ и Видеманъ справедливо указали на то, что лит. *eitu* новообразованіе сравнительно поздняго происхожденія и не имѣетъ стараго суффикса *-ta*, какъ то думалъ Шлейхеръ. Далѣе Видеманъ, не рѣшая самъ вопроса о происхожденіи литовскаго суффикса *-sta*, указываетъ лишь на неосновательность мнѣнія, по которому лит. *ta* въ *-sta-* тождественно по происхожденію съ суффиксомъ *taᵉ/°* родственныхъ языковъ, такъ какъ этотъ послѣдній является несомнѣнно лишь у корней на «гортанныя». Это послѣднее утвержденіе Ви-

демана несправедливо, какъ легко въ томъ убѣдиться, просмотрѣвъ сопоставленія, сдѣланныя Бругманомъ въ § 679 sq. второго тома *Grundriss* (выпускъ II-го тома Gr., посвященный спряженію, вышелъ въ свѣтъ нѣсколько позже книги Видемана). Ни Бецценбергеръ, ни Видеманъ вообще не могли привести какихъ-либо доказательствъ, которыя могли бы дѣйствительно поколебать объясненіе Шлейхера, вполнѣ согласующагося съ извѣстными намъ фактами.

Выше было сказано, что въ литовскомъ языкѣ, при *-sta-* у однихъ основъ, является у извѣстныхъ основъ и *-szta*, при чемъ частію это *-szta-* фонетическаго происхожденія, а частію представляетъ *sz*, перенесенное по аналогіи изъ случаевъ перваго рода. Въ частности слѣдуетъ замѣтить, что сочетаніе *-kszta-* являлось въ литовскомъ яз. путемъ перестановки изъ стараго *-szkta*; напр. лит. *tyksztu*, *trôksztu* явились изъ болѣе древнихъ **tyszktu*, **troszktu*, ср. то же явленіе въ неопред. . *tùkszti*, *trôkszti*, ср. формы прош. *tiszkau*, *trôszkau*. Далѣе, *sz*—фонетическаго происхожденія у основъ, имѣющихъ въ окончаніи глагольнаго корня *sz* или *z*, напр. *âuszta*, *lûžtu* (въ произношеніи *lûsztu*). Въ *mîrsztu*, *mîrti sz* уже не фонетическаго происхожденія, а по аналогіи другихъ глаголовъ, гдѣ *sz* старое. Считать *sz* фонетическимъ изъ стараго *s* въ такомъ положеніи (послѣ *r*), какъ то дѣлаютъ Шлейхеръ и Бругманъ, я не могу, такъ какъ не вижу никакихъ основаній выводить лит. *sz* изъ *s* въ зависимости отъ извѣстнаго положенія; лит. *sz* и соотвѣтствующее ему славянское **х** вслѣдъ за Ф. Ѳ. Фортунатовымъ я возвожу къ особаго вида *s*, существовавшему еще въ праязыкѣ (другое слав. **х**, кот. соотвѣтствуетъ лит. *s*, получалось въсамомъ славянскомъ яз. изъ стараго *s* другого рода при извѣстномъ фонетическомъ положеніи (послѣ *i* и *u*). Такое же *sz* я вижу въ *nirsztù*; этотъ послѣдній глаголъ представляетъ ту особенность, что здѣсь *sz* проникло и въ прочія формы спряженія, замѣнивъ собою фонетическое *s* (частью *t*), ср. параллельное образованіе *nirstù*, *nirtaũ*, *nĩrsti* (корень оканчивается на *t*), ср. *nãrsas* изъ **nartsas*.

По поводу приведенныхъ мною выше *tyksztu*, *trôksztu* замѣчу еще, что подобно старому сочетанію *szkt* и сочетаніе *skt* подвергалось перестановкѣ; ср. напр. *blìgstu*, *blĩgsti* при *blĩzgau* (*g* передъ *s* этимологическое написаніе), гдѣ *k* изъ стараго *g* въ положеніи передъ *s*, такого же происхожденія группа *kst* въ *tvỹkstu*, гдѣ основа

прочихъ формъ спряженія на *e*, между тѣмъ какъ напр. въ *bukstù* неопр. *bùkti*, прош. *bukaĩ*) суффиксомъ является уже новое *-sta-*.

Итакъ, и въ самомъ литовскомъ и частію въ латышскомъ языкѣ мы находимъ ясные слѣды стараго *ta*, съ которымъ тождественны, какъ я уже упомянулъ, суффиксы родственныхъ языковъ, указывающіе на индоевроп. *ta/°*.

Если мы теперь обратимся къ разсмотрѣнію вопроса о томъ, въ какомъ звуковомъ видѣ является глагольный корень при такомъ образованіи основы настоящаго времени, то найдемъ, что наиболѣе распространеннымъ типомъ являются именно основы съ слабымъ звуковымъ видомъ корня; напр. лит. *linkstù*, лат. *lĩkstu* (ср. лит. *lenkiù*); лит. *rimstu*, лат. *rimstu*, (ср. лит. *remiù*); лат. *tùmst* (ср. лит. *têmsta*); лит. *gurstu*, *guraũ* (‹sich lege› vom Winde, Nesselmann), лат. *gurstu* -‹ermatte›; лат. *kùlkstu*; лит. *girstù*, лат. *dzìrstu* (ср. лит. *gerdenti* у Ширвида, *gaŕsas*); лит. *kĩlstu*, лат. *cilstu* (ср. лит. *kelù*); лит. *-misztù*, лат. *su-mistu* (ср. лит. *maĩsztas*); лит. *dustù* (ср. лит. *daũsos* мн. ч.); лит. *dỹgstu*, лат. *dìgstu*, (ср. лит. *dẽgia*); лит. *lûztu*, лат. *lùztu* (ср. лит. *lâuziu*). Сравнительно рѣдко мы находимъ при разсматриваемомъ образованіи основы настоящаго времени, глагольный корень въ сильномъ звуковомъ видѣ; сюда принадлежатъ напр слѣдующіе случаи : лит. *gęstù*; лит. *têmsta* (при лат. *tùmst*); лат. *brẽstu* и лит. *brêstu* (ср. лит. *brânda* (Nesselmann); лат. *reĩbstu*; лат. *mẽztu*; лит. *gaĩsztù*, лат. *gaĩztu*; лит. *aũszta*, лат. *aùzt*; лит. *mẽgstu*, лат. *sprègstu*, *sprągstu*, лит. *sprôgstu*. Что касается образованій, имѣющихъ *a* въ корнѣ, то, какъ мы видѣли раньше, литовсколатышское *a* можетъ быть гласною и сильнаго, и слабаго звукового вида корня въ зависимости отъ условій ея происхоженія, которыя не всегда могутъ быть выяснены съ надлежащею полнотою; напр. лит. *ãlkstu*, лат. *ãlkstu* имѣютъ *a* во всякомъ случаѣ не изъ старой гласной слабаго звукового вида; лит. *pampstù*, лат. *pàmpstu* точно также представляютъ не индоевропейскій слабый звуковой видъ корня. Примѣры, гдѣ бы гласная *a* была получена въ разсматриваемыхъ основахъ изъ гласной слабаго звукового вида, я не знаю.

Особый случай представляютъ и въ литовскомъ и латышскомъ яз. тѣ образованія, гдѣ основа настоящаго времени представляетъ, съ одной стороны, носовой инфиксъ, а, съ другой, суффиксъ *-sta-*. Объ этомъ явленіи я уже упоминалъ раньше, разсматривая основы съ

носовымъ инфиксомъ; тамъ же мною была указана и причина появленія такихъ «двойныхъ» образованій. Въ качествѣ примѣра можно привести лит. *grįstù* (ср. *grasùs*), *vįstù* (ср *veisiù*); лат. *bìstu* (корень *bhŭdh*), *rìstu* (при *ristu*), гдѣ мы находимъ корень съ индоевроп. *i* въ слабомъ звуковомъ видѣ.

Отъ случаевъ этого рода слѣдуетъ отличать тѣ случаи, гдѣ носовой инфиксъ является уже не только въ основѣ настоящаго времени, но гдѣ онъ перенесенъ и въ основы прочихъ формъ спряженія даннаго глагола. Примѣрами могутъ служить лит. *jûnkstu*, *jûnkti* при лат. *jŭkstu*, *tŭkt* (прош. *tùku* при діалектич. *juku*, указывающемъ на старую форму настоящаго *jùku*; при *jŭku* есть въ діалектахъ и *jŭzru*); лат. *tŭkstu* при *tùku*, соотвѣтствующемъ лит. *tunkù* (ср. *taũkas*), діалектич. *tūkstu*; при *tùku* Штендеръ указываетъ *tùsku*, *tūsku*, представляющія результатъ взаимнаго вліянія другъ на друга формъ *tùku* и *tùkstu*, *tūkstu*; объясненіе Биленштейна, будто здѣсь эвфоническое *s*, принять нельзя.

Разсматриваемыя образованія какъ перваго, такъ и второго типа (т. е. безъ инфикса въ основѣ прочихъ формъ спряженія и съ таковымъ инфиксомъ) очень распространены въ латышскомъ яз. въ силу причинъ, на которыя я уже указалъ выше, въ литовскомъ случаи этого рода сравнительно немногочисленны. Съ другой стороны, здѣсь образованія съ суффиксомъ *-sta* діалектически замѣняются образованіями съ носовымъ инфиксомъ, а именно уже при обзорѣ основъ настоящаго времени съ инфиксомъ я отмѣтилъ тотъ фактъ, что литовскіе основы этого типа отъ корней на дифтонгическое сочетаніе съ плавной или носовой, а также на гласныя *ī* и *ū*, чередовавшіяся, именно въ положеніи передъ гласной, съ *i̯i̯* (*ij*) и *u̯u̯* (*uv*), не имѣютъ соотвѣтствія въ латышскомъ яз. Въ пользу того, что они возникли въ самомъ литовскомъ языкѣ свидѣтельствуетъ еще и отсутствіе такихъ образованій въ діалектахъ (по крайней мѣрѣ отъ корней на дифтонгическія сочетанія съ плавной или носовой), гдѣ являются основы на *-na*. Въ старомъ языкѣ, именно въ восточнолитовскомъ говорѣ Ширвида, частью и въ современныхъ говорахъ отъ корней на старыя *ī* : *i̯i̯* (*ij*), *ū* : *u̯u̯* (*uv*) мы находимъ образованія основы настоящаго времени съ значеніемъ начинательнаго состоянія на суффиксъ *-sta*; *zustu*, *griustu*, *pustu* извѣстны изъ словаря Ширвида; въ людвиновскомъ говорѣ также отмѣчено *zūstu* (см. Ульяновъ,

Значенія I, стр. 64). Эти послѣднія образованія я считаю болѣе древними сравнительно съ обычными средне-литовскими образованіями съ носовымъ инфиксомъ.

Если мы обратимся къ родственнымъ языкамъ, то найдемъ, что суффиксъ индоевроп. $ta^{0}/^{e}$ является частію лишь въ основѣ настоящаго, частью же перенесенъ и въ основы прочихъ формъ спряженія; случаи перваго и второго рода извѣстны изъ греческаго и латинскаго языковъ; въ древнеиндійскомъ языкѣ суффиксъ *ta* обыкновенно является и въ основѣ другихъ формъ спряженія, въ германскихъ языкахъ суффиксъ индоевроп. $ta^{e}/^{0}$ является во всѣхъ формахъ спряженія. Въ славянскихъ языкахъ такое образованіе основы не только настоящаго времени, но и вообще всѣхъ формъ спряженія, извѣстно лишь въ ограниченномъ количествѣ случаевъ, причемъ ни одинъ изъ нихъ не имѣетъ прямого соотвѣтствія въ балтійскихъ языкахъ. Факты см. у Бругмана, Gr. II, §§ 679—687. Что касается звукового вида самого глагольнаго корня, то извѣстны какъ образованія съ слабымъ, такъ и съ сильнымъ его видомъ.

Итакъ, мы должны думать, что въ самомъ индоевропейскомъ праязыкѣ существовали оба эти типа такихъ основъ, при чемъ нельзя не согласиться съ предположеніемъ, высказывавшимся неоднократно въ лингвистической литературѣ, что суффиксъ $ta^{e}/^{0}$ по происхожденію тотъ же суффиксъ, который намъ извѣстенъ и въ именахъ; при этомъ нельзя упускать изъ виду и связи суффикса *t* при нетематическомъ спряженіи глагольной основы (самые случаи извѣстны изъ языковъ индійской и иранской вѣтви), съ одной стороны, съ тѣмъ суффиксомъ *t*, который извѣстенъ и въ именахъ (дринд. *čit-*,*-ya-t* и т. п.), а съ другой стороны, съ суффиксомъ $ta^{0}/^{e}$.

Какъ бы то ни было, балтійскіе языки получили, слѣдовательно, изъ праязыка суффиксъ индоевроп. $ta^{0}/^{e}$ въ окончаніи основъ настоящаго времени, при чемъ въ литовскомъ и латышскомъ яз. (въ прусскомъ яз. такія образованія не засвидѣтельствованы нашими памятниками) такое образованіе упомянутыхъ основъ имѣло свою исторію; къ тому, что сказано выше, слѣдуетъ прибавить еще одно замѣчаніе; именно, мы находимъ и въ литовскомъ, и въ латышскомъ яз., нѣкоторыя отыменныя глагольныя основы съ разсматриваемымъ суффиксомъ, возникшія, очевидно, подъ вліяніемъ прочихъ образованій этого рода; примѣромъ могутъ служить лит. *gelstù* ср. *gẽltas*; лат. *glùmstu*, ср. *glùms*.

Неоднократно уже приходилось упоминать о томъ, что разсматриваемыя основы настоящаго времени представляютъ значеніе начинательнаго состоянія, при чемъ, слѣдовательно, они составляютъ въ этомъ отношеніи одинъ классъ основъ съ основами, имѣющими въ основѣ настоящаго времени носовый инфиксъ. Какъ тѣ, такъ и другія основы представляютъ при этомъ нерѣдко чередованіе съ основами на старое *ja*$^{e}/^{o}$, обозначающимъ дѣйствіе; ср. напр. лит. *lûžtu*, лат. *lùztu* съ лит. *lâužiu*, лат. *làužu*, лит. *trunkù*, лат. *-trùku* съ лит. *trâukiu*, лат. *trauci*.

Правда, не всякая основа съ носовымъ инфиксомъ или съ суффиксомъ *-sta-* представляетъ въ современномъ языкѣ характерное значеніе начинательнаго состоянія; проф. Ульяновъ указалъ въ Знач. I, стр. 65 одну такую основу, не имѣвшую значенія начинательнаго состоянія еще въ общебалтійскомъ языкѣ (я сказалъ бы только въ литовсколатышскомъ языкѣ); это именно основа *bunda—*, которая въ литовскомъ яз. сохраняетъ старое значеніе только въ сложеніи съ приставками; въ латышскомъ же языкѣ значеніе начинательнаго состоянія является въ лат. *bùstu*, представляющемъ «двойное» образованіе основы настоящаго; равнымъ образомъ лит. *lį̃ju*, лат. *lìst* уже не имѣютъ первоначально принадлежавшаго имъ значенія. Что касается образованій типа *pažistai*, *paszinstom*, *paszistot*, приводимыхъ Бецценбергеромъ изъ старыхъ текстовъ въ Gesch. p. 193, относительно которыхъ Ульяновъ задается вопросомъ: «Не было ли въ литовскомъ измѣненія суффикса основы *-sta-* въ *-sto-* при утратѣ видового значенія?», то я долженъ замѣтить слѣдующее: по моему мнѣніе, новообразованія указаннаго типа можно понимать какъ случаи «замѣны» суффикса *-sta-* суффиксомъ *-sto-* лишь въ томъ смыслѣ, что приведенныя и имъ подобныя образованія 2-го л. вызваны дѣйствіемъ аналогіи со стороны основъ на *-o-*, именно спеціально кратныхъ по происхожденіи глаголовъ на *-staũ*; дѣйствительно, въ указанныхъ Бецценбергеромъ примѣрахъ нельзя найти значенія начинательнаго состоянія, и это обстоятельство было причиною того, что дѣйствіе указанной аналогіи могло имѣть мѣсто; формамъ 1-го и 2-го л. мн. ч. я не рѣшаюсь придавать значенія, такъ какъ Бецценбергеръ нерѣдко смѣшивалъ въ старыхъ текстахъ буквы *a* и *o*; ср. напр. формы прич. на *-domas*, приводимыя имъ изъ Бреткуна (стр. 223); въ дѣйствительности, однако, та-

кія образованія не засвидѣтельствованы; вездѣ стоитъ *-damas*. Вопросъ о происхожденіи въ литовскомъ и латышскомъ языкахъ значенія начинательнаго состоянія въ основахъ настоящаго времени съ суффиксомъ *-sta* и съ носовымъ инфиксомъ корня мною будетъ разобранъ въ спеціальномъ изслѣдованіи, пока же я отмѣчу тотъ фактъ, что такое значеніе, какъ замѣчаетъ и проф. Ульяновъ, развилось въ эпоху единства литовскаго и латышскаго языковъ (говоритъ объ эпохѣ общебалтійской въ данномъ случаѣ мы вообще не имѣемъ права, такъ какъ наши свѣдѣнія о прусскомъ языкѣ не позволяютъ намъ дѣлать такія обобщенія).

Теперь я перейду къ основамъ настоящаго времени съ суффиксомъ *-na-*, индоевроп. *-na*$^{o/e}$, связаннымъ извѣстнымъ образомъ съ только что разсмотрѣнными типами. Какъ бы мы ни смотрѣли на происхожденіе въ самомъ индоевропейскомъ праязыкѣ такихъ основъ (а вопросъ о происхожденіи и взаимныхъ отношеніяхъ всѣхъ тѣхъ образованій основы настоящаго времени, которые заключали носовую согласную или въ составѣ суффикса, или въ видѣ инфикса самого корня, принадлежитъ къ числу наиболѣе запутанныхъ и трудныхъ въ этой области), самый фактъ ихъ существованія не можетъ подлежать сомнѣнію, такъ какъ нельзя сводить всѣ относящіяся сюда явленія отдѣльныхъ языковъ на позднѣйшія новообразованія. Не всѣ, впрочемъ, лингвисты согласны съ такою точкою зрѣнія, несмотря на то, что намъ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе приходится убѣждаться въ безплодности проникнуть далѣе эпохи распаденія индоевропейскаго праязыка въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ, какъ и въ данномъ вопросѣ, факты пока не дозволяютъ подобныхъ изслѣдованій.

Въ литовскомъ языкѣ при образованіи основы настоящаго времени съ суффиксомъ *-na-* глагольный корень является частью въ слабомъ, частью въ сильномъ звуковомъ видѣ. Къ послѣднему разряду принадлежатъ лит. *aunù gâunu*, *guinù* жемайтскія *lênu*, *szâunu*, *piâunu*; съ слабымъ звуковымъ видомъ являются такія діалектическія образованія (уже упомянутыя выше), какъ жемайтскія *lŷn*, *pûn* и т. п. Въ латышскомъ яз. мы находимъ цѣлый рядъ относящихся сюда образованій, перечисленныхъ у Биленштейна во второмъ отдѣлѣ IV класса; напр. *àunu*, *szaunu*, *plaunu*—съ сильнымъ звуковымъ видомъ корня; *gūnu*, *schūnu* -съ слабымъ его видомъ. При этомъ въ латышскомъ яз. существуетъ извѣстное число глаголовъ, гдѣ при

образованіи основы настоящаго съ суффиксомъ *-na-* мы находимъ и носовой инфиксъ корня или носовую согласную въ корнѣ; ср. лат. *mĕznu*, *mizt*; *lĕnu* (при *lĕdu*), *list*; *mizt* имѣетъ несомнѣнно долготу не старую, но вызванную аналогіею со стороны *list*; *brĕnu* (при *brĕdu*), *brist*; *rûnu* (при *rûnu*), *rast*. Послѣднія три основы настоящаго съ суффиксомъ *-na* представляютъ несомнѣнныя новообразованія по аналогіи прочихъ основъ на *-na*, при чемъ сохраняютъ и болѣе старыя, приведенныя въ скобкахъ образованія Особенностью тѣхъ глаголовъ, которые вошли въ составъ втораго отдѣленія IV класса Биленштейна является существованіе параллельной основы на *-ja-*, ср. напр. *aûju*, *srauju*, *plauju*; *gûju*, (Ульмансъ даетъ *guju*, Биленштейнъ снабжаетъ его знакомъ?); *schuju* и т. п.

Въ прусскомъ яз. намъ засвидѣтельствованы слѣдующія относящіяся сюда образованія *gaunai*, *gaunei*, *gauni*; *gaunima*; *stanai*, *stānimai*.

Въ родственныхъ языкахъ мы находимъ слѣдующіе факты: большинство образованій, засвидѣтельствованныхъ здѣсь (см. сопоставленія у Бругмана), представляетъ корень въ слабомъ звуковомъ видѣ, и, надо думать, что первоначально суффиксъ *-na*^{o}/$_{e}$ въ индоевропейскомъ праязыкѣ являлся именно въ соединеніи съ корнемъ въ этомъ послѣднемъ видѣ, хотя уже въ самомъ праязыкѣ были нѣкоторые случаи, гдѣ извѣстны были такія образованія и съ сильнымъ звуковымъ видомъ корня. Съ другой стороны, однако, не всѣ относящіяся сюда образованія балтійскихъ языковъ могутъ быть относимы еще къ этой эпохѣ; многія изъ нихъ несомнѣнно возникли уже въ отдѣльныхъ языкахъ подъ вліяніемъ дѣйствія извѣстной аналогіи.

По значенію литовскія и латышскія образованія разсматриваемаго типа принадлежатъ вообще къ числу глаголовъ дѣйствія; что же касается діалектическихъ литовскихъ образованій, то они, равно какъ и латышскія образованія типа *lĕnu*, являются по значенію глаголами начинательнаго состоянія, хотя нѣкоторые изъ нихъ частью уже и утратили такое значеніе. Это различіе стоитъ въ связи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что основы на *-na-* съ значеніемъ начинательнаго состоянія являются лишь діалектическими остатками образованія, вытѣсненнаго уже разсмотрѣнными нами типами основъ съ

суффиксомъ *-sta-* и съ носовымъ инфиксомъ, между тѣмъ какъ въ свою очередь латышскія параллельныя образованія на *-ja-* являются замѣною тѣхъ сторонъ основъ на *-na-* которыя обозначали дѣйствіе. Какъ я полагаю, на основаніи фактовъ, представляемыхъ родственными языками *), можно думать, что въ самомъ индоевропейскомъ праязыкѣ основы на *-na°/e-* не представляли въ эпоху его распаденія особаго класса основъ по отношенію къ различію глаголовъ дѣйствія и состоянія, каково бы ни было ихъ первоначальное значеніе. Въ балтійскихъ языкахъ эти основы не удержались, поэтому, какъ классъ основъ, сознаваемый говорящими въ качествѣ таковаго и были замѣнены другими образованіями, сохранившись лишь частью въ остаткахъ, частью параллельно съ этими другими образованіями.

Теперь я долженъ обратиться къ разсмотрѣнію основъ, представляющихъ въ балтійскихъ языкахъ извѣстные индоевропейскіе суффиксы, не заключающіе въ своемъ составѣ *j*, отличіе которыхъ отъ разсмотрѣнныхъ типовъ въ балтійскихъ языкахъ заключается вообще въ томъ, что здѣсь мы уже не имѣемъ права, за немногими исключеніями, говорить объ извѣстномъ суффиксѣ иначе, чѣмъ съ исторической точки зрѣнія **).

---

*) Именно, я имѣю въ виду то обстоятельство, что, по указаніямъ главнымъ образомъ германскихъ и славянскихъ языковъ, и для индоевропейскаго праязыка надо предполагать основы съ суффиксомъ *-na°/e* съ значеніемъ состоянія (можетъ быть уже здѣсь существовало значеніе „начинательнаго состоянія“) и въ извѣстной ихъ части съ значеніемъ дѣйствія. При этомъ я не раздѣляю взгляда, высказаннаго проф. Фортунатовымъ въ Крит. Разб., стр. 135 и состоящаго въ томъ, что такія основы (втораго типа) въ балтійскіе и славянскіе перешли изъ литовскославянскаго языка въ какомъ-то чередованіи по значенію съ основами дѣйствія на *-ja-*. Мнѣ кажется, и балтійскіе, и славянскіе языки самостоятельно провели замѣну извѣстной части такихъ основъ основами на *-ja-*, при чемъ значеніе совершеннаго вида въ такихъ основахъ на *-na-* развилось въ самомъ общеславянскомъ языкѣ не изъ особаго значенія дѣйствія, а подобнымъ же образомъ, какъ и въ другихъ не сложныхъ основахъ.

**) Въ отступленіе отъ принятаго мною порядка изложенія я буду разсматривать въ этомъ отдѣлѣ вообще всякія балтійскія основы, указывающія на одинъ изъ относящихся сюда суффиксовъ. Это тѣмъ болѣе необходимо, что число такихъ основъ вообще очень ограничено, и потому дробить ихъ по отдѣламъ было бы очень неудобно.

Во-первыхъ, сюда относятся тѣ немногія образованія, которыя указываютъ на индоевропейскіе суффиксы *da⁰/ᵉ*, *dha⁰/ᵉ*, а какъ извѣстно, мы не можемъ въ балтійскихъ и славянскихъ языкахъ отличать въ ихъ исторіи индоевроп. *d* и *dh* тамъ, гдѣ нѣтъ прямыхъ указаній родственныхъ языковъ.

Только въ лит. *vêrdu*, *virti*, лат. *vẽrdu* (діал. *verdu*), *virt* мы имѣемъ право говорить о суффиксѣ основы настоящаго времени *-da-* и съ точки зрѣнія современнаго языка. Что касается лит. *-grimstù*, *grimzdaũ*, *grimsti*, то уже Видеманъ вполнѣ правильно замѣтилъ, что форма прош. *grimzdaũ* и лат. *grimu* указываютъ на болѣе древнее* *grimdu*, **grimzdu*, откуда по аналогіи образованія съ суффиксомъ — *sta* — *grimstù* изъ *grimzdstu* (Prät. p. 67). Такое образованіе, какъ лит. *judù*, гдѣ основа прочихъ формъ спряженія, правда на *ė*, надо думать, заключало въ себѣ нѣкогда суффиксъ именно *dha⁰/ᵉ*, ср. дринд. глагольный корень *yu*, дринд. основу *yōdha—*. Такъ какъ въ лит. *judù* для сознанія говорящихъ согласная *d* принадлежала уже корню, то понятно возникновеніе новообразованія *jundù*, *jùsti*. Такого же происхожденія лит. *d* въ лит. *vẽlđu* (основа прочихъ формъ спряженія на *ē*), стсл. **кладѫ** готскомъ *valda*. Старое *da⁰/ᵉ* является, можетъ быть, въ лит. *trẽndu* (основа другихъ формъ на *ė*) «быть изъѣденнымъ молью», ср. дринд. *tṛnátti*, *tardati* «просвѣрливаетъ» при *tarati* «проникаетъ», если только лит. *trẽndu* принадлежитъ дѣйствительно сюда (см. Brugmann Gr. II, p. 1048) въ лат. можетъ сюда принадлежать *trenu*, *trunu*— «гнить», гдѣ такой же, слѣдовательно, случай, какъ напр. въ *brẽnu*; въ лит. *trẽndu—n* по происхожденію инфиксъ. Далѣе, въ литовскомъ и латышскомъ языкахъ есть случаи, гдѣ суффиксъ—*da*—лишь мнимый, а именно лит. *gẽ̆du*, лат. *dzẽ̆du* новообразованія вмѣсто *gẽ̆dmi*, гдѣ корень является въ балтійскихъ языкахъ въ осложненномъ видѣ (лит.-лат. *gẽ̆d*, ср. дринд. *gāyati*, *gẽ̆s̥nas*). Равнымъ образомъ балтійскія основы *dẽda dõda* представляютъ собою новообразованія по тематическому спряженію болѣе старыхъ *dẽd dõd*. Далѣе долженъ быть отмѣченъ тотъ фактъ, что мы находимъ въ балтійскихъ языкахъ цѣлый рядъ случаевъ, гдѣ является согласная *d* въ соединеніи съ другими суффиксами. Исходнымъ пунктомъ такого распространенія *d* въ качествѣ элемента, входящаго въ составъ суффикса слѣдуетъ считать тѣ образованія, которыя имѣли *d*, унаслѣ-

дованнымъ изъ праязыка въ составѣ суффикса *da⁰/ᵉ*, а затѣмъ нельзя не допускать и того, что въ самомъ индоевропейскомъ проязыкѣ *d* являлось въ видѣ такъ называемаго wurzeldeterminativ'а; такимъ образомъ *d* могло частью быть и старымъ. Сопоставленія съ родственными языками даютъ слѣдующія указанія: суффиксы *da⁰/ᵉ* и *dha⁰/ᵉ* являлись въ огромномъ большинствѣ случаевъ у корней на гласныя, дифтонги и дифтонгическія сочетанія, при чемъ самъ корень являлся и въ сильномъ и въ слабомъ звуковомъ видѣ. По своему значенію эти образованія уже въ самомъ индоевропейскомъ праязыкѣ въ эпоху его распаденія не составили какого-либо особаго класса основъ; такими они остались и въ отдѣльныхъ индоевропейскихъ языкахъ.

Во-вторыхъ, въ балтійскихъ языкахъ мы находимъ нѣкоторые остатки образованій основъ настоящаго времени съ суффиксомъ *ska⁰/ᵉ* съ *k* средненебнымъ и съ *k* задненебнымъ; нѣкоторые факты греческаго и древнеиндійскаго языка позволяютъ думать, что *k* въ этомъ суффиксѣ было не только непридыхательнымъ, но также и придыхательнымъ (Brugmann Gr. II, p. 1030). Корень является въ соединеніи съ упомянутымъ суффиксомъ вообще въ слабомъ звуковомъ видѣ, хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ мы находимъ и неслабый его звуковой видъ. Сюда принадлежит. лит. *tviska* (основа прочихъ формъ на *ė*), ср. ав. *θwisra*—«блестящій». Кромѣ этого мы должны отмѣтить нѣсколько глаголовъ съ другимъ образованіемъ основы настоящаго времени, которые заключаютъ въ себѣ элементы, указывающіе на индоевропейскій суффиксъ *ska⁰/ᵉ* въ его звуковыхъ варіантахъ Сюда относится лит. *jė̂szkau*, *jė̂szkoti*, діалект. *ė̂szkau*, лат. *ēskāju*, *ēskāt*, ст. (слав. *искати*, дрвн. *eiscōn*) ср. дринд. *ičhati*). Какъ смотрѣть на литовское *szk*, лат. *sk* въ этомъ глаголѣ? Бругманъ во второмъ томѣ Grundriss, § 678 принимаетъ, что индоевроп. *sk* съ *k* средненебнымъ дало лит. *sz*, которому соотвѣтствовало бы латышское *s*, слав. *s*. Во второмъ изданіи 1-го тома Grundriss'a, именно во второй его половинѣ, вышедшей въ 1897 г. (та часть втораго тома, которая содержитъ § 677 вышла въ 1892 г.), Бругманъ измѣнилъ свой взглядъ и считаетъ указанный балтійскій глаголъ, равно какъ и слав. *искати*, заимствованіемъ изъ германскихъ языковъ (такимъ же заимствованіемъ считаетъ онъ литовскій суффиксъ—*iszka*—, славянскій суффиксъ—*sko*—); окончательно, впрочемъ, онъ не рѣша-

етъ вопроса, указывая на необходимость дальнѣйшихъ изслѣдованій (стр. 781). Измѣнить взглядъ на лит. *jèszkau* заставило Бругмана то обстоятельство, что, какъ показываетъ, лит. *szâuju*, слав. *sujǫ* изъ индоевроп. *sk* съ *k* средненебнымъ слѣдуетъ ждать лит. *sz*, слав. *s*. Между тѣмъ какъ лит. *jèszkau*, такъ и лит. суффиксъ—*iszka*— объясняются вполнѣ удовлетворительно, если видѣть въ нихъ индоевроп. *sk* съ *k* задненебнымъ; такимъ образомъ мы имѣли бы въ литовскомъ *szk*, славянскомъ *sk* въ разсматриваемыхъ образованіяхъ примѣръ для того индоевроп. *s*, которое въ славянскомъ давало не передъ согласной *ъ*, въ литовскомъ *sz* (другое индоевроп. *s* давало въ литовскомъ *s*, въ славянскомъ *ъ* только въ положеніи послѣ *i* и *u* самихъ по себѣ и въ окончаніи старыхъ дифтонговъ). Бругманъ иначе смотритъ вообще на исторію индоевроп. *s* въ литовскославянскомъ языкѣ, а приведенное мною объясненіе принадлежитъ проф. Фортунатову и извѣстно мнѣ изъ его университетскихъ чтеній; въ частности объ *jèszkau* и—*iszka*—онъ говорилъ въ курсѣ фонетики литовскаго языка. Литовское—*sk*—въ *driskaũ*, лат.—*sk*—въ *driskàju*, надо думать, изъ индоевропейскаго *sk* съ *k* средненебныхъ (ср. лат. *dirù*. греч. δέρω); именно лит. *szâuju*, слав. *sujǫ*, равно какъ и слав. *sẽnь*, ср. дринд. *chāya*—, лит. *szôku* (ср. ав. *saĉ ā'te*) не могутъ служить несомнѣнными примѣрами индоевроп. *sk* съ *k* средненебнымъ, ср. родств. нѣм. *schiessen*, дрвн. *sciozan*, такъ какъ намъ извѣстны случаи гдѣ въ началѣ словъ въ самомъ индоевропейскомъ языкѣ *s* въ положеніи передъ согласною не существовало въ части образованій, сохраняясь въ другихъ образованіяхъ отъ того же корня (ср. греч. -ἐγος и στέγος и родственныя слова другихъ языковъ); слѣдовательно, можно предполагать, что въ положеніи послѣ *s* индвевроп. *k* средненебное отличалось въ балтійскихъ и славянскихъ языкахъ въ своей исторіи отъ индоевроп. *k* средненебнаго въ другомъ фонетическомъ положеніи. Примѣры, приводимые Бругманомъ въ § 627 1-го тома Grundriss во второмъ изданіи, гдѣ онъ видитъ лит. *sz* изъ индоевроп. *ssk* съ *k* средненебнымъ неубѣдительны и всѣ допускаютъ иное толкованіе. Что касается въ частности лит. *triszù*, *triszêti*, которое онъ объясняетъ во II т. р. 1029 изъ *tr̥-s-ko-*, сопоставляя его съ ав. *ter^{e}sa-iti*, то здѣсь можно видѣть индоевроп. *ka^{o}/^{e}* съ *k* средненебнымъ, ср. *k* и *kh* въ греческомъ у. (Gr. II, p. 1030). Такое же *k* я вижу и въ лит. *maiszaũ*, *maiszýti*, лат. *màisit*, ст.

слав. **мѣснти**. Лит. *aũszta*, *aũszo* лат. *aust* имѣютъ *sz*, *s* изъ *s*; такого же происхожденія *sz* и въ лит. *gaĩszti* и *s* въ лат. *gaist*, ср. лат. *haereo*.

Наконецъ, лит. *tęsiù* представляетъ собою измѣненіе старой индоевроп. основы $ta^{e}nsa^{0}/_{e}$, ср. дринд. *taṣati* при греч. τείνω, при чемъ здѣсь суффиксъ $ja^{0}/_{e}$, надо думать, не старый, хотя и въ самомъ индоевроп. праязыкѣ были извѣстны случаи, гдѣ этотъ суффиксъ осложнялъ собою суффиксъ съ старымъ *s*. Такого же происхожденія лит. *tresiù*, которое Бругманъ сопоставляетъ съ дринд. *trásati*, если, впрочемъ, это составленіе вѣрно. (Gr. II, p. 1026).

Теперь я долженъ обратиться къ разсмотрѣнію тѣхъ основъ, которыя были получены балтійскими языками изъ индоевропейскаго праязыка съ суффиксомъ $ja^{0}/_{e}$, при чемъ я теперь же замѣчу, что этотъ суффиксъ необходимо отличать въ его исторіи отъ суффикса $i\hat{a}^{0}/_{e}$. Этотъ послѣдній суффиксъ существовалъ въ самомъ индоевропейскомъ праязыкѣ между прочимъ въ слабомъ звуковомъ видѣ, т. е. *i*, между тѣмъ какъ первый не могъ имѣть слабаго звукового вида вслѣдствіе того, что употреблялся лишь въ соединеніи съ корнемъ въ сильномъ звуковомъ видѣ, такъ какъ ударепіе лежало при этомъ именно на корнѣ. Что же касается индоевропейскаго *i*, какъ слабаго вида суффикса $i\hat{a}^{0}/_{e}$, то нужно имѣть въ виду то обстоятельство, что въ отдѣльныхъ индоевропейскихъ языкахъ въ отдѣльныхъ категоріяхъ глаголовъ мы находимъ или сильный, или слабый звуковой его видъ. Такое явленіе нельзя, однако, считать первоначальнымъ; именно, кажется, еще въ самомъ индоевропейскомъ праязыкѣ въ эпоху его распаденія, въ отдѣльныхъ его діалектахъ, существовалъ или сильный, или слабый звуковой видъ этого суффикса, проведенный послѣдовательно подъ вліяніемъ аналогіи. Въ формѣ 1-го л. ед. ч. наст. вр., оканчивавшейся въ индоевропейскомъ праязыкѣ въ глаголахъ съ основанія $a^{0}/_{e}$ на $\bar{a}^{0}n$, глаголы съ основами на $i\hat{a}^{0}/_{e}$: *i* имѣли, понятно, лишь сочетаніе—$i\hat{\bar{a}}^{0}n$. Объ этомъ суффиксѣ я буду говорить впослѣдствіи, а пока остановлюсь на суффиксѣ $ja^{0}/_{e}$. Что касается исторіи индоевропейскаго *j* въ общебалтійскомъ и общславянскомъ языкахъ, то я вполнѣ раздѣлю ученіе проф. Фортунатова, въ полномъ видѣ до сихъ поръ имъ не обнародованное. Именно, я принимаю, что индоевроп. *j* въ положеніи между гласными сохранялся въ литовскославянскомъ языкѣ, откуда онъ и перешелъ въ

общебалтійскій и общеславянскій языки и далѣе въ отдѣльные балтійскіе и славянскіе языки. Относительно литовскаго *j* надо имѣть въ виду, что часть діалектовъ имѣетъ здѣсь, какъ и въ началѣ словъ, не *j*, а *i̯*, непосредственно изъ *j*. Въ положеніи послѣ согласныхъ *j* не сохранился въ результатѣ ни въ общебалтійскомъ, ни въ общеславянскомъ языкѣ, а именно еще въ литовско славянскомъ языкѣ индоевропейскія *j*, *i̯* въ положеніи передъ гласной и *i̯* совпали въ одномъ звукѣ *i̯*, откуда общебалтійское и литовско славянское *i̯*; въ общебалтійскомъ языкѣ далѣе *i̯* исчезло въ положеніи передъ гласной небнаго ряда, а предъ гласной не небнаго ряда сохранялось, при чемъ предшествующая согласная болѣе или менѣе смягчалась; отсюда въ результатѣ въ литовско латышскую эпоху получились согласныя смягченныя и аффрикаты изъ *ti̯* и *di̯*, откуда литовскія смягченныя согласныя и аффрикаты *cz*, *dz*, латышскія смягченныя согласныя съ дальнѣйшимъ измѣненіемъ *k'* въ *c*, *g'* въ *dz*, *s'* въ *sz*, *z'* въ *ż*, а *sz* и *ż* изъ старыхъ аффрикатъ. Въ прусскомъ языкѣ согласныя смягченныя въ положеніи передъ *i̯* не измѣняли мѣста образованія, при чемъ можетъ быть сохранилось и *i̯* (или *j*).

Основы настоящаго времени съ старымъ суффиксомъ *ja*, имѣющія въ основѣ неопредѣленнаго непроизводную основу, представлены въ балтійскихъ языкахъ въ цѣломъ рядѣ случаевъ. Примѣрами могутъ служить слѣдующія основы отъ корней разныхъ типовъ, которыя я привожу по группамъ: 1) корни на согласныя шумныя: лат. *dedzu* (ср. лит. *dẽginu* при *degù*—‹горю›), лат. *dzeszu* при *dzèszu* (ср. лит. *gesaũ*, *gesinù* при *gestù*, лат. *dzëstu*); лат. *kaszu* при діалект. *kasu* (ср. лит. *kasù*); лит. *lenkiù*, лат. *lȅcu;* лит. *verżiù*, лат. *verżu*; лит. *karsziù*, лат. *kar̀szu*; лит. *veikiù*, лат. *veicu*; лит. *teikiù*, лат. *teicu*; лит. *lèżiù*; лат. *vëszu*; лит. *baigiù*; лит. *braukiù*, лат. *braùcu*; лит. *trâukiu*, лат. *traucu*; лит. *rėkiù*, лат. *rēcu*; лит. *jėgiù*, лат. *jēdzu*; лит. *slêgiu*, лат. *slèdzu*; лит. *krokiù*, лат. *kràcu*, лит. *kôsziu*, лат. *kāszu*; 2) корни на дифтонгическія сочетанія съ плавной и носовой: лит. *beriù*, лат. *beriu*; лит. *geriù*, лат. *dzeriu*; лит. *kelù*, лат. *celu*; лит. *skelù*. лат. *szkelu*; лит. *tremiù*, лат. *tremiu*; лит. *bariù*, лат. *bariu*; лит. *tariù*; лат. *malu*; 3) корни на долгую гласную: лит. *sêju*, лат. *sēju*; лит. *jôju*, лат. *jàju*. 4) корни на дифтонги: лит. *lêju*, лат. *leìju*; лит. *spiâuju*, лат. *splauju* (при *splaunu*). Въ приведенныхъ мною примѣрахъ основъ на *ja* глагольный корень

является въ сильномъ звуковомъ видѣ, есть, однако, и въ литовскомъ и латышскомъ яз. значительное число такихъ основъ, гдѣ корень является въ слабомъ звуковомъ видѣ. Сюда принадлежатъ напр. слѣдующіе случаи: 1) корни на шумную согласную: лит. *szvilpiù*, лит. *birbiù*, лат. *virżûs*; лит. *surbiù*, лат. *surbiu*; лит. *srudziù*, лат. *sruźu*; лит. *gnŷbiu*; лит. *grûdziu*, лат. *grùźu*; лит. *vagiù*; 2) корни на дифтонгическія сочетанія съ плавной и носовой. лит, *giriù*, лат. *dziriûs*, лит. *skilù*, лат. *szkilù*, лит. *burìù*, лат. *buriu*; лит. *kulu*; 3) корни на дифтонги (въ сильномъ звуховомъ видѣ): въ литовскомъ и латышскомъ относящихся сюда образованій нѣтъ. Изъ прусскаго языка можно привести *geide* сильный видъ корня) и *trinie* (слабый видъ корня).

Тотъ фактъ. что въ балтійскихъ языкахъ въ части основъ образованныхъ съ суффиксомъ *ja* является слабый звуковой видъ корня, заслуживаетъ ближайшаго разсмотрѣнія. Сопоставленія съ родственными языками указываютъ съ достаточною очевидностью, что въ самомъ индоевропейскомъ праязыкѣ въ эпоху его распаденія не существовали основы этого послѣдняго типа (см. Gr. II, § 705 sq. *)). По самому своему происхожденію основы настоящаго времени съ суффиксомъ $ja^{o}/^{e}$ должны были заключать корень въ сильномъ звуковомъ видѣ, и этимъ они отличались отъ основъ съ суффиксомъ $\hat{\imath}a^{o}/^{e}$, гдѣ корень представлялъ слабый звуковой видъ; именно я держусь взгляда Ф. Ѳ. Фортунатова, который приводитъ въ связь по происхожденію различіе въ мѣстѣ ударенія (въ однихъ основахъ на корнѣ, въ другихъ—на суффиксѣ) съ различіемъ суффиксовъ $ja^{o}/^{e}$ и $\hat{\imath}a^{o}/^{e}$, а различіе мѣста ударенія обусловливало, съ другой стороны, различіе въ звуковомъ видѣ; основы съ суффиксомъ $ja^{o}/^{e}$ имѣли его на корнѣ и представляли вслѣдствіе этого сильный звуковой видъ, тогда какъ основы съ суффиксомъ $\hat{\imath}a^{o}/^{e}$ имѣли его на гласной суффикса, вслѣдствіе чего глагольный корень долженъ былъ имѣть слабый звуковой видъ (см. Кр. Разб., стр. 19). Само собою разумѣется, что въ эпоху распаденія индоевропейскаго праязыка, когда процессы сокращенія гласныхъ, дифтонговъ и дифтонгическихъ сочетаній въ зависимости отъ положенія ударенія уже

*) Относительно сдѣланной мною ссылки на Бругмана нужно имѣть въ что онъ, какъ и многіе другіе лингвисты, смѣшиваетъ индоевроп. $ja^{o}/^{e}$

закончились, упомянутыя различія между основами съ суффиксомъ *ja* и основами съ суффиксомъ *i̯a* продолжало существовать и распространялось, далѣе по аналогіи на вновь возникавшія основы. Въ балтійскихъ языкахъ это первоначальное соотношеніе (сильный звуковой видъ корня+*ja*, слабый звуковой видъ корня+*i̯a*) сохранилось въ цѣломъ рядѣ случаевъ, представляющихъ и извѣстное соотношеніе по значенію. Относящіеся сюда вопросы я разсмотрю, когда буду говорить объ основахъ съ суффиксомъ *i̯a*, а теперь я остановлюсь пока на вопросѣ о происхожденіи балтійскихъ основъ съ суффиксомъ *ja* и съ слабымъ звуковымъ видомъ корня. Сопоставленіе фактовъ балтійскихъ языковъ съ соотвѣтственными фактами славянскихъ языковъ (ср. Ульяновъ, Основы, II глава A) приводитъ насъ къ заключенію, что еще въ литовскославянскую эпоху не должны были существовать основы съ суффиксомъ *ja* и съ слабымъ звуковымъ видомъ глагольнаго корня. Соображенія проф. Ульянова (стр. 117) для меня не представляются убѣдительными. Въ самомъ дѣлѣ говорить о замѣнѣ старыхъ основъ съ слабымъ звуковымъ видомъ корня и съ суффиксомъ *ja* основами съ слабымъ же видомъ корня, но уже съ суффиксомъ *ja* въ литовскославянскомъ языкѣ мы не имѣемъ права въ силу того обстоятельства, что, какъ показалъ проф. Фортунатовъ (Кр. Разб., стр. 20) и какъ мы увидимъ далѣе, основы на *i̯a* находились въ правильномъ соотношеніи по значенію съ основами на *ja*, слѣдовательно, здѣсь не могъ имѣть мѣста процессъ, предполагаемый проф. Ульяновымъ. Я принимаю, что разсматриваемыя основы съ суфф. *ja* возникли въ отдѣльномъ существованіи балтійскихъ и славянскихъ языковъ, замѣнивъ собою извѣстныя другія образованія. Что касается балтійскихъ языковъ, то нѣкоторыя указанія можно извлечь изъ извѣстныхъ намъ случаевъ чередованія основъ съ суффиксомъ *ja* съ основами имѣющими суффиксъ *na*. При лит. *lė̂ju* мы находимъ діалектическое (мемельское) *lė̃nu* (ср. *lìja*: *lyn* (*a*) (съ значеніемъ состоянія, вызваннаго дѣйствіемъ, обозначеннымъ основою на *ja*), лат. *slei̯ju* при *slė̀nu*, ср. лит. *szlė̀ju* при *szlyn*(*a*) съ значеніемъ состоянія; относящіеся сюда случаи изъ латышскаго языка указаны Биленштейномъ въ § 260 1-го тома Lett. Spr., при чемъ изъ числа приведенныхъ имъ образованій обращаютъ на себя особое вниманіе *gūnu* при *gūju* (м. б. *gŭju*), *szūnu*

при *szìjù*. Какъ смотрѣть на эти факты? Мнѣ кажется вѣроятнымъ, что основы на *ja* находятся въ связи по происхожденію съ старыми основами на *na* съ значеніемъ дѣйствія. Какъ скоро основы на *na* (см. выше), обозначавшія состоянія, были замѣнены основами съ носовымъ инфиксомъ и основами съ суффиксомъ (*s*)*ta*, то при нихъ, по аналогіи прочихъ случаевъ, появились основы на *ja*, обозначавшія дѣйствія, результатомъ котораго являются состоянія, обозначавшіеся соотносительными съ ними выше упомянутыми образованіями; таково происхожденіе нѣкоторой части основъ съ суффиксомъ *ja* и съ сильнымъ звуковымъ видомъ корня. Основы же съ слабымъ звуковымъ видомъ корня и съ суффиксомъ *ja* замѣнили частью основы на *na*, обозначавшія дѣйствія, частью были по происхожденію основами отыменными, лишь подвергшимися измѣненію въ извѣстномъ отношеніи по аналогіи непроизводныхъ основъ съ *ja* (сюда относится напр. лит. *szvilpiù*).

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній о происхожденіи балтійскихъ основъ съ суффиксомъ *ja* и съ слабымъ звуковымъ видомъ корня я перейду къ нѣкоторымъ подробностямъ, касающихся основъ на *ja*, какъ старыхъ (съ сильнымъ звуковымъ видомъ корня), такъ и болѣе новыхъ (съ слабымъ звуковымъ видомъ глагольнаго корня).

Прежде всего я долженъ остановиться на вопросѣ о происхожденіи гласной *e* въ корнѣ у тѣхъ основъ на *ja*, которыя имѣютъ въ основѣ другихъ формъ спряженіе $\bar{e}$; сюда относятся напр. такіе случаи, какъ лит. *lekiù*, *lėkiaũ*, *lẽkti*, лат. *lecu*, *lėcu*, *lėkt*; лит. *kvepiù* при *kvėpiù* (*Kurschat*) *kvėpiaũ*, *kvẽpti* при лат. *kvẽpstu*, *kvẽpu*, *kvẽpt*, и т. д Я смотрю на такіе случаи въ принципѣ такъ же, какъ и Видеманъ (Prät., p. 126 sq.), т. е. вижу здѣсь старое чередованіе, но расхожусь съ нимъ въ дальнѣйшихъ подробностяхъ. И въ самихъ балтійскихъ языкахъ, и въ языкахъ родственныхъ сохранились указанія на то, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ старымъ $\bar{e}$ изъ индоевроп. $\bar{a}^e$ (ср. съ одной стороны, лит. *lakìnti*, лат. *lakstît*, *kvẽpa*, лат. *kvẽpes*, съ другой стороны, греч. λαχτίζω, лат. *lōcusta*, греч. καπνός, лат. *vapor*). Возникаетъ далѣе вопросъ, какъ смотрѣть на чередованіе *e* : *e* въ упомянутыхъ балтійскихъ глаголахъ, если пока оставить въ сторонѣ лит. *lekiù*, а именно мы знаемъ, что a^e чередовалось въ индоевроп. праязыкѣ съ $\bar{a}^e$ вообще какъ съ такъ называемою *Dehnstufe*; старое же $\bar{a}^e$ чередовалось съ гласною *ə*, какъ

съ слабымъ звуковымъ видомъ, а также съ гласною $\bar{a}^0$, гласною во всякомъ случаѣ не слабаго звукового вида. Сопоставленія съ родственными языками и нѣкоторые факты самихъ балтійскихъ языковъ (ср. приведенныя выше сопоставленія) позволютъ сдѣлать тотъ выводъ, что во всѣхъ случаяхъ, этимологія которыхъ вообще извѣстна (см. напр. у Видемана, въ указанномъ мѣстѣ), мы имѣемъ дѣло съ старою гласною $\bar{a}^e$, чередовавшеюся съ $\bar{a}^0$ и съ гласною ∂, являвшеюся въ слабомъ звуковомъ видѣ корня. Въ такомъ случаѣ балтійское *e* въ основѣ настоящаго время не можетъ быть старымъ. Итакъ, основы настоящаго времени разсматриваемаго типа во всякомъ случаѣ представляютъ новообразованіе по отношенію къ гласной корня. Если бы изъ индоевропейскаго праязыка здѣсь были получены старыя основы съ суффиксомъ *ja* и съ сильнымъ звуковымъ видомъ корня, то мы ждали бы въ корнѣ гласную $\bar{e}$. Измѣнить такое соотношеніе, какъ *e* въ основѣ настоящаго времени при *e* въ основѣ прошедшаго времени (и прочихъ формъ) не было никакого основанія, такъ какъ такое соотношеніе было вообще извѣстно, ср. лит. *plêkiu*, *plêkiau*, *êdžu*, *êdzau*, *êsti*. По моему мнѣнію, литовскіе и латышскіе глаголы разсматриваемаго типа имѣютъ *e* въ основѣ настоящаго времени вмѣсто ожидаемаго *a*, т. е. я думаю, что здѣсь мы находимъ основы съ слабымъ звуковымъ видомъ корня,, а такое чередованіе гласныхъ корня по формамъ спряженія, какъ $a : \bar{e}$, понятно, легко могло измѣниться въ $e . \bar{e}$, такъ какъ первое соотношеніе не имѣло аналогіи, а второе было вызвано вліяніемъ аналогіи со стороны тѣхъ случаевъ, гдѣ гласная *e* въ корнѣ проходила по всѣмъ формамъ спряженія, при чемъ, съ своей стороны, чередованіе $e : \bar{a}$ было распространено и на нѣкоторые другіе глаголы съ гласной *e* въ корнѣ, о чемъ я скажу подробнѣе нѣсколько ниже. Теперь остается выяснить происхожденіе принимаемыхъ мною слабыхъ основъ, гдѣ, какъ мы видѣли гласная *a* была вытѣснена нефонетическимъ путемъ гласною *e*. Что такія основы не могутъ считаться старыми, указано выше, и, слѣдовательно, возникаетъ вопросъ только о томъ, какія именно образованія были замѣнены этими послѣдними. Мнѣ кажется отвѣтъ на этотъ вопросъ будетъ найденъ если мы обратимъ вниманіе на то обстоятельство, что по значенію эти основы вообще представляютъ извѣстное намъ уже соотношеніе съ глаголами начинательнаго состоянія (при *kverìù—kvìmpù*, *kvìpti*, ср. лат. *apkvèpstu*, *apkùpstu* и т. п.).

Правда, въ такихъ случаяхъ, какъ лит. *kvimpù*, *krintù*, лат. *krîtus* и т. п. *), сама гласная не можетъ быть ни въ какомъ случаѣ старой, и появленіе ея надо объяснять вліяніемъ аналогіи однородныхъ образованій, гдѣ было *i* изъ индоевроп. *ă* въ правильномъ соотношеніи съ *e*, какъ гласнаго сильнаго звукового вида корня, но тѣмъ не менѣе сами указанныя образованія входятъ въ общую массу образованній основъ настоящаго времени съ значеніемъ начинательнаго состоянія. Легко понять поэтому появленіе при такихъ основахъ отъ указанныхъ корней основъ съ суффиксомъ *ja* по аналогіи прочихъ случаевъ въ замѣну старыхъ основъ съ слабымъ звуковымъ видомъ корня и съ суффиксомъ *a*. Что касается лит. *kverìù*, приводимаго Куршатомъ, то я считаю здѣсь *e* болѣе старымъ сравнительно съ *e* въ *kverìù* и вижу здѣсь старую основу съ суффиксомъ *ja*; *kverìù* объясняется вліяніемъ аналогіи со стороны другихъ глаголовъ, чередовавшихъ *e* и *e* (это нисколько не противорѣчитъ замѣчанію, сдѣланному нѣсколько выше, что для измѣненія стараго соотношенія *ė* : *e* не было основанія, такъ какъ *kverìù* сравнительно новое явленіе, возникшее тогда, когда спряженіе глаголовъ въ литовскомъ языкѣ уже получило тотъ видъ, какое оно вообще имѣетъ и теперь). Относительно *lekìù* я долженъ замѣтить, что это глаголъ не дѣйствія, а состоянія, и что его надо отдѣлять по происхожденію отъ разсмотрѣнныхъ образованій. Итакъ, исторія основъ типа лит. *dvesìù* представляется мнѣ въ слѣдующемъ видѣ: сначала старое* *dvasìù* было замѣнено новообразованіемъ* *dvasìù*, а затѣмъ это послѣднее измѣнилось въ *dvesìù*. Чтобы разъяснить еще одно затрудненіе, я долженъ замѣтить, что изъ относящихся сюда глаголовъ лит. *stegìù*, представляетъ старый корень *stāᵉg*—, существовавшій при *staᵉg*, *taᵉg* еще въ индоевропейскомъ праязыкѣ каково бы ни было здѣсь его происхожденіе; то же можно думать о корнѣ, являющемся въ лит. *splesziu*, *plesziù* (ср. замѣчаніе Видемана, prät., p. 129, 130). Съ изложенной мною теоріей происхожденія *e* и *a* основъ типа *dvesiu* ср. взглядъ Видемана, prät. p. 130 sg.

Во-вторыхъ, я долженъ остановиться на вопросѣ о происхожденіи основъ типа лит. *lẽja-*, лат. *leĭja*. Признать такія основы старыми образованіями на *a*, какъ то дѣлаетъ Видеманъ (Prät. p.

*) Лат. *krēpsti* имѣетъ не старое *ē*.

81) я не могу, такъ какъ славянскія образованія типа стсл. **лѣж** указываютъ на то, что здѣсь старымъ слѣдуетъ признать суффиксъ *ja*. Представляется, слѣдовательно, вопросъ о происхожденіи лат. *leïja-* и аналогичныхъ ему образованій. Изъ стараго *leija-* мы ждали бы и въ латышскомъ, какъ и въ литовскомъ языкѣ, *leja-*, такъ какъ дифтонгъ *ei* подвергался измѣненію въ сложную гласную *ė* еще въ литовско-латышскую эпоху. При этомъ надо обратить вниманіе, что въ формѣ прошедшаго только два глагола *deïju* и *dzeïju* имѣютъ *deïjau* и *dzeïjau*, тогда какъ въ прочихъ случаяхъ являются формы прошедшаго типа *lėjau*. Нетрудно убѣдиться въ томъ, что литовское прошедшее типа *lėjau*, представляетъ собою новообразованіе по отношенію къ *j* подъ вліяніемъ извѣстнаго рода аналогіи на которой я остановлюсь подробнѣе, когда буду говорить объ основахъ прошедшаго времени. Въ латышскомъ языкѣ такія образованія, какъ *lėju* представляютъ собою замѣну старыхъ **leju* подъ вліяніемъ аналогіи глаголовъ, имѣющихъ въ прошедшемъ времени гласную *ē* въ корнѣ, а **leju*, которому соотвѣтствовало бы лит. **lejau*, представляетъ болѣе старую форму прошедшаго времени, вытѣсненную новообразованіями, при чемъ въ литовскомъ яз. гласная корня изъ формы настоящаго времени перенесена въ форму прошедшаго, между тѣмъ какъ въ латышскомъ языкѣ старая основа настоящаго *lėja-* была замѣнена основою *leija* подъ вліяніемъ основы прошедшаго **leja*; въ *deïju* и *dzeïju* мы находимъ позднѣйшее перенесеніе *ei* изъ формы настоящаго времени.

Въ третьихъ, наконецъ, я долженъ разсмотрѣть вопросъ о томъ, насколько можно считать старою въ балтійскихъ языкахъ всю массу образованій основы настоящаго времени съ суффиксомъ *ja*; при этомъ основы съ суффиксомъ *ja* и съ слабымъ звуковымъ видомъ корня само собою останутся внѣ нашего изслѣдованія, потому что выше мною уже былъ выясненъ процессъ ихъ происхожденія, какъ я его себѣ представляю. Сопоставленія съ родственными языками даютъ ясныя указанія на то, что извѣстная часть относящихся сюда образованій была получена изъ индоевропейскаго праязыка (нѣкоторые факты см. у Бругмана, Gr. II, § 705 сл.). Что же касается остальной части основъ настоящаго времени съ суффиксомъ *ja*, для которыхъ въ родственныхъ языкахъ не могутъ быть указаны соотвѣтственныя образованія, то несомнѣнно не всѣ они одинаково древ-

няго происхожденія, именно извѣстенъ тотъ фактъ, что въ различныхъ отдѣльныхъ индоевропейскихъ языкахъ образованія съ суффиксомъ индоевроп. *ja*$^{o}/_{e}$ замѣняютъ нерѣдко другія типы основъ настоящаго времени, при чемъ нерѣдко происходитъ такъ сказать контаминація двухъ суффиксовъ. Подобные случаи извѣстны намъ и изъ балтійскихъ языковъ. Не перечисляя всѣхъ такихъ образованій, я укажу лишь типическіе случаи, такъ какъ для меня важно пока отмѣтить лишь общія направленія, обусловившія появленіе существующей нынѣ въ балтійскихъ языкахъ группы основъ на *-ja* не индоевропейскаго происхожденія. Одна категорія относящихся сюда случаевъ была разобрана мною нѣсколько выше, когда я говорилъ объ основахъ съ суффиксомъ *-na*; именно, мною были указаны литовскія и латышскія основы на *-ja*, обозначающія дѣйствія, которыя замѣнили, по моему мнѣнію, старыя основы съ суффиксомъ *-na*, сохраняющіяся діалектически; ср. напр. лит. *lẽnu*, при *lẽju*, лат. *aũju* при *aũnu*, *szaũju* при *szaũnu* и т. п.

Далѣе, несомнѣнными новообразованіями являются основы съ носовымъ инфиксомъ и съ суффиксомъ *ja*; сюда принадлежатъ напр. лит. *jùngiu*, *jùngti*, лат. *jùdzu*, *jùgt*; существительное того же корня лит. *jùngas*, лат. *jùgs* представляетъ тотъ же носовой инфиксъ, между тѣмъ какъ стсл. **иго**, лат. *jugum*, греч. ζυγόν дринд. *jugam* такого инфикса не имѣютъ; лат. *jungo* представляетъ инфиксъ въ основѣ всѣхъ формъ спряженія; далѣе можно указать лит. *skùndžiu skùsti* «жаловаться» при *skundù*, *skùsti*, обозначающемъ начинательное состояніе, лит. *mìszu mìszt*, при лит. *męzù*, имѣющемъ основу на *a*. Относительно лит. *skùndžiu*, *jùngiu*, лат. *jùdzu* и подобныхъ имъ случаевъ надо замѣтить, что новообразованіе по отношенію къ суффиксу основы настоящаго времени находится здѣсь въ тѣсной зависимости отъ самаго значенія: это—глаголы дѣйствія; такъ какъ глаголы дѣйствія въ балтійскихъ языкахъ вообще не представляютъ основы настоящаго времени съ носовымъ инфиксомъ, то понятнымъ является для насъ и перенесеніе этого послѣдняго въ основы прочихъ формъ спряженія, при чемъ, какъ много было уже упомянуто выше на стр. 97, въ части такихъ случаевъ такое распространеніе носового инфикса, можетъ быть, было получено изъ индоевропейскаго праязыка; сюда могло бы принадлежать лат. *jùngiu*, лат. *jùdzu*.

Прочіе случаи, гдѣ основа настоящаго времени представляетъ по происхожденію носовой инфиксъ и суффиксъ *ja*, указаны у Видемана (Prät., p. 83—84).

Въ третьихъ, я отмѣчу случаи, гдѣ въ балтійскихъ языкахъ является суффиксъ настоящаго времени *-ja*, хотя старое образованіе основы было на *-a*; сюда относятся напр., лит. *lêidžu*, *lêidau*, *lêisti*, лат. *laižu*, *laidu*, *laist*, съ которымъ ср. восточнолитовское *lâidžu*, являющееся между прочимъ однимъ изъ характерныхъ признаковъ говоровъ восточнолитовскаго нарѣчія (см. Изв. От. р. яз. и слов. Императорской Академіи Наукъ, т. I, стр. 475), гдѣ основа на *ja* замѣнила старую основу на *a* опять таки подъ вліяніемъ обычнаго соотношенія по значенію основъ на *ja* и основъ на *i*; ср. лит. *lydžù*, *lydêti*—«провожать», а это послѣднее значеніе развилось изъ основного быть въ движеніи «и далѣе сопутствовать кому» (см. Ульяновъ, значенія I, стр. 5); о томъ, что въ литовскомъ *lêidžu* и литовсколатышскомъ *lâidu-laižu* старая основа была именно на *a* свидѣтельствуетъ форма прошедшаго времени лит. *lêidau*; лат. *laidu* само по себѣ ничего не доказывало бы.

Основы настоящаго времени на *ja* иногда замѣняютъ основы нестематическаго спряженія: ср. напр. лит. *âudžu* при *âudmi*, лат. *aužu*; лит. *jûsiu* при *jûsmi*, лат. *jûszu* (см. Ульяновъ, Основы стр. III).

Далѣе основы на *ja* являются въ литовскомъ языкѣ, именно въ его восточнолитовскомъ нарѣчіи въ соотвѣтствіи съ другими образованіями основы настоящаго времени въ прочихъ нарѣчіяхъ; ср. напр. *mokiu* у Даукша, Ширвида и въ современныхъ говорахъ; *giesiu* у Ширвида и въ современныхъ говорахъ и т. п. (изъ Ширвида и Даукша факты приведены Гарбе въ введеніи къ переизданію проповедей (LLD., IV, p. XLIII), Ульяновъ, Значенія I, стр. 57, изъ Даукша въ моей статьѣ «Нѣсколько данныхъ для характеристики языка сочиненій литовскаго писателя Даукша» въ сборникѣ χαριστήρια, стр. 538). Отъ корней на гласную (частію и на согласную) основа съ суффиксомъ *ja* представляетъ еще и ту особенность, что здѣсь этотъ суффиксъ присоединяется къ корню+*d* : ср. *pudžu* у Ширвида, *trukdžu* у него же. Вопросъ о происхожденіи разсматриваемыхъ образованій представляется для меня въ слѣдующемъ видѣ: я думаю, что основы на *ja* указаннаго типа возникли еще въ діалек-

тахъ пралитовскаго языка подъ вліяніемъ тѣхъ случаевъ, гдѣ старыя основы съ *ja* находились въ извѣстномъ соотношеніи по значенію съ глаголами состоянія, а именно по аналогіи глагольныхъ основъ дѣйствія, находившихся въ соотношеніи съ глагольными основами, обозначающими начинательное состояніе, и глагольныхъ основъ фактитивныхъ съ основами обозначающими неначинательное состояніе, какъ результатъ этого дѣйствія, также и глагольныя основы съ значеніемъ фактитивнымъ въ ихъ отношеніи къ глагольнымъ основамъ состоянія могли получать основу на *-ja*. Что касается *d* въ окончаніи корня, то о происхожденіи этого *d* (изъ индоевроп. *d* и *dh*) я уже говорилъ выше.

По поводу замѣчанія, что основы съ суффиксомъ *ja* находились въ соотношеніи по значенію какъ съ глагольными основами не только начинательнаго, но и неначинательнаго состоянія, я долженъ сказать слѣдующее: я вполнѣ раздѣляю мнѣніе Ф. Ѳ. Фортунатова, что послѣднее чередованіе не первоначально и возникло при посредствѣ основъ начинательнаго состоянія (см. Кр. Разб., стр. 38); такой случай представляетъ лит. *bêldzìu* при *bìldu*, лат. *belzu*.

Наконецъ, я долженъ упомянуть еще о тѣхъ немногихъ случаяхъ, гдѣ основы на *ja* представляютъ собою дальнѣйшее распространеніе корня+извѣстный суффиксъ. Лит. *dreskiù* при *driskaũ* (корень тотъ же, что въ греч. δέρω) имѣетъ *sk* изъ индоевропейскаго *sk* или *skh*. Какъ это *dreskiù*, такъ и лит. *tęsiù* (ср. дринд. *tasati*), надо думать, были получены еще изъ индоевропейскаго праязыка.

Что касается прочихъ основъ на *ja*, то, понятно, и здѣсь, надо думать, не всѣ они получены изъ индоевропейскаго праязыка: разъ въ общебалтійскомъ языкѣ существовало правильное соотношеніе по значенію между извѣстными основами на *ja* и нѣкоторыми другими типами основъ настоящаго времени, то, понятно, могли происходить новообразованія какъ въ томъ, такъ и другомъ отношеніи. Какъ на несомнѣнныя новообразованія я смотрю далѣе на такіе случаи, какъ лат. *malu*, при лит. *malu*; лит. *geidziù*, ср. стсл. **ждеть**, лит. *periù*, лат. *periu*, стсл. **переть**.

Въ заключеніе обзора балтійскихъ основъ на *ja* я долженъ сказать нѣсколько словъ объ одномъ діалектическомъ явленіи литовскаго языка, а именно по указанію Кс. Явниса (Описаніе Россіен-

скаго уѣзда, стр. 47 сл.), въ жемайтскомъ нарѣчіи въ настоящее время не существуютъ вообще уже основы на *ja* отъ корней, оканчивающихся на согласныя, за исключеніемъ единичныхъ случаевъ, въ особаго рода выраженіи (Кс. Явнисъ указываетъ только *kuý vẽ́ņu iìs aúsi na-dẽ́vis*», но можетъ быть, такихъ случаевъ больше). Это явленіе объясняется, по мнѣнію автора, вліяніемъ аналогіи слѣдующаго рода: совпаденіе формъ 2-го л. ед. ч. и 3-го л. у основъ на *a* и на *ja* вызвало и совпаденіе прочихъ формъ лица, т. е. напр. *verczù*, *vertì veĩcz*, *veĩcza'm*, *veĩcza't* измѣнилось въ *vertù*, *verti*, *veĩt*, *veĩtam*, *vertat* по аналогіи *kertù*, *kerti*, *keĩt*, *keĩtam*, *keĩtat* Нетрудно, однако, убѣдиться въ томъ, что такое вліяніе аналогіи возможно было только по измѣненіи *verczù* въ *vertiù* и *veĩcz* въ *veĩt* подъ вліяніемъ *t* въ прочихъ формахъ лица. Слѣдуетъ замѣтить, что старое сочетаніе *czu* не въ началѣ словъ вообще сохраняется лишь въ части говоровъ жемайтскаго нарѣчія, являясь въ другихъ говорахъ какъ *tiu* и въ третьихъ какъ *ciu*. По отношенію къ формѣ 1-го л. такихъ глаголовъ, какъ *verczù*, я принимаю общежемайтское измѣненіе *cz* въ *t* подъ вліяніемъ аналогіи прочихъ формъ лица, до возникновенія *c* изъ *cz* въ части такихъ говоровъ. Сказанное мною о глаголахъ типа *verczù* примѣняется и къ глаголамъ типа *leidżu*, такъ какъ исторія *cz* и *dz* въ жемайтскихъ говорахъ вполнѣ параллельна; изъ *—dzu* (не въ началѣ словъ) мы находимъ вообще *—dżu*, *—diu*, *—dziu* съ различіемъ по говорамъ. Само собою разумѣется, что появленіе *t* и *d* слѣдуетъ объяснять только вліяніемъ прочихъ формъ склоненія, спряженія или родственныхъ вообще образованій, гдѣ согласныя *t* и *d* въ пралитовскомъ языкѣ не подлежали измѣненію въ аффрикаты (ср. статью Кс. Явниса, стр. 25 сл.). Итакъ, жемайтское нарѣчіе знаетъ вообще основы настоящаго времени на *-ja* у глаголовъ непроизводныхъ только отъ корней на долгія и сложныя гласныя, гдѣ какъ мы видѣли, частью основа на *-ja* только кажущаяся, такъ какъ основамъ типа *plâuju* соотвѣтствуютъ здѣсь основы типа *plâunu*.

На предыдущихъ страницахъ я разсмотрѣлъ исторію балтійскихъ основъ настоящаго времени, представляющихъ въ формѣ неопредѣленнаго непроизводную по своему происхожденію основу, теперь мнѣ остается разсмотрѣть вторую большую группу основъ настоящаго времени, именно такія основы, которыя въ отличіе отъ первой группы, представляютъ въ формѣ неопредѣленнаго производную по

своему происхожденію основу. Соображенія чисто практическаго свойства заставляютъ меня остановится при этомъ прежде всего на основахъ настоящаго времени на балтійское *i*, представляющихъ въ прочихъ формахъ спряженія основу на *ė*.

Выше мнѣ уже приходилось касаться взаимнаго отношенія въ индоевропейскомъ проязыкѣ суффиксовъ $ja^{0}/^{e}$ и $i\underset{\sim}{a}^{0}/^{e}$. Что касается послѣдняго, то въ слабомъ звуковомъ видѣ онъ долженъ былъ представлять въ результатѣ гласную *i*. Такъ какъ самъ глагольный корень являлся въ соединеніи съ суффиксомъ $i\underset{\sim}{a}^{0}/^{e}$ въ слабомъ звуковомъ видѣ, то слѣдовательно, удареніе падало въ индоевропейскомъ праязыкѣ не на корень, и это мѣсто ударенія вообще сохранилось въ древнеиндійскомъ языкѣ (древнеиндійскія основы настоящаго времени на —*yá*—). Первоначально мѣсто ударенія находилось въ извѣстномъ чередованіи по формамъ лица, именно частью оно лежало на гласной суффикса основы, а частью на гласной суффикса формы лица, и въ этомъ то послѣднемъ случаѣ самъ суффиксъ являлся въ слабомъ звуковомъ видѣ. Однако, уже въ эпоху распаденія праязыка отдѣльные діалекты провели въ разсматриваемыхъ основахъ или всюду сильный звуковой видъ суффикса, или его слабый видъ, за исключеніемъ, понятно, формы 1-го л. ед. ч., гдѣ сама форма оканчивалась на сочетаніе $i\underset{\sim}{a}^{0}n$. Это обстоятельство бросаетъ свѣтъ и на подробности исторіи основъ настоящаго времени съ суффиксомъ $a^{0}/^{e}$ и съ слабымъ звуковымъ видомъ корня, гдѣ всѣ отдѣльные индоевропейскіе языки указываютъ на то, что въ эпоху распаденія праязыка удареніе всюду падало на гласную суффикса. Намъ становится теперь понятнымъ, почему это произошло : въ слабомъ звуковомъ видѣ гласныя $a^{0}/^{e}$ обращаясь въ α, которое по фонетическимъ условіямъ должно было исчезнуть, если дальше не слѣдовала сонорная согласная, т. е. основы тематическаго спряженія переходили при этомъ въ нетематическія основы, лишь только происходилъ процессъ обобщенія по всѣмъ формамъ лица слабаго звукового вида суффикса основы; въ результатѣ должны были сохраниться лишь основы съ сильнымъ звуковымъ видомъ суффикса, проведеннымъ по всѣмъ формамъ лица.

Итакъ, въ окончаніи балтійскихъ основъ класса лит. *mỹlu*, мы находимъ гласную *i* изъ индоевроп. *i*. При изслѣдованіи исторіи личныхъ окончаній въ балтійскихъ языкахъ я уже имѣлъ случай

говорить о тѣхъ новообразованіяхъ, которымъ подверглись здѣсь эти основы въ извѣстномъ отношеніи, и потому я болѣе не останавливаюсь на этихъ вопросахъ. Въ балтійскихъ языкахъ въ разсматриваемыхъ основахъ мы не находимъ того новообразованія, которое является въ именныхъ основахъ типа лит. *gaidỹs* и въ славянскихъ основахъ настоящаго времени на стсл. **н**, общеславянское $\tilde{\imath}$, которое получилось изъ сліянія $\hat{\imath}\hat{\imath}$, при чемъ первое $\hat{\imath}$ проникло сюда по аналогіи тѣхъ формъ отъ тѣхъ же основъ, гдѣ еще въ индоевропейскомъ праязыкѣ существовало сочетаніе" $\hat{\imath}$+долгая гласная изъ стяженія a^0 въ окончаніи суффикса основы съ a^0, входившимъ въ составъ личнаго или падежнаго окончанія.

То, что сказано много объ исторіи индоевропейскаго $\hat{\imath}a^{0/e}$ представляетъ собою видоизмѣненіе извѣстной теоріи Штрейтберга, принятой большинствомъ современныхъ лингвистовъ (въ томъ числѣ и Бругманомъ), подъ вліяніемъ ученія ф. θ. Фортунатова объ индоевропейскомъ $\hat{\imath}$ и α, являвшагося слабой звуковой ступенью гласныхъ $\check{a}$. Объясненіе $\tilde{\imath}$, являющагося въ отдѣльныхъ индоевропейскихъ языкахъ и понимаемаго Штрейтбергомъ, какъ звуковой варіантъ i, усвоено мною изъ частныхъ бесѣдъ съ Ф. Θ. Фортунатовымъ.

Итакъ, въ общебалтійскій языкъ перешли изъ литовскославянскаго и далѣе индоевропейскаго праязыка основы на i, представлявшій слабый звуковой видъ корня. Примѣрами могутъ служить: лит. *turi-me* прусское *turri-mai* (ср. сильный звуковой видъ корня, являющійся напр. въ лит. *tverìu*); лит. *mỹli-me*; прусск. *massi-mai* (корень въ слабомъ звуковомъ видѣ; между прусскимъ яз. и славянскими языками (слав. **могж**) различіе въ согласной, сильный звуковой видъ является напр. въ греч. μᾶχος съ іонич. аттич. η) и т. д. Что касается латышскаго языка, то здѣсь мы находимъ въ соотвѣтствіи съ литовскими основами на i основы на a : лат. *turam*,, *mìlam* и т. п.; діалектически являются и основы настоящаго времени на *ẽja* (Bielenstein, Lett. Spr. I. p. 437). Итакъ, въ латышскомъ яз. основы на a замѣнили собою старыя основы на i, которыя сохраняются лишь діалектически (*Bielenstein*, *Lett. Spr.* II, p. 119). Однако, и здѣсь обнаруживаются ясные слѣды смѣшенія двухъ классовъ основъ (основъ на a и основъ на i), а именно основы на i являются здѣсь вмѣсто старыхъ основъ на a, основъ на ja и новыхъ основъ на a, составляющихъ X и XI классы у Бильенштейна. Причина такого смѣшенія

основъ на *a* и на *i*, повёдшаго въ результатѣ къ полному устраненію основъ послѣдняго типа въ извѣстныхъ говорахъ и въ литературномъ нарѣчіи, довольно ясна: мы имѣемъ дѣло съ взаимнымъ вліяніемъ основъ на *a* и на *i* въ силу того обстоятельства, что формы 2-го л. ед. ч. и 3-го л. совпадаютъ здѣсь по окончанію.

Въ прусскомъ языкѣ мы находимъ, съ другой стороны, нерѣдко основы на *i* вмѣсто ожидаемыхъ основъ на *a* и *ja* (*Berneker Pr. Spr. p.* 217); ср. *galbimai* (лит. *gẽlbame*), *etwerpimai* (лит. *verpiame*) и т. п. Причина этого явленія не можетъ быть выяснена съ достаточною достовѣрностью уже по самому свойству текстовъ прусскаго языка.

Наконецъ, и въ литовскомъ языкѣ, въ жемайтскомъ его нарѣчіи, основы на *i* совершенно исчезли, какъ живая категорія; Кс. Явнись въ «Описаніи Россіенскаго уѣзда», стр. 49, ссылается для объясненія этого факта на совпаденіе основъ на *i* и на *a* въ формѣ 2-го л. ед. ч. и въ формѣ 3-го л., утратившей въ живомъ языкѣ гласную въ окончаніи. Въ глаголѣ *galù*, *galèti*, по указанію Кс. Явниса, Хвейданскій говоръ представляетъ основу на *ja*, не на *a*, между тѣмъ какъ обыкновенно основы на *i* замѣняются основами на *a*. Въ говорахъ восточнолитовскаго нарѣчія мнѣ извѣстны случаи смѣшенія старыхъ основъ на *i* съ основами на *ja*, т.-е. старыя основы на *i* получаютъ новообразованіе по аналогіи основъ на *ja*. Какъ мнѣ кажется, это явленіе вызвано, съ одной стороны, совпаденіемъ въ обѣихъ категоріяхъ глаголовъ формъ 1-го и 2-го л. ед. ч., а также частичнымъ совпаденіемъ формы 3-го л., являющейся въ обычной разговорной рѣчи безъ гласной въ самомъ концѣ.

Теперь я долженъ остановиться на подробностяхъ исторіи балтійскихъ основъ настоящаго времени на *i* при основѣ другихъ формъ спряженія на *ē*, насколько она можетъ быть выяснена путемъ сопоставленія съ родственными языками.

Прежде всего требуетъ выясненія вопросъ, какого происхожденія тѣ основы балтійскихъ языковъ разсматриваемаго класса, которыя представляютъ въ корнѣ не слабый, но сильный звуковой видъ. Сюда относятся такіе случаи, какъ лит. *vèizdžu*, *sèdzu*, *vèldžu*, *sèrgiu*, въ латышскомъ языкѣ, гдѣ, какъ сказано, основы настоящаго времени на *i* вообще вытѣснены основами на *a*, нельзя открыть случаевъ, непосредственно тождественныхъ и въ современномъ состояніи языка

съ приведенными образованіями литовскаго языка; при лит. *krekù, krekêti* (Nesselmann, Miežinis) мы находимъ лат. *kreku, krecêt*; ср. далѣе лит. *perìù, perêti*, лат. *peru, perêt*, лит. *regìù, regêti*, лат. *redzu, redzêt;* лит. *sêdžu*, лат. *sèdu* и *sèžu* (діалектич.). Что касается примѣровъ, приведенныхъ мною изъ литовскаго языка, то часть ихъ уже объяснена проф. Ульяновымъ (Основы, стр. 194). Я вполнѣ раздѣляю его мнѣніе, что основа *veizdi-* : *veizde-* объясняется смѣшеніемъ старыхъ основъ *veid-*, *veida°-*, *vidi-* : *vidē-*, и что славянское *vidi-* : *vidě-* указываетъ на существованіе основы *veidi- veidē-* еще въ литовскославянскомъ языкѣ; старое нетематическое спряженіе является въ лит. *vêizdmi*; далѣе, подобнаго же происхожденія, по его мнѣнію, лит. *sêidžu* при *sêdmi* и *sêdu*, *sêsti* сажусь; лит. *vêldžu* при *vêldu* онъ считаетъ новообразованіемъ самого литовскаго языка, объясняя аналогичнымъ образомъ и слав. *volde* (стсл. **кладѣть. кладѣти**); наконецъ, о лит. *sêrgiu* при *sêrgmi* говорится: «Далѣе въ литовск. языкѣ новую основу на *i̯o-i̯e* можно видѣть еще въ *sêrgiu - sêrgeti* при *sêrgmi*». Относительно прочихъ приведенныхъ выше примѣровъ я долженъ замѣтить, что по происхожденію они, надо думать, представляютъ производныя образованія на *ėja*, замѣненныя образованіями на *i* подъ вліяніемъ извѣстной аналогіи, на которой я долженъ остановиться въ связи съ вопросомъ о происхожденіи основъ на *ėja* у глаголовъ состоянія при параллельныхъ основахъ на *i* (см. ниже). Что же касается основъ латышскаго языка, соотвѣтственныхъ указаннымъ выше литовскимъ основамъ, то въ виду фактовъ, представляемыхъ литовскимъ языкомъ, я смотрю на нихъ вообще, какъ на болѣе старыя основы на *i*, замѣненныя основами на *a*; правда, нѣкоторыя изъ образованій, гдѣ является лат. основа на *a* : *ē* при лит. основъ на *a* : *ē* должны объясняться иначе (ср. лит. *krekù*, лат. *kreku*), а именно, мы увидимъ, что еще въ литовсколатышскомъ языкѣ существовали основы на *a* : *ẽ*.

Перехожу къ другому вопросу, а именно къ разсмотрѣнію исторіи основъ на *i* со значеніемъ дѣйствія, а не состоянія. Уже нѣкоторые только-что разсмотрѣнные случаи представляютъ значеніе именно дѣйствія, не состоянія (ср. *perìù, regìù*). Въ этомъ отношеніи слѣдуетъ вообще различать двѣ категоріи глаголовъ глаголы съ значеніемъ дѣйствія, и глаголы фактитивные. Что касается первыхъ изъ нихъ, то значеніе дѣйствія является у такихъ основъ не перво-

начальнымъ, но производнымъ изъ болѣе стараго значенія состоянія; примѣры такихъ основъ приведены проф. Ульяновымъ на стр. 35 сл. 1-го тома «Значеній». Къ сказанному здѣсь, а также къ замѣчаніямъ проф. Фортунатова на стр. 38 «Критическаго Разбора» я могу пресоединить еще только ту поправку, что всякая основа на *i*, обозначающая дѣйствіе, получаетъ это значеніе изъ стараго значенія состоянія, т.-е. и въ глаголахъ, обозначающихъ звуки и движеніе, для которыхъ проф. Фортунатовъ принимаетъ старое соединеніе обоихъ значеній въ одной основѣ, я разсматриваю значеніе дѣйствія, какъ производное изъ болѣе стараго значенія состоянія, при чемъ допускаю, что въ этой послѣдней категоріи случаевъ это явленіе могло развиться довольно рано, именно въ виду особенности реальнаго значенія. Въ латышскомъ языкѣ мы, понятно, находимъ и здѣсь основы на *a*.

По поводу второй категоріи случаевъ, гдѣ основы на *i* представляютъ значеніе фактитивное, я долженъ замѣтить, что принимаю объясненіе проф. Ульянова (Значеніе I, стр. 50 сл.), раздѣляемое и проф. Фортунатовымъ (Кр. Разб., стр. 38).

Что касается нѣкоторыхъ другихъ особенностей въ исторіи значенія основъ разбираемыхъ типовъ въ литовскомъ яз., то на нихъ я остановлюсь впослѣдствіи въ спеціальномъ изслѣдованіи, такъ какъ въ настоящее время это выходитъ изъ предѣловъ непосредственной моей задачи.

Основы настоящаго времени на *i* близко соприкасаются, какъ мы уже видѣли, съ основами на *a*, представляющими въ основѣ прошедшаго и неопредѣленнаго *ė*. Родственные языки такихъ образованій не знаютъ, и они представляютъ собою новообразованіе балтійскихъ языковъ. Что касается уже упомянутыхъ мною фактовъ литовскаго, латышскаго и прусскаго языковъ, гдѣ старыя общебалтійскія основы на *i* замѣнены основами на *a*, то такого рода случаи представляютъ новообразованія вообще болѣе позднія, чѣмъ тѣ основы на *a* : *ē*, которыя возникли въ общебалтійскую эпоху. По указанію Ф. Ѳ. Фортунатова такія основы возникли именно въ чередованіи съ основами, обозначающими начинательное состояніе, и представляли именно значеніе неначинательнаго состоянія (Кр. Разб. стр. 36—37). Частію такое соотношеніе сохранилось и понынѣ : ср. лит. *kabù*, *kabėti*, «висѣть» при *kimbù*, *kìbti*- «прицѣплять-

ся», лит. *brizgù, brizgêti-* «растеребливаться, раздергиваться по шиткамъ (о ткани)» при *brįzgù, brìgsti* съ значеніемъ начинательнаго состоянія (стр. 37). Въ литовскомъ языкѣ въ нѣкоторыхъ глаголахъ мы находимъ при основѣ *i* : *ē* также и основу на *a* : *ē*; ср. напр. лит. *niurìù* : *niurù, niurêti*. Происхожденіе такого смѣшенія двухъ образованій основы настоящаго времени объясняется, надо думать, тѣмъ фактомъ, что тѣ и другія основы имѣли пункты соприкосновенія, какъ по общему значенія состоянія (а спеціальные оттѣнки въ значеніи могли утрачиваться въ дальнѣйшемъ развитіи языка въ связи съ утратою соотносительныхъ образованій), такъ и по сходству по отношенію къ образованію прочихъ формъ спряженія. По поводу тѣхъ основъ на *a* : *ē*, которыя въ литовскомъ языкѣ представляютъ значеніе дѣйствія и фактитивное значеніе, я долженъ замѣтить, что къ нимъ примѣняются тѣ же соображенія, которыя были высказаны мною выше по отношенію къ основамъ на *i* : *ē*.

Теперь мнѣ предстоитъ разсмотрѣть основы настоящаго времени на *-ina-*, представляющія и въ основѣ неопредѣленнаго передъ суффиксомъ этой послѣдней формы *in.* Сюда относятся такія образованія, какъ лит. *tâikinu* (ср. *tinkù, tikti*), *tukinù* (ср. *tunkù, tùkti*), *vìrkinu* (ср. *verkiù*), *pỹkinu* (ср. *pykstù, pỹkti*), *auginù* (ср. *âugu, âugti*), *bùdinu* (ср. *-bundù,-bùsti*), *lipinù* (ср. *limpù, lìpti*), *marinù* (ср. *mîrsztu, miřti*), *gaminù* (ср. *gemù, gimti*); лат. *aŭdzinu, budinu, mitinu* (ср. лит. *maitinù*); особенностью латышскаго яз. является то, что разсматриваемыя образованія представляютъ въ прочихъ формахъ спряженія производныя основы на латышское *à* (*aŭdzinât, budinât, mitinât*); прусскія *mukinna, mukint* (ср. лит. *mokinù*), *sadinna* (*sedinna*), форма неопредѣленнаго не засвидѣтельствована (ср. лит. *sodinù*). Нерѣдко является при этомъ та особенность, что въ окончаніи глагольнаго корня (обыкновенно въ окончаніи корня являются при этомъ гласная или сонорныя согласныя) мы находимъ передъ суффиксомъ *-ina-* согласную *d*, о происхожденіи которой мнѣ уже приходилось говорить выше (стр 109 сл.); примѣрами такихъ образованій могутъ служить лит. *jôdinu* (ср. *jôti*), *pîndinu* (ср. *pînti*), *kâldinu* (ср. *kalù*), *kãkdinu* (ср. *kàkti*); лат. *jâdinu, jâdinât, kaldinu, kaldinât* и т. п. Приведенныя основы настоящаго времени на *-ina-* частію *-dina-* принадлежатъ по значенію къ классамъ фактитивныхъ

и каузативныхъ глаголовъ (я вслѣдъ за проф. Ульяновымъ и проф. Фортунатовымъ, считаю необходимымъ отличать глаголы фактитивные отъ каузативныхъ), ср. лит. *âuginu*, лат. *aûdzinu* и, съ другой стороны, лит. *kâldinu*, лат. *kaldinu*. Однако, и въ литовскомъ и въ латышскомъ языкахъ (прусскій языкъ приходится и здѣсь оставить въ сторонѣ) основы съ разсматриваемыми суффиксами представляютъ значеніе кратности, а кромѣ того въ извѣстной своей части являются производными отыменными основами. Объ этомъ послѣднемъ разрядѣ основъ разсматриваемаго типа я скажу впослѣдствіи, въ связи съ другими отыменными основами, а пока я остановлюсь на первомъ разрядѣ, именно на кратныхъ основамъ. Въ литовскомъ яз. кратныя основы на *-ina-* извѣстны вообще въ небольшомъ количествѣ; сюда относятся, проводимыя Лескиномъ *skabîti*, *sukîti*, *drumstîti*, *szvilpîti* (Leskien, Ablaut, p. 434). Съ другой стороны, въ латышскомъ языкѣ значительное количество образованій на *-ina-* : *-inâ-* имѣетъ кратное значеніе; напр. *jâdinât* (какъ мы видѣли выше, этотъ глаголъ имѣетъ притомъ и фактитивное значеніе), *kaldinât* (и въ этомъ глаголѣ соединяются оба значенія), *knibinât* и т. д. (см. Bielenstein, Lett. Spr. I, p. 424 sq.).

Кромѣ суффикса *-ina-* въ литовскомъ языкѣ является и суффиксъ *-ena-* ; латышскій и прусскій языкъ, повидимому, не знаютъ подобныхъ образованій. Примѣрами могутъ служить: лит. *givenù*, *givênti* ; *kūrenù*, *kūrênti*; *bruzgenù*, *bruzgênti*. По значенію эти образованія частію принадлежатъ къ фактитивнымъ (*kūrenù*, *bruzgenù*), частію же представляютъ значеніе состоянія.

О происхожденіи суффиксовъ *-ina-* и *-ena-* было писано не мало. Лескинъ смотритъ на балтійскіе глаголы съ суффиксомъ *-ina-*, какъ на образованія, возникшія въ своей массѣ въ самихъ балтійскихъ языкахъ, а именно онъ предполагаетъ, что отыменные глаголы на *-ina-*, получая фактитивное значеніе, вызвали и отглагольныя образованія на *-ina-* съ тѣмъ же значеніемъ (*Ablaut*, p. 432 sq.). Съ другой стороны еще Остгофъ сопоставилъ греческіе глаголы на *-ανω* съ армянскими образованіями на *-ana-* и балтійскими основами на *-inù* , возводя сочетанія греч. *αν*, арм. *an* и балт. *in* къ индоевропейскому сочетанію *ᾰ̯n̥*. Мнѣніе Остгофа принимаютъ Бругманъ (послѣдній разъ въ Gr. Gr.[3] p. 288) и Ф. Ѳ. Фортунатовъ, при чемъ этотъ послѣдній лингвистъ возводитъ кромѣ того балтій-

«кое *en* въ составѣ литовскаго суффикса *-ena-* къ индоевроп. $a^{e}n$, какъ къ сильному звуковому виду $a\underset{o}{n}$ (Кр. Разб. стр. 37, прим.). Нѣкоторые другіе лингвисты, не высказываясь прямо по вопросу о балтійскихъ глаголахъ на *-ina-*, видятъ въ греческихъ глаголахъ на -ανω новообразованіе самого греческаго языка (Турнейзенъ, Педерсенъ, Дельбрюкъ). Во избѣжаніе недоразумѣній замѣчу, что и Бругманъ не всѣ греческіе глаголы на—ανω возводитъ къ индоевропейскому праязыку, объясняя какъ новообразованія глаголы типа ἰκάνω (распространеніе стараго ἵκω) и λαμβάνω (новообразованіе на почвѣ основъ такъ-называемаго седьмого класса). Наконецъ, проф. Ульяновъ видитъ въ суффиксахъ *-ina* , *-ena-* балтійскихъ языковъ и въ суффиксѣ -ανο- греческаго языка сложенія изъ *i*+*na*, *ē*+*na*, *ā*+*na* при чемъ изъ *-āna-* , по его мнѣнію, въ индоевропейскомъ языкѣ получалось *-ana-* въ силу того обстоятельства, что ударепіе падало на *na*, измѣненіе же *ēna* въ *ena* происхожденія не фонетическаго, а вызвано дѣйствіемъ анологіи образованій на *-ina-* и *-ana-*. Такое объясненіе мнѣ, какъ и Ф. Ѳ. Фортунатову, не представляется убѣдительнымъ по самому существу.

На мой взглядъ происхожденія суффиксомъ *-ina-* и *-ena-*, являющихся въ балтійскихъ зыкахъ, объясняется очень хорошо, если принять мнѣніе Остгофа-Бругмана и Ф. Ѳ. Фортунатова. Остается выяснить только вопросъ о происхожденіи тѣхъ значеній, которыя мы находимъ въ разсматриваемыхъ основахъ въ балтійскихъ языкахъ. Если мы обратимся къ греческому языку, то найдемъ, что основы на -άνω являются въ языкѣ Гомера частію съ значеніемъ «средняго залога», частію съ значеніемъ «общимъ дѣйствительнымъ и фактитивнымъ» (Ульяновъ, Знач. I, стр. 255 сл.). Значеніе состоянія и значеніе фактитивное, надо думать, получены изъ индоевропейскаго языка. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что образованія съ суффиксами, заключавшими носовой звукъ, и въ другихъ индоевропейскихъ языкахъ имѣютъ эти значенія. Что касается общаго дѣйствительнаго значенія, то на немъ я не останавливаюсь въ виду того, что для балтійскихъ языковъ этотъ вопросъ не имѣетъ существеннаго значенія. Итакъ, я принимаю, что балтійскіе языки получили изъ индоевропейскаго праязыка образованія съ суффиксами $a^{e}na^{0/e}$ и $a\underset{o}{n}a^{0/e}$ съ этими двумя значеніями, значеніе же кратности во всякомъ случаѣ непервоначальное и возникло, вѣроятно, доволь-

но поздно подъ вліяніемъ извѣстной аналогіи. На это указываетъ между прочимъ и тотъ фактъ, что литовскій языкъ знаетъ и краткіе глаголы на *-ineti*.

Теперь я перехожу къ разсмотрѣнію обширнаго класса глагольныхъ основъ, по происхожденію, производныхъ, съ суффиксами $\bar{a}^0$, $\bar{o}$, $\bar{e}$, $\bar{i}$, *au* (привожу ихъ для удобства въ томъ звуковомъ видѣ, какой они должны были имѣть въ общебалтійскомъ языкѣ, при чемъ этимъ я нисколько пока не предрѣшаю вопроса объ ихъ происхожденіи).

Вопросъ о спряженіи въ индоевропейскихъ языкахъ производныхъ глаголовъ указанныхъ типовъ имѣетъ обширную литературу. Можно намѣтить двѣ главныхъ точки зрѣнія на относящіеся сюда факты: одни лингвисты не допускаютъ для индоевропейскаго праязыка нетематическаго спряженія такихъ основъ настоящаго времени, между тѣмъ какъ другіе лингвисты считаютъ этотъ фактъ доказаннымъ. Эта послѣдняя точка зрѣнія въ настоящее время наиболѣе распространена въ западноевропейской лингвистикѣ, но тѣмъ не менѣе она, по моему мнѣнію, не можетъ быть принята. Дѣло въ томъ, что всѣ факты отдѣльныхъ индоевропейскихъ языковъ отлично объясняются и при первомъ предположеніи (а именно, что изъ индоевропейскаго праязыка было получено только тематическое спряженіе производныхъ глаголовъ), между тѣмъ какъ факты балтійскихъ языковъ не могутъ быть объяснены удовлетворительно при второмъ предположеніи (а именно, что изъ индоевропейскаго праязыка ясно получено частію и нетематическое спряженіе производныхъ глаголовъ указанныхъ типовъ). Для всякаго, кто слѣдилъ за разработкою вопросовъ сравнительной грамматики индоевропейскихъ языковъ за послѣднее время, очевидно, что поводомъ къ такому широкому распространенію второй точки зрѣнія послужили нѣкоторыя кажущіяся затрудненія, возникающія при изслѣдованіи исторіи индоевропейскаго j и $\underset{\frown}{i}$ (самымъ суффиксомъ тематическаго спряженія было здѣсь именно $ja^{0/e}$ или $\underset{\frown}{ia}^{0/e}$). Я назвалъ эти затрудненія кажущимися, такъ какъ они устраняются при томъ условіи, если мы будемъ различать индоевропейскіе j и $\underset{\frown}{i}$ и при такомъ фонетическомъ положеніи, а при положеніи въ началѣ словъ, гдѣ факты, правда, говорятъ слишкомъ громко, эти индоевропейскіе звуки различаютъ въ настоящее

время въ ихъ исторіи, по крайней мѣрѣ, въ извѣстныхъ индоевропейскихъ языкахъ почти всѣ лингвисты. Изслѣдованія Θ. Е. Корша пролили свѣтъ на судьбу индоевроп. *i̯* и *j* (а также *u̯* и *v*) въ греческомъ языкѣ и при положеніи не въ началѣ слова, а Ф. Θ. Фортунатовъ освѣтилъ исторію индоевроп. *i̯* и *j* (а также *u̯* и *v*) и въ тѣхъ другихъ индоевропейскихъ языкахъ, которымъ онъ вообще посвящаетъ особое вниманіе. Взгляды упомянутыхъ двухъ лингвистовъ извѣстны мнѣ непосредственно изъ частныхъ бесѣдъ и ихъ университетскихъ чтеній. Если съ мнѣніемъ Θ. Е. Корша можно познакомиться въ достаточной степени по его статьѣ «Нѣсколько замѣчаній къ греческой фонетикѣ Бругмана» (Сборникъ Харьковскаго Историко-филологическаго Общества за 1895 г.) и по болѣе ранней статьѣ «О звукахъ ε и ο въ греческомъ языкѣ» (Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1881 г.), то ученіе Ф. Θ. Фортунатова обнародовано авторомъ лишь въ извѣстныхъ частяхъ, между прочимъ, въ Кр. Разб. и въ статьѣ объ ударенiи въ прусскомъ языкѣ.

Не имѣя возможности входить здѣсь въ подробности исторіи индоевроп. *i̯* и *j*, укажу только на то, что по ученію Ф. Θ. Фортунатова, которому я слѣдую, индоевроп. *j* въ положеніи между гласными сохранялся въ литовскославянскомъ языкѣ и перешелъ затѣмъ въ общебалтійскій и общеславянскій языки, между тѣмъ какъ индоевроп. *i̯* при такомъ фонетическомъ положеніи, если, однако, ему предшествовало не *i*, обращалось сперва въ придыханіе, которое передъ неударяемою гласною исчезало еще въ литовскославянскую эпоху, а передъ ударенiемъ продолжало сохраняться и перешло затѣмъ въ общеславянскій и общебалтійскій языки; въ этомъ послѣднемъ оно далѣе исчезло; что же касается исторіи индоевроп. *i̯* послѣ *i*, то здѣсь *i̯* въ результатѣ совпало въ своей исторіи съ индоевроп. *j*. Далѣе я долженъ напомнить о тѣхъ фактахъ, на которые указалъ Ф. Θ. Фортунатовъ въ статьѣ объ ударенiи въ прусскомъ языкѣ (Р. Ф. В. т. XXXIII, стр. 284), и которые неопровержимо свидѣтельствуютъ въ пользу мнѣнія, что балтійскіе глаголы типа литовскаго *zinaĩ žinôti* во всякомъ случаѣ имѣютъ долгую гласную въ основѣ настоящаго не изъ индоевроп. долгой гласной, какъ въ основѣ неопредѣленнаго, а это послѣднее обстоятельство исключаетъ возмож-

ность видѣть въ такихъ гласныхъ индоевропейскія основы нетематическаго спряженія.

Итакъ, въ своемъ дальнѣйшемъ изложеніи я буду исходить изъ положенія, что индоевропейскіе такъ называемые производные глаголы представляли въ праязыкѣ лишь тематическое спряженіе основы настоящаго времени и такими они перешли въ языкъ литовскославянскій, а оттуда въ общебалтійскій языкъ. Самъ суффиксъ оканчивался при этомъ на *ja°/e* или на *i̯a°/e*. Замѣчу кстати, что и здѣсь древнеиндійскій языкъ даетъ извѣстныя указанія мѣстомъ ударенія (основы на *áya* и на *ayá*).

Изъ сопоставленія балтійскихъ языковъ между собою вытекаетъ, что въ общебалтійскомъ языкѣ существовали слѣдующіе типы разсматриваемыхъ основъ, т. е. основъ съ суффиксами, заключавшими въ себѣ гласную или дифтонгъ + *ja* или *i̯a*: 1) основы на *ā°a*, старое *ā°i̯a*); 2) основы на *ēa*, сохранившіяся только въ прусскомъ яз. (ср. пр. *billē*); 3) основы на *ā°ja*, 4) основы на *ōja*; 5) основы на *ēja*; 6) основы на *īja*; 7) основы на *auja*; ср. лит. *žìno-* (напр. въ формѣ 1-го л. мн. ч. *žìnome*), лат. *zina-*, замѣнившее старую основу *zinā-*, пр. *zinā-* напр. въ *sinnati* (форма 2-го л. мн. ч.); лит. *neszôja-*, лат. *nesȁja-* (при *nèsȁja-*); лит. *bal̃tùja-*, лат. *baltŭja-* ; лит. *vèszêja-* , лат. *vesėja-*; лит. *szir̃dyja-*, лат. *sir̃dija-* (въ формѣ возвратнаго залога), пр. *crixtia*, ср. лит. *kr̀ksztyja-*, лат. *kristija-*; лит. *geidâuja-*, пр. *gerdawi*. По самому происхожденію основы указанныхъ типовъ являются производными отъ другихъ глагольныхъ или именныхъ основъ, при чемъ, понятно, далеко не для всякой такой основы въ современномъ состояніи языка можно указать ту непроизводную глагольную или ту именную основу, которая является въ данной производной основѣ въ осложненномъ новыми суффиксальными элементами видѣ, и это вполнѣ понятно, такъ какъ, во-первыхъ, часть такихъ глагольныхъ и именныхъ основъ утрачена въ теченіе предшествовавшей жизни языка (въ нѣкоторыхъ случаяхъ такія основы могутъ быть указаны въ родственныхъ языкахъ), а, во-вторыхъ, по аналогіи старыхъ основъ могутъ образовываться въ языкѣ и новыя основы Послѣ этихъ общихъ замѣчаній перехожу къ подробностямъ.

Основы типа лит. *žino-*, какъ уже указано выше, заключаютъ въ себѣ суффиксъ индоевроп. *ā^a i̯a*, т. е. гласная общебалт. *ā°* по-

лучилась здѣсь изъ сліянія гласной $\bar{a}^o + a$ *), при чемъ гласная $\bar{a}^o$ сама по себѣ имѣла долготу длительную (ср. лит. *žino-* въ основѣ инфинитива, гдѣ мы находимъ нисходящее удареніе на *o*: *žinôti*), въ результатѣ же сліянія получилась здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, гласная съ прерывистымъ качествомъ долготы; этимъ объясняется то обстоятельство, что гласная *o* въ такихъ основахъ въ литовскомъ яз. не подлежала сокращенію при положеніи въ концѣ слова, ср. напр. форму 3-го л. *žino*; правда, нѣкоторые говоры (сѣверные) имѣютъ и здѣсь гласную не долгую, но это сокращеніе позднѣйшее, не имѣющее никакого отношенія къ общелитовскому сокращенію гласныхъ съ длительной долготой въ концѣ слова. Такого же происхожденія какъ *o* въ основѣ *žino-* и гласная $\bar{e}$ въ основахъ, сохранившихся въ прусскомъ языкѣ, т. е. и здѣсь гласная $\bar{e}$ съ прерывистой долготой получилась изъ сліянія гласной $\bar{e}$ съ длительной долготой $+ a$; на прерывистое качество долготы даетъ ясное указаніе и самъ прусскій языкъ, гдѣ, по наблюденію Ф. Ѳ. Фортунатова, въ $\bar{i}$ переходило лишь то $\bar{e}$, которое имѣло въ общебалтійскомъ языкѣ длительную долготу, откуда подъ удареніемъ въ прусскомъ языкѣ получалось восходящее удареніе; ср. пр. *billē* при неопр. *billīt*, между которыми то же соотношеніе, что и между лит. *žìno* (форма 3-го л.) и *žinôti*. Въ литовскомъ языкѣ разсматриваемыя основы не сохранились въ качествѣ основъ настоящаго времени, но являются, какъ мы увидимъ далѣе, въ основахъ прошедшаго времени на лит. *-'au* (см. статью Ф. Ѳ. Фортунатова «Удареніе въ прусскомъ языкѣ», стр. 284).

Основы всѣхъ другихъ типовъ, кромѣ только что разобранныхъ, т. е. основы на общебалт. $\bar{a}^o ja$, $\bar{o}ja$, $\bar{e}ja$, $\bar{i}ja$, $auja$, заключали въ своемъ составѣ уже не индоевроп. $\hat{\imath}$, а индоевроп. *j*, при чемъ только часть основъ на $\bar{i}ja$ могла представлять и $\hat{\imath}$ которое въ положеніи послѣ *i* совпало въ результатѣ въ своей исторіи въ балтійскихъ языкахъ съ индоевроп. *j*.

Во избѣжаніе недоразумѣній отмѣчу еще, что выставляемые мною для общебалтійскаго языка типы $\bar{a}^o a$, $a^o ja$ и т. д. по отношенію къ гласной *a* имѣютъ условное значеніе, такъ какъ мы не въ

*) За исключеніемъ понятно формы 1-го л. ед. ч. гдѣ въ самомъ личномъ суффиксѣ была въ общебалт. яз. гласная $\bar{o}$, о чемъ см 2-ю главу

состояніи опредѣлить въ точности эпоху, когда произошла въ общебалтійскомъ языкѣ замѣна гласной *e*, являвшейся въ извѣстныхъ формахъ лица въ окончаніи основы настоящаго времени, гласною *a*, перенесенною изъ прочихъ формъ лица; далѣе, стяженіе двухъ гласныхъ произошло въ самомъ общебалтійскомъ языкѣ, такъ что отдѣльные языки получили здѣсь лишь стянутыя формы.

Теперь намъ слѣдуетъ обратиться къ морфологической сторонѣ вопроса о разсматриваемыхъ производныхъ основахъ.

Прежде всего я долженъ отмѣтить тотъ фактъ, что балтійскія основы на $\bar{a}^{o}$, (изъ болѣе стараго $\bar{a}^{o}a$) распадаются на два класса: одни изъ нихъ имѣютъ въ формѣ неопредѣленнаго основу на $\bar{a}^{o}$, по происхожденію, нестянутое, другія же представляютъ въ этой послѣдней формѣ основу на $\bar{\imath}$ (ср., съ одной стороны, лит. *žinaĩ. ži'no* : *žinôti* и, съ другой стороны, *sakaĩ*, *sãko* : *sakýti*). По значенію оба эти класса представляютъ извѣстныя различія, а именно основы на $\bar{a}^{o}a$: $\bar{a}^{o}$ вообще представляютъ въ литовскомъ языкѣ классъ основъ интенсивнодлительныхъ, въ латышскомъ же языкѣ глаголы на *-u:-ȧt* являются кратными и отыменными глаголами, между тѣмъ какъ основы на $\bar{a}^{o}$: $\bar{\imath}$ являются частью съ значеніемъ кратности, а частью принадлежатъ къ классу глаголовъ каузативныхъ. Такъ какъ, однако, въ латышскомъ языкѣ глаголы на *-u,-ȧt* представляютъ вообще аффиксъ *in* въ положеніи передъ аффиксами *a* : $\bar{a}$, то я разсмотрю эти образованія вмѣстѣ съ образованіями на *-inèt* ; только четыре глагола (*raũdȧt*, *sar̃gȧt*, *dzẽdȧt* и *zinȧt*) представляютъ старую основу безъ аффикса *in*. О послѣднемъ глаголѣ я скажу нѣсколько ниже, а что касается первыхъ трехъ, то я вижу въ ихъ основахъ новообразованіе самого латышскаго языка, т.-е. замѣну болѣе старыхъ основъ на *-ȧja-* : *ȧ*, сохраняющихся діалектически. Кромѣ того, говоря объ основахъ, латышскаго языка, нельзя упускать изъ виду утрату старыхъ основъ на $\bar{a}^{o}a$ и замѣну ихъ основами на *a*. Впрочемъ, объ этомъ явленіи я буду говорить подробнѣе, когда буду разсматривать основы прошедшаго времени. Далѣе, нельзя не замѣтить того обстоятельства, что глаголы указаннаго типа съ интенсивнодлительнымъ значеніемъ представляютъ особенность литовскаго языка; ни въ прусскомъ, ни въ латышскомъ языкѣ мы не можемъ указать такихъ основъ. Вся масса отглагольныхъ основъ

на общебалтійское $\bar{a}^0a$ не сохранилась вообще, какъ мы вскорѣ увидимъ, въ видѣ основъ настоящаго времени и является въ балтійскихъ языкахъ въ формѣ балтійскаго прошедшаго времени. Уже это одно обстоятельство заставляетъ насъ относиться подозрительно къ литовскимъ интенсивнодлительнымъ основамъ на *-au, -oti*. Дѣйствительно, въ этихъ основахъ несомнѣнно существуетъ какое то новообразованіе: дѣло въ томъ, что гласныя въ положеніи передъ одною согласною являются въ литовскомъ языкѣ здѣсь съ длительною долготою, несомнѣнно не старою, а новою, такъ какъ по самому своему происхожденію эта гласная является гласною слабаго звукового вида: ср. лит. *kỹbau* при *kìbti*, *rỹmau* при *rimti*, но *lìndau* при *lę̃sti* и т. п. Итакъ, какъ бы то ни было основы этого типа не могутъ считаться непосредственнымъ продолженіемъ индоевропейскихъ основъ на $\bar{a}^a\hat{i}a^0/^e$. Мнѣ кажется, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ слѣдующимъ явленіемъ: когда основы на $\bar{a}^0a$ вытѣснили въ формѣ прошедшаго времени старыя образованія этой формы у части непроизводныхъ основъ, и когда въ общебалтійскомъ языкѣ произошло полное обобщеніе личныхъ суффиксовъ настоящаго и прошедшаго времени, то, понятно, основы на $\bar{a}^0a$ не могли долѣе сохраняться въ качествѣ основъ настоящаго времени, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, гдѣ такая основа не употреблялась въ формѣ прошедшаго отъ соотвѣтственнаго непроизводнаго глагола (напр. сюда относится балтійская основа, являющаяся во всѣхъ трехъ языкахъ, именно лит. *zino-*, лат. **zinā-*, пр. *zinā-*). Что же произошло съ прочими основами? Они сохранились съ извѣстнымъ новообразованіемъ въ звуковой сторонѣ корня, именно они получили длительную долготу вмѣсто старой недлительной или старой краткости (ср. *lìndau* при *lindaũ*, прош. отъ *lendù* и *kỹbau* при *kibaũ*). Сохранились же они по той причинѣ, что сама форма основы вносила особое значеніе длительности (см. Кр. Разб., стр. 41 сл.). Тѣ глаголы на индоевроп. $\bar{a}^a\hat{i}a^0/^e$, которыя по самому происхожденію были отыменными, не вошли ни въ ту, ни въ другую категорію, но въ литовскомъ языкѣ были окончательно замѣнены основами на индоевроп. $\bar{a}^aja^0/^e$ (а уже въ индоевроп. яз. существовало смѣшеніе суффиксовъ $\hat{i}a^0/_e$ и $ja^0/^e$ въ извѣстныхъ производныхъ основахъ, хотя отыменныя основы первоначально, надо думать, имѣли только $\hat{i}a^0/^e$); въ латышскомъ и прусскомъ языкахъ основъ того типа нѣтъ, а о происхожденіи латышскихъ

основъ на *-u*, *-ȧt* я буду говорить нѣсколько ниже. Вопросъ только въ томъ, что именно могло повлiять на измѣненiе качества долготы и самого количества въ разсматриваемыхъ основъ. Попытка разрѣшить этотъ вопросъ будетъ сдѣлана мною нѣсколько ниже, когда я буду говорить о такихъ основахъ прошедшаго, которыя являются въ лит. *pŷniau* и т. п. образованiяхъ, теперь же я остановлюсь вкратцѣ на нѣкоторыхъ дальнѣйшихъ особенностяхъ разсматряваемыхъ основъ. Нельзя не отмѣтить того факта, что основы на *-au*,*-oti* съ интенсивнодлительнымъ значенiемъ имѣютъ частiю въ окончанiи глагольнаго корня согласную *s*, напр. *kumpsaũ*, *żiopsaũ*, *vepsaũ*. Большинство глаголовъ этого типа имѣетъ неслабый звуковой видъ корня, и уже поэтому они не могутъ считаться старыми образованiями; далѣе нѣкоторые глаголы на *-sau* несомнѣнно отыменнаго происхожденiя (*żiopsaũ* и нѣк. друг.). Что же касается звука *s*, то, надо думать, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ такъ называемымъ wurzel-determinativ'омъ, распространеннымъ далѣе по аналогiи. При этомъ обращаетъ на себя вниманiе и тотъ фактъ, что лишь немногiе глаголы съ *s* имѣютъ при слабомъ звуковомъ видѣ и то измѣненiе количества и качества долготы, какое мы выше отмѣтили у старыхъ основъ но *-au*, *-oti* (сюда принадлежитъ напр. *kniũpsau*). Все это вмѣстѣ взятое приводитъ меня къ заключенiю, что большинство глаголовъ длительноинтенсивнаго класса съ звукомъ *s* въ окончанiи корня представляетъ собою новообразованiе по аналогiи старыхъ основъ съ тѣмъ нефонетическимъ измѣненiемъ звуковой стороны, о которой я говорилъ.

Второй классъ основъ на *ā⁰a*, къ разсмотрѣнiю котораго я теперь перехожу, имѣетъ въ формѣ инфинитива основу на *i*. Примѣрами основъ этого типа могутъ служить: 1) лит. *badaũ*, *badŷti*, лат. *badu*, *badit̓*; лит. *ďaraũ*, *ďarŷti*, лат. *daru*, *darit̓*; лит. *ganaũ*, *ganŷti*, лат. *ganu*, *ganit̓*; лит. *stùmdau*, *stûmdyti*, лат. *stumdu*, *stumdit̓* (ср. лит. *stûmt*, лат. *stumt*); лит. *stataũ*, *statŷti*, лат. *statu*, *statit̓*; лит. *łâistau*, *łâistyti*, лат. *łaistu*, *łaistit̓*; *) 2) лит. *maiszaũ*, *maiszŷti*, лат.

*) Сюда принадлежитъ и пр. *quoitā*, *quoitīt*; *stallā*, *stallīt*; *inf. billīt* допускаетъ двоякое объясненiе, такъ какъ *ī* можетъ указывать и на *ē* съ старой длительной долготой, ср. основу наст. вр. *bilīē*.

maĩsu, maĩsĩt; лит. *guldaũ, guldýti*, лат. *gùldu, gùldît*; лит. *pìldau, pìldyti*, лат. *pildu, pildît*; лит. *siūdau, siūdyti* (у Куршата дано въ скобкахъ), лат. *szudu, szūdît*. Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что основы разсматриваемаго типа по значенію принадлежатъ частію къ основамъ кратнымъ (первая категорія примѣровъ), частію къ основамъ фактитивнымъ и каузативнымъ (вторая категорія примѣровъ); во-вторыхъ, можно усмотрѣть, что часть основы на $\bar{a}^{o}a$ образована отъ корня осложненнаго звуками *d, t, st* (основы втораго типа).

Возникаетъ такимъ образомъ вопросъ, какого происхожденія основы на $\bar{a}^{o} : i$. Лескинъ въ своемъ *Ablaut* (p. 442 sq.) пытается объяснить разсматриваемыя основы, какъ отыменныя. Я не отрицаю того, что въ числѣ такихъ основъ есть дѣйствительно основы, которыя допускаютъ такое объясненіе (напр. лит. *krapsztaũ* (*krāpsztas*), *malstaũ* (*mālstas, mezgù*), но во всей массѣ они во всякомъ случаѣ не отыменнаго происхожденія. Другой взглядъ принадлежитъ Г. К. Ульянову, который возводитъ основы на $\bar{a}^{o} : \bar{i}$ къ индоевропейскимъ кратнымъ основамъ на $\bar{a}^{a}i : \bar{i}$ (Значенія, II, стр. 236 сл.). Именно, онъ принимаетъ извѣстную гипотезу Бартоломэ о соотношеніи аффиксовъ $\bar{a} : \bar{i}$ и, предполагая для индоевропейскаго праязыка чередованіе аффиксовъ $\bar{a}^{a}i$, $\breve{a}^{e}i$, $\bar{i}$, а также $\bar{a}^{e}i$ $\breve{a}^{e}i$, $\bar{i}$ въ кратныхъ основахъ, думаетъ, что, благодаря тому, что старые каузативы образовывались при помощи оффикса $\breve{a}^{e}ja^{a}/^{e}$, наступило извѣстное смѣшеніе обоихъ классовъ, поведшее къ тому, что появились каузативы съ аффиксами, принадлежавшими первоначально лишь кратнымъ основамъ. Однако, и въ основахъ съ аффиксами $\bar{a}^{a}i : \breve{a}^{e}i : \bar{i}$ различались два класса : основы, имѣвшія кратное значеніе, и основы, не имѣвшія значенія кратности. Формальное различіе между тѣми и другими основами состояло въ томъ, что кратныя основы представляли глагольный корень въ сильномъ звуковомъ видѣ. Основы съ слабымъ звуковымъ видомъ и являются въ формахъ балтійскаго прошедшаго, основы же съ сильнымъ звуковымъ видомъ продолжаютъ свое существованіе въ кратныхъ и каузативныхъ основахъ балтійскихъ языковъ. Эту часть своей гипотезы Г. К. Ульяновъ обосновываетъ на сопоставленіи фактовъ балтійскихъ и славянскихъ языковъ съ такими фактами греческаго яз., какъ основы $\pi o \tau \bar{a}$-, $\pi \omega \tau \bar{a}$-, $\lambda \eta \theta \bar{a}$-, при

чемъ при этомъ дѣлаетъ извѣстныя предположенія и о томъ, какимъ образомъ въ древнеиндійскомъ языкѣ сложилось то явленіе, что основы типа *pataya-* имѣютъ обыкновенно кратное значеніе, а основы типа *pātaya-* являются съ фактитивнымъ значеніемъ. Далѣе, онъ высказываетъ слѣдующую мысль: въ литовскославянскомъ языкѣ каузативные глаголы утратили образованіе съ аффиксомъ $a^{e}ja^{o}/^{e}$ и замѣнили его тѣми же аффиксами, которыя образовывали кратныя основы; затѣмъ, произошло извѣстное правильное распредѣленіе различныхъ аффиксовъ вмѣсто стараго ихъ чередованія, откуда въ результатѣ балтійскія основы настоящаго времени на *o*, и прошедшаго времени на *ē*. Вотъ въ краткихъ словахъ сущность гипотезы Г. К. Ульянова, удовлетворяющей насъ несомнѣнно болѣе, чѣмъ гипотеза Лескина. Я, съ своей стороны, стою принципіально на той же почвѣ, что и Г. К. Ульяновъ, т.-е. и я вижу въ разсматриваемыхъ основахъ не классъ отыменныхъ по происхожденію основъ, а старыя индоевропейскія отглагольныя основы, но я расхожусь съ моимъ предшественникомъ въ нѣкоторыхъ частныхъ вопросахъ. Во-первыхъ, что касается гипотезы Бартоломэ, то я, принимая его объясненіе чередованія аффиксовъ $a^{a}i : \breve{a}^{a}i : \bar{\imath}$ и $a^{e}i : \breve{a}^{e}i : \bar{\imath}$, полагаю, что мы должны различать два аффикса, а именно дифтонги $\bar{a}^{a}i$ и $\bar{a}^{e}i$ въ полномъ звуковомъ видѣ и долгія гласныя $\bar{a}^{a}$ и $\bar{a}^{e}$ (Г. К. Ульяновъ, правда, различаетъ эти аффиксы въ индоевропейскомъ праязыкѣ, но представляетъ себѣ дѣло иначе, чѣмъ я). Если мы обратимъ вниманіе на то, что балтійскіе аффиксы $\bar{a}^{0}$ и $\bar{e}$ тамъ, гдѣ они не изъ стяженія двухъ гласныхъ, указываютъ на индоевропейскую длительную долготу, и что то же качество долготы существовало и въ аффиксахъ $\bar{a}^{a}$ и $\bar{a}^{e}$ въ именахъ женскаго рода, то мысль о тождествѣ по происхожденію этихъ аффиксовъ въ именахъ и глаголахъ пріобрѣтаетъ въ нашихъ глазахъ тѣмъ большую вѣроятность. Далѣе, мнѣ кажется, вполнѣ правы тѣ лингвисты, которые принимаютъ для индоевропейскаго праязыка чередованіе суффиксовъ *ā* и *āi* въ именахъ. Отношеніе между *āi* и *ā* представляется мнѣ въ томъ видѣ, что *ā* является звуковымъ варіантомъ дифтонга *āi*, а дифтонги съ долгой носовой гласной теряли въ индоевропейскомъ праязыкѣ при этихъ-то не вполнѣ для насъ ясныхъ условіяхъ въ положеніи передъ согласной свою неслоговую часть; такимъ образомъ, при дифтонгѣ *āi*, являвшемся въ основѣ настоящаго времени, въ по-

ложеніи передъ «тематическою» гласною $a^0/^e$, въ основѣ неопредѣленнаго (и въ нѣкоторыхъ другихъ формахъ) являлось между прочимъ въ сильномъ, звуковомъ видѣ $\bar{a}$. Что касается основы настоящаго времени, то здѣсь въ окончаніи основы существовалъ именно старый дифтонгъ $\bar{a}i$, распадавшійся передъ гласной $a^0/^e$ на сочетаніе $\bar{a}+\underset{\smile}{i}$, примыкавшее въ слоговомъ отношеніи къ слѣдующему слогу, т.-е. другими словами здѣсь существовало сочетаніе $\bar{a}\underset{\smile}{i}a^0/^e$. Самъ глагольный корень представлялъ, понятно, слабый звуковой видъ. Такъ я представляю себѣ вопросъ объ индоевропейскихъ основахъ разсматриваемаго типа, не имѣвшихъ значенія кратности. Что же касается второго класса разсматриваемыхъ основъ, именно основъ съ сильнымъ звуковымъ видомъ корня и съ значеніемъ кратности, то я вижу въ нихъ извѣстное новообразованіе самого индоевропейскаго праязыка, возникшее здѣсь изъ смѣшенія основъ съ сильнымъ звуковымъ видомъ корня и слабымъ звуковымъ видомъ суффикса (т.-е. $\bar{i}$) и основъ съ слабымъ звуковымъ видомъ корня и сильнымъ звуковымъ видомъ суффикса (т.-е. $\bar{a}i$ и $\bar{a}$). Затѣмъ эти новыя основы получили особое значеніе и окончательно отдѣлились отъ основъ перваго типа, которыя всюду провели слабый звуковой видъ корня. Остается объяснить еще, почему въ разсматриваемыхъ основахъ мы находимъ въ сильномъ звуковомъ видѣ гласную a^0 ряда $a^e : a^0$, а частію и такъ-называемую *Dehnstufe*. Отвѣта на этотъ вопросъ я пока не могу дать, такъ какъ для меня пока вообще неясны условія возникновенія въ самомъ индоевропейскомъ праязыкѣ какъ чередованія $a^0 : a^e$, такъ и *Dehnstufe*.

Теперь мнѣ остается сказать о томъ, какъ я представляю себѣ появленіе каузативныхъ основъ разсматриваемаго типа въ балтійскихъ языкахъ. Мнѣніе Г. К. Ульянова я не могу принять въ его цѣломъ, такъ какъ для меня представляется маловѣроятной возможность смѣшенія двухъ типовъ основъ, гдѣ связующую роль играло сходство суффиксовъ $a^eia^0/^e$ и $\bar{a}^eja^0/^e$ (старые каузативы). Мнѣ кажется, дѣло происходило такъ: посредствующимъ звеномъ, вызвавшимъ смѣшеніе кратныхъ основъ и старыхъ каузативовъ, а затѣмъ и полное вытѣсненіе послѣднихъ въ общебалтійскомъ языкѣ, было сходство по отношенію къ тому, что тотъ и другой классъ основъ имѣлъ слабымъ звуковымъ видомъ суффикса гласную *i* (краткую и долгую въ каузативахъ). Этимъ же объясняется и связь каузативовъ съ образованіями на *-yju* (ср. Gr. II, p. 1143 sq.).

Перехожу теперь къ второй категоріи основъ, именно къ основамъ на *ēa* изъ болѣе стараго *ēi̯a*. Какъ я замѣтилъ уже выше, эти основы сохранились въ качествѣ основъ настоящаго времени лишь въ прусскомъ языкѣ, ни литовскій, ни латышскій языкъ ихъ не знаютъ въ этомъ ихъ употребленіи. Дѣло въ томъ, что и эти основы, подобно основамъ на *ā⁰a*, еще въ общебалтійскомъ (и даже литовскославянскомъ) языкѣ получили особое употребленіе въ формѣ прошедшаго времени, т.-е. форма несигматическаго прошедшаго отъ упомянутыхъ основъ получила въ общебалтійскомъ языкѣ значеніе прошедшаго отъ соотвѣтственныхъ по корню непроизводныхъ основъ (въ общеславянскомъ языкѣ такое употребленіе получила форма сигматическаго аориста; подвергшись затѣмъ извѣстнымъ новообразованіямъ, она дала ту форму прошедшаго, которая носитъ названіе имперфекта). Въ виду того, что основы на *ēa* въ прусскомъ языкѣ представлены нашими источниками довольно скудно, я отлагаю разсмотрѣніе ихъ до того отдѣла, гдѣ буду говорить объ основахъ на *ēa* въ формѣ прошедшаго.

Вторая группа разсматриваемыхъ производныхъ основъ имѣла въ общебалтійскомъ языкѣ въ составѣ суффикса *j* изъ индоевропейскаго *j*, и только по отношенію къ основамъ на *īja* можетъ представляться вопросъ, не имѣемъ ли мы здѣсь дѣла, по крайней мѣрѣ, частію съ старымъ *i̯*, которое въ такомъ фонетическомъ положеніи вообще не можетъ быть отличаемо въ балтійскихъ языкахъ отъ индоевропейскаго *i̯*.

Основа на *āja* и въ литовскомъ и латышскомъ яз. представляютъ значенія кратности и фактитивности. Примѣрами могутъ служить: лит. *głobôju*, *łankôju* при *łankiôju*, *neszіôju*, *vadżôju*, *vâlkioju*, *rânkioju*, *karôju*; лат. *glabȁju*, *lůkȁju*, *nesȁju*, *vadȁju*, *vałkȁju* *karȁjů̂s* и т. п. Изъ этихъ примѣровъ можно усмотрѣть, что въ литовскомъ языкѣ, въ противоположность латышскому языку, при кратномъ значеніи суффиксу *ā⁰a* обыкновенно предшествуетъ *i*; основы безъ этого послѣдняго съ кратнымъ значеніемъ сравнительно немногочисленны (см. *Leskien*, *Ablaut*, p. 437), въ латышскомъ же языкѣ, наоборотъ, основы съ *i* сравнительно рѣдки (см. Ульяновъ, знач. II, стр. 2 сл.). Съ разсматриваемыми основами балтійскихъ языковъ тождественны по происхожденію славанскія кратныя основы на *-āj̨o*. Обычное мнѣніе

объ этихъ основахъ состоитъ въ томъ, что они отыменнаго происхожденія (Бругманъ, Лескинъ).

Если дѣйствительно и нельзя отрицать для части такихъ основъ такого именно происхожденія (напр. лит. *pãsakoju*), то это не даетъ намъ еще права смотрѣть такимъ же образомъ и на всѣ прочія образованія. Что касается значенія кратности, то въ этомъ отношеніи разсматривается образованія соприкасаются съ разсмотрѣнными уже основами на $\bar{a}a : \bar{i}$, и, мнѣ кажется, они находятся съ ними въ связи и по происхожденію, а именно въ нихъ я вижу основы на индоевроп. $\bar{a}^a ja^{0/e}$, которое являлось звуковымъ варіантомъ индоевроп. $\bar{a}^a i̯a^{0/e}$, т. е. я думаю, что индоевроп. *j* здѣсь получилось изъ *i̯* при извѣстнымъ фонетическихъ условіяхъ, а для меня вообще несомнѣнна связь по происхожденію этихъ звуковъ въ извѣстныхъ случаяхъ. Итакъ, я полагалъ бы, что балтійскія основы на $\bar{a}ja$ съ кратнымъ значеніемъ восходятъ къ индоевроп. кратнымъ основамъ на $\bar{a}^a ja^{0/e}$, существовавшимъ здѣсь при основахъ на $\bar{a}i̯a^{0/e}$. Этимъ объясняется, по моему мнѣнію, и звуковой видъ самого глагольнаго корня, являющійся въ основахъ на $\bar{a}^0 ja$ (см. выше). Что касается гласной *i*, которая, какъ мы видѣли, является въ литовскомъ языкѣ въ большинствѣ глаголовъ этого типа, то я не вижу въ литовскомъ сочетаніи *-ioja-* сочетанія стараго *i*, слабаго вида индоевроп. $\bar{a}i$, съ суффиксомъ *o*, индоевроп. $\bar{a}^a$, а примыкаю въ этомъ отношеніи къ Лескину, который приводитъ это *i* въ связь съ суффиксомъ именъ на литовскія *-ˈas* и *-ˈė*, при чемъ, въ связи съ моимъ общимъ взглядомъ на происхожденіе разсматриваемыхъ основъ, думаю, что это *i* распространилось по аналогіи и на кратныя основы. По поводу отыменныхъ основъ на $\bar{a}^0 ja$, я долженъ замѣтить, что отдѣляю ихъ по происхожденію отъ основъ съ значеніемъ кратности вижу въ нихъ индоевроп. отыменныя основы на $\bar{a}^a ja^{0/e}$, гдѣ $ja^{0/e}$ было суффиксомъ основы настоящаго времени. Наконецъ, фактитивные глаголы на $\bar{a}^a ja$, по моему мнѣнію, частію отыменнаго происхожденія, а частію принадлежатъ къ кратнымъ глаголамъ.

Перехожу теперь къ основамъ на балтійское *-ōja-*, откуда литовскія основы на *-ůja-*, латышскія основы на *-ůja-*. Большинство основъ этого типа представляетъ въ литовскомъ языкѣ фактитивное значеніе и только немногіе имѣютъ кратное значеніе; въ латышскомъ языкѣ, по указанію Биленштейна, основъ съ кратнымъ значеніемъ

24 на 148 фактитивныхъ основъ. Примѣрами могутъ служить: лит. *jůkůju*, лат. *jůkůju*; лит. *ãszarůju*, лат. *asarůju*; лат. *laipůju* и т. п. Что касается до опредѣленія точнаго значенія для каждаго отдѣльнаго случая, то это представляется дѣломъ нелегкимъ, для этого необходимо прослѣдить весь матеріалъ по текстамъ, при чемъ нельзя упускать изъ виду и различіе между отдѣльными діалектами. Показаніямъ составителей грамматикъ (напр. Биленштейна) безусловно довѣрять въ этомъ отношеніи нельзя. Какъ бы то ни было несомнѣннымъ фактомъ является наличность извѣстныхъ основъ на *ůja-* и въ литовскомъ, и въ латышскомъ языкѣ съ значеніемъ кратности. Если мы обратимся къ родственнымъ языкамъ, то лишь въ греческомъ языкѣ найдемъ отыменные глаголы на -ɔω. Бругманъ (Гр. II, p. 1112) допускаетъ, что какъ балтійскіе глаголы на *-ůju*, такъ и греческіе глаголы на -ɔω представляютъ новообразованія отдѣльныхъ языковъ, оставляя, впрочемъ, открытымъ вопросъ, не представляетъ ли древнеиндійскій языкъ въ классѣ глаголовъ на *-ā́ya-* нѣкоторыхъ относящихся сюда образованій (*ā́* изъ индоевроп. a^0 по извѣстному закону). Я не склоненъ смотрѣть на упомянутыя образованія такъ, какъ смотритъ на нихъ Бругманъ. Мнѣ представляется, съ одной стороны, болѣе вѣроятнымъ, что отыменныя основы на $a^0ja^0/^e$ существовали въ самомъ индоевропейскомъ праязыкѣ хотя здѣсь, правда, извѣстны были въ большинствѣ случаевъ образованія отыменныхъ основъ на $a^0/^e$ по другому типу; съ другой стороны, я не могу считать балтійскія основы на *-ůja-* непосредственнымъ продолженіемъ индоевропейскихъ основъ на $a^0ja^0/^e$. Я думаю, именно, что въ балтійскихъ языкахъ произошло смѣшеніе двухъ классовъ производныхъ глаголовъ, т. е. отыменныхъ глаголовъ на индоевроп. $-a^0ja^0/^e-$ и глаголовъ съ производными основами на $\bar{a}^0ja^0/^e$, а суффиксъ $\bar{a}^0$, надо полагать, существовалъ въ индоевропейскомъ праязыкѣ, хотя, можетъ быть, основы съ этимъ послѣднимъ суффиксомъ и представляли новообразованіе самаго индоевроп. праязыка.

Смѣшеніе въ балтійскихъ языкахъ основъ съ индоевропейскими суффиксами $a^0ja^0/^e$ и $\bar{a}^0ja^0/^e$ произошло въ силу вліянія, которое должны были оказывать на упомянутыя основы глаголы на $-\bar{a}^0ja-$. Принадлежало ли значеніе кратности искони основамъ на $\bar{a}^0ja^0/^e$, балтійское *ōja*, въ ихъ отличіе отъ основъ на старое a^0ja^0, сказать

трудно. Очень можетъ быть мы имѣемъ дѣло съ вліяніемъ основъ на балтійское $\bar{a}^{0}ja$.

Что касается балтійскихъ основъ на $-\bar{e}ja-$, то по отношенію къ нимъ точно также представляется вопросъ, насколько они могутъ считатся наслѣдіемъ праязыка. Въ самихъ балтійскихъ языкахъ между литовскимъ и латышскимъ языкомъ по отношенію къ разсматриваемымъ основамъ наблюдается то различіе, что въ литовскомъ языкѣ они вообще не часты, между тѣмъ какъ въ латышскомъ языкѣ довольно значительное число такихъ основъ съ фактитивнымъ значеніемъ. Если среди нихъ и дѣйствительно существуютъ нѣкоторыя основы съ значеніемъ кратности, то во всякомъ случаѣ это немногія отдѣльныя образованія. Примѣромъ могутъ служить: лит. *âuklėjù*, лат. *auklẽju;* лит. *genėju* (у Ширвида) при *genìù*; лат. *aũdzẽju*; и т. п. Съ балтійскими основами на $-\bar{e}ja-$ тождественны по отношенію къ суффиксу славянскія основы на $-\bar{i}ejo-$, а при такихъ основахъ существовали въ общеславянскомъ языкѣ также основы на $-\bar{i}eo-$ (въ старославянскомъ яз. такія основы сохранялись лишь діалектически, ср. напр. **оумѣлъ** въ Маріинскомъ Евангеліи.) Для индоевропейскаго праязыка мы должны предполагать производныя основы на $\bar{a}^{e}ja^{0}/_{e}$, частію на $\bar{a}^{e}i̯a^{0}/_{e}$. Отыменныя основы этого послѣдняго типа надо отличать отъ глагольныхъ основъ на $\bar{a}^{e}i̯a^{0}/_{e}$, о которыхъ я уже говорилъ. Балтійскіе языки, какъ мы только что видѣли, сохранили лишь основы на $\bar{a}^{e}ja^{0}/_{e}$, хотя я долженъ замѣтить, не всякая балтійская основа на $-\bar{e}ja-$ дѣйствительно такого происхожденія, т. е. принадлежитъ къ числу отыменныхъ основъ, старыхъ ли, или возникшихъ по ихъ аналогіи новообразованій. Мнѣ кажется, что въ балтійскихъ языкахъ сохранились слѣды индоевропейскихъ отглагольныхъ основъ на $\bar{a}^{e}ja^{0}/_{e}$, а послѣднія должны были здѣсь существовать при основахъ на $\bar{a}^{e}i̯a^{0}/_{e}$. Сюда, во-первыхъ, кромѣ немногихъ основъ на $\bar{e}ja$ съ значеніемъ кратности (см. *Bielenstein*, Lett. Spr. I, p. 410), принадлежатъ тѣ основы на $\bar{e}ja$, которыя являются въ глаголахъ состоянія параллельно съ другими основами; примѣрами могутъ служить лит. *skę̂rdėju* при *skę̂rdžu*, *skę̂ndėju* при *skęstù*, *siautėju* при *siaũczù*, *siaũsti*. Во-вторыхъ, фактитивные основы на $\bar{e}ja$ также, надо думать, не отыменнаго происхожденія. Ихъ особенно много въ латышскомъ языкѣ, въ литовскомъ же языкѣ ихъ

меньше, а кромѣ того нѣкоторыя изъ нихъ существуютъ лишь въ діалектахъ (напр. лит. *ravêju* (при *ravìù*) извѣстно въ разныхъ говорахъ, между тѣмъ какъ напр. *geneju* засвидѣтельствовано лишь діалектически (говоры восточнолитовскаго нарѣчія). Наконецъ, въ третьихъ, отглагольныя основы на *ėja* являются и въ формѣ прошедшаго времени, но объ немъ я буду говорить впослѣдствіи. Что касается славянскихъ языковъ, то основы на общеславянское *-ējo-* здѣсь, повидимому, лишь отыменнаго происхожденія. Въ самомъ индоевропейскомъ праязыкѣ, какъ я уже указывалъ, надо думать, существовали основы на $\bar{a}^e ja^{0/e}$, производныя отъ глагольныхъ основъ. Въ пользу этого мнѣнія свидѣтельствуютъ италійскіе и германскіе языки, гдѣ основы класса готскаго *haban* принадлежатъ къ основамъ разсматриваемаго типа. Я замѣчу по поводу этихъ готскихъ основъ только то, что вслѣдъ за Ф. Ѳ. Фортунатовымъ мы должны видѣть въ нихъ основы не индоевропейскаго нетематическаго спряженія, какъ то дѣлаетъ большинство лингвистовъ. Правда, италійскіе и германскіе языки не позволяютъ намъ различать индоевроп. *i̯* и *j* при данномъ фонетическомъ положеніи, но для меня представляется вполнѣ вѣроятнымъ то обстоятельство, что индоевропейскій праязыкъ зналъ здѣсь, какъ и въ отыменныхъ глаголахъ, основы на $\bar{a}^e ja^{0/e}$ и на $\bar{a}^e i̯a^{0/e}$.

Теперь скажу нѣсколько словъ объ отыменныхъ основахъ на *ēja* въ балтійскихъ языкахъ. Подобно всѣмъ другимъ основамъ такого происхожденія, и основы на $\bar{a}^e ja$ находились въ индоевропейскомъ языкѣ въ тѣсной связи съ извѣстными именными основами. Если мы будемъ искать такія отыменные основы, то встрѣтимся съ затрудненіемъ, такъ какъ мы могли бы при этомъ остановиться лишь на нѣкоторыхъ немногихъ «корневыхъ» основахъ, чередовавшихъ $\bar{a}^e i$ и $\bar{a}^e$, при чемъ $\bar{a}^e$ получилось здѣсь изъ дифтонга при извѣстномъ фонетическомъ положеніи. Это обстоятельство, повидимому, и заставило нѣкоторыхъ лингвистовъ отказаться отъ мысли видѣть въ балтійскихъ и славянскихъ основахъ разсматриваемаго класса старыя индоевропейскія основы. Мнѣ кажется, нѣтъ повода для такого скептицизма. Прежде всего нельзя, именно, забывать того, что морфологическія категоріи самого индоевропейскаго праязыка открываются нами уже далеко не въ первоначальномъ видѣ, а какъ результатъ длинной исторіи. Стремленіе сводить всѣ

факты праязыка къ наиболѣе простому ихъ виду, не оставленное вполнѣ еще и теперь, заставляло не разъ закрывать глаза на дѣйствительно данныя исторіею отдѣльныхъ языковъ факты. Такъ, и по отношенію къ разсматриваемымъ основамъ приходится отказаться отъ мысли открыть непосредственно тѣ отыменныя основы, отъ которыхъ они произошли. Дѣло можетъ объясняться проще: разъ существовали отыменныя основы на $\bar{a}^{a}\hat{i}a^{0/e}$, $\bar{i}\hat{i}a^{0/e}$, $\bar{u}\hat{i}a^{0/e}$, то легко могли возникнуть и основы на $\bar{a}^{e}\hat{i}a$ при основахъ на $a^{e}\hat{i}a$ по аналогіи отношеній $\bar{a}^{a}\hat{i}a^{0/e} : \breve{a}^{a}\hat{i}a^{0/e}$, $\bar{i}\hat{i}a^{0e} : \breve{i}\hat{i}a^{0/e}$, $\bar{u}\hat{i}a^{0/e} : \breve{u}\hat{i}a^{0/e}$.

Въ связи съ образованіями на *ēja* я скажу нѣсколько словъ о латышскихъ глаголахъ на *-u : -ėt* съ «фреквентативнымъ» значеніемъ (*Bielenstein*, Lett. Spr. I, p. 441 sq.), большинство приведенныхъ имъ здѣсь образованій несомнѣнно не представляетъ этого значенія и принадлежитъ частію къ разсмотрѣнному нами выше классу латышскихъ основъ на *-u : ėt* (стр. 127), частію же принадлежитъ по происхожденію къ отыменнымъ глаголамъ на *ēja* (*-bālėt* и др.). Только по отношенію къ немногимъ глаголамъ (напр. *dairėtes*) можетъ возникнуть вопросъ, нельзя ли видѣть въ нихъ остатки общебалтійскихъ кратныхъ глаголовъ на *ēa*.

Теперь я долженъ остановиться на тѣхъ случаяхъ, гдѣ производныя основы на *ēja* представляютъ въ положеніи передъ этимъ аффиксомъ еще аффиксъ *in*. Образованіе этого типа извѣстны изъ литовскаго языка, гдѣ они представляютъ кратное значеніе. Примѣрами могутъ служить. *tekinėju, lakinėju, pirkinėju* и т. п. Въ латышскомъ языкѣ, какъ мнѣ уже приходилось упоминать, мы находимъ лишь образованія основъ настоящаго времени на *-ina-* при чемъ въ прочихъ формахъ времени и въ формѣ инфинитива являются основы на *-inà-*. Значеніе этихъ основъ не исключительно кратное, но значительная часть ихъ имѣетъ значенія фактитивное и каузативное; примѣрами могутъ служить: *jùdinu, jùdinàt* (этотъ глаголъ соединяетъ значенія кратное и фактитивное), (ср. лит. *jodinėju*); *klupinu, klupinàt* (ср. лит. *klupinėju*); *kabinu, kabinàt* (ср. лит. *kabinù*); *maldinu, maldinàt* (каузативные глаголы съ такимъ образованіемъ основы представляютъ въ окончаніи глагольнаго корня *d*, о происхожденіи котораго я говорилъ выше).

И литовскій языкъ имѣетъ, хотя и въ ограниченномъ числѣ

и, повидимому, не во всѣхъ діалектахъ, фактитивныя основы на *-ino-* (ср. лат. *inâ*); приведу въ качествѣ примѣровъ *stiprinôju, stiprinôti; linksminôju, linksminôti*; изъ старыхъ текстовъ нѣкоторыя относящіяся сюда образованія см. у Бецценбергера (Gesch., p. 193 sq.). Наконецъ, я вслѣдъ за проф. Ульяновымъ вижу такія же основы въ прусскомъ языкѣ (см. Знач. I, стр. 55, прим.). Что касается вопроса о происхожденіи разсматриваемыхъ образованій, то, мнѣ, кажется, нельзя не видѣть въ нихъ новообразованія самихъ балтійскихъ языковъ, возникшаго еще въ эпоху общебалтійскую. Понять его можно слѣдующимъ образомъ. Выше (стр. 129 сл.) я уже указалъ на то, что въ балтійскіе языки перешли изъ индоевропейскаго праязыка основы на *ina* и *ena* между прочимъ съ фактитивнымъ значеніемъ. Съ фактитивнымъ же значеніемъ здѣсь существовали основы на $\bar{a}^0ja$ и $\bar{e}ja$. Легко поэтому могли возникнуть здѣсь основы и на $in\bar{a}^0ja$, $in\bar{e}ja$. Остается объяснить теперь появленіе значенія кратности. Мнѣ кажется, основы на *-ina-* этого значенія первоначально не имѣли и сами могли получать его подъ вліяніемъ новыхъ основъ на $in\bar{a}^0ja$ и $in\bar{e}ja$ (см. стр. 132), а въ этихъ послѣднихъ это значеніе появилось подъ вліяніемъ основъ съ аффиксомъ $\bar{a}^0$ и $\bar{e}$ (кратныя основы на $\bar{a}^0a$, какъ мы видѣли, сохраняются и понынѣ, кратныхъ же основъ на $\bar{e}a$ мы въ настоящее время не находимъ). Затѣмъ, въ литовскомъ и латышскомъ языкахъ исторія разсматриваемыхъ основъ была далѣе слѣдующая: въ литовскомъ яз. значительное распространеніе получили лишь кратныя основы на $in\bar{e}ja$, въ латышскомъ же удержались основы на *-inâ-*, при томъ въ виду спеціальныхъ фонетическихъ условій латышскаго языка, на которыя указалъ уже Лескинъ (*Ablaut*, p. 436) здѣсь эти послѣднія основы вступили въ тѣсную ассоціацію съ основами на *ina*, и въ результатѣ явилось такое соотношеніе: основы на *ina* въ формѣ настоящаго времени и основы на *inâ* въ прочихъ формахъ времени и въ неопредѣленномъ. О судьбѣ разсматриваемыхъ основъ въ прусскомъ языкѣ говорить, понятно, не приходится. Въ заключеніе я долженъ замѣтить, что и отыменныя основы на *ina* послѣдовали аналогіи отглагольныхъ основъ этого типа.

Наконецъ, мнѣ остается разсмотрѣть производныя основы на *-$\bar{i}$ja-*. Вопросъ объ этихъ основахъ осложняется съ одной стороны, тѣмъ обстоятельствомъ, что, какъ уже было указано (стр. 133), бал-

тійской *j* здѣсь самъ по себѣ не рѣшаетъ вопроса о томъ, произошелъ ли онъ изъ индоевроп. *i̯* или индоевроп. *j*, а съ другой стороны, нельзя упускать изъ виду, что въ числѣ основъ на *ī̆ja* въ балтійскихъ языкахъ не мало заимствовано изъ славянскихъ языковъ (см. *Leskien*, *Ablaut*, p. 441). Въ индоевропейскомъ праязыкѣ несомнѣнно существовали производныя основы на *ī̆ia°/ᵉ* (Gr. II. p. 1112) и, какъ я думаю, также и на *ī̆ja°/ᵉ*. Славянскіе языки не представляютъ образованій основъ настоящаго времени, тождественныхъ съ балтійскими. Какъ бы то ни было однако, нѣтъ повода сомнѣваться въ томъ, что въ балтійскіе языки перешли отыменные глаголы съ основами настоящаго времени на *ī̆ja* изъ индоевропейскаго праязыка, хотя, само собою разумѣется, значительная часть глаголовъ на *ī̆ja* болѣе новаго происхожденія, частью именно съ такимъ образованіемъ основы являются заимствованія изъ славянскихъ языковъ. Представляется при этомъ, однако, вопросъ, не существовали ли въ индоевроп. праязыкѣ отглагольныя основы на *ī̆ja?* Отвѣтъ, по моему мнѣнію, можетъ быть только отрицательный. Родственные языки не сохранили никакихъ указаній на такія основы, и, слѣдовательно, тѣ основы балтійскихъ языковъ, (именно латышскаго языка), которыя могли бы сами по себѣ считаться отглагольными, должны объясняться иначе. Въ самомъ дѣлѣ, мнѣ кажется, Лескинъ вполнѣ правъ, утверждая, что такія образованія, какъ латышское *pèlnīju*, *pèlnīt*, представляютъ результатъ смѣшенія основъ на *-ā^a-* : *- -ī̆-*, *-ina-* и *-ī̆ja-* : *-ī̆-*. Причина была чисто фонетическая: сочетаніе *in* въ положеніи передъ согласной по латышски должно было обратиться по звуковымъ глаголамъ въ результатѣ въ *ī̆* (см. *Ablaut*, p. 441).

Перехожу теперь къ производнымъ основамъ на *-auja-*. Латышскій языкъ такихъ основъ не знаетъ, а что касается прусскаго языка, то на основаніи скудныхъ примѣровъ нельзя дѣлать никакихъ дальнѣйшихъ заключеній. Такимъ образомъ остается собственно только литовскій языкъ. Основы на *-auja-* здѣсь или отыменнаго происхожденія, или представляютъ собою отглагольныя основы съ значеніемъ кратности. Примѣрами могутъ служить: 1) *vẽszpatâuju* (*vẽszpats*), *szẽnâuju* (*szẽnas*), *karalâuju* (*karãlius*), *kariâuju* (*karas*) съ нефонетическимъ смягченіемъ *r*, явившимся здѣсь по аналогіи та-

кихъ основъ, какъ *karaliáuju*, *kelâuju* и т. п.; 2) *geidâuju* (*geidžù*), *szûkauju* (*szaukiù*), *vìrkau ju*(*verkiù*), *žvîngauju* (*žvengiù*) и т. п. Если мы обратимся къ родственнымъ языкамъ, то найдемъ, что съ литовскими основами на *-auja-* тождественны по отношенію къ суффиксу славянскія основы на *-ŭjo-*. Бругманъ высказалъ мысль, что основы разсматриваемаго типа (отыменнаго происхожденія) находятся въ связи не съ основами на *-u-* а съ основами на *-a°va°/e-* (Gr. II, p. 1133). Мнѣ кажется дѣйствительно врядъ ли есть основаніе видѣть здѣсь въ дифтонгѣ *-au-* сильный видъ суффикса *-u-*, такъ какъ насколько намъ извѣстно, отъ именныхъ основъ на *i* и *u* глагольныя основы образуются именно съ суффиксомъ въ слабомъ его звуковомъ видѣ. Что касается спеціально балтійскихъ (литовскихъ) основъ на *-auja-* не отыменнаго происхожденія, то они, очевидно, вторичнаго происхожденія, и, какъ о томъ свидѣтельствуетъ качество ударенія корневой части большинства относящихся сюда образованій, находятся въ связи по происхожденію съ кратными основами на *-au-*, *-oti-*.

Въ числѣ разсмотрѣнныхъ нами типовъ производныхъ основъ въ балтійскихъ языкахъ находятся какъ отглагольныя, такъ и отыменныя основы, при чемъ, однако, весь запасъ этихъ послѣднихъ не исчерпывается относящимися сюда образованіями. Дѣло въ томъ, что нѣкоторое число отыменныхъ основъ представляетъ образованіе основы по другимъ типамъ разобранныхъ мною въ предыдущихъ отдѣлахъ, но для того, чтобы не нарушать порядка изложенія, я выше ихъ не касался, здѣсь же я скажу объ нихъ нѣсколько словъ.

Прежде всего надо отмѣтить тотъ фактъ, что ни въ балтійскихъ, ни въ славянскихъ языкахъ нельзя указать достовѣрныхъ примѣровъ отыменныхъ основъ типа древнеиндійскаго *raǧasyáti*. Это обстоятельство уже замѣчено Бругманомъ (Gr. II, p. 1132) и, надо думать, находится въ связи съ утратою языками этихъ двухъ группъ большинства именныхъ основъ, оканчивавшихся на согласныя, при чемъ и тѣ немногія вообще основы этого типа, которыя продолжаютъ сохраняться, по отношенію къ образованію формъ склоненія въ значительной степени послѣдовали аналогіи другихъ основъ.

Затѣмъ, что касается основъ на *-ina-*, то, какъ я уже замѣтилъ выше, нѣкоторая ихъ часть находится въ связи по происхожденію съ извѣстными именными основами (примѣры можно найти

у Лескина въ *Ablaut*, p. 432 sq.), при чемъ нельзя не упомянуть о томъ, что часть основъ на *-ina-*, разсмотрѣнная выше (стр. 129 сл.), несомнѣнно не находится въ связи по происхожденію съ именными основами, разумѣя эту связь въ томъ именно смыслѣ, въ какомъ мы называемъ отыменными основы напр. на *-ā^{a}i̯a^{o}/^{e}-*; этимъ, однако, я ничего не предрѣшаю относительно болѣе общаго вопроса, въ какомъ отношеніи къ именнымъ основамъ находятся по происхожденію вообще всѣ глагольныя основы индоевропейскаго праязыка, за исключеніемъ тѣхъ, которыя возникли несомнѣнно въ болѣе позднія эпохи жизни этого языка и которыя составляють классъ такъ называемыхъ отыменныхъ основъ (у Бругмана jüngere Schicht der Denominativa). Относительно другой части основъ на *-ina-* сказать этого нельзя и напр. такіе глаголы, какъ литовскіе *taũkinti*, *krùvinti* несомнѣнно отыменнаго происхожденія, притомъ довольно поздняго. Какъ я думаю, такіе глаголы возникли въ балтійскихъ языкахъ по аналогіи старыхъ основъ на *-ina-* съ каузативнымъ и фактитивнымъ значеніемъ, при чемъ дѣйствіе аналогіи распространялось дальше и въ результатѣ появились такіе глаголы, которые уже не находятся въ непосредственной связи съ какими бы то ни было именными образованіями на *-ina-*. Въ виду этого послѣдняго обстоятельства такія основы не легко выдѣлить изъ общей массы каузативовъ и фактитивовъ на *-ina-*; примѣромъ можетъ служить лит. *sat̃dinu*, лат. *sat̓dinu*.

Въ-третьихъ, не вполнѣ яснымъ представляется мнѣ происхожденіе литовскихъ основъ съ аффиксомъ *-ter-*, частію *-tel-* и латышскихъ основъ съ аффиксами *-er-*, *-el-*, принадлежащихъ по значенію къ разряду деминутивномоментальныхъ глаголовъ (Г. К. Ульяновъ считаетъ ихъ кратными, но Ф. Ѳ. Фортунатовъ основательно указываетъ на ошибочность такого опредѣленія значенія этихъ глаголовъ, Кр. Разб. стр. 73 сл.). Бругманъ (Gr. II, p. 1133) предполагаетъ, что литовскія основы съ аффиксами *-ter-*, *-tel-* находятся въ связи съ *nomina agentis* на *-ter*, *-tel*, при чемъ ставятъ вопросъ, нельзя ли въ такомъ случаѣ видѣть въ нихъ основы типа древнеинд. *raǵasyáti*. Родственные языки такихъ образованій не знаютъ, а потому, мнѣ кажется, слѣдуетъ считать упомянутые основы балтійскихъ языковъ новообразованіями этихъ послѣднихъ. Мнѣніе Бругмана я принять не могу уже по той причинѣ, что какъ разъ въ балтій-

скихъ языкахъ категорія индоевропейскихъ *nomina agentis* съ суффиксами *-ter-*, *-tel-* представлены лишь немногими отдѣльными образованіями. Помимо этого для меня неясна была бы все-таки связь по значенію деминутивномоментальныхъ глаголовъ и *nomina agentis*. Итакъ, отказываясь принять мнѣніе Бругмана, я предлагаю слѣдующее рѣшеніе вопроса, которое, представляется мнѣ довольно вѣроятнымъ. Именно, если мы обратимъ вниманіе на то, что деминутивные глаголы съ аффиксами *al*, *ur*, *ul*, о которыхъ я говорю ниже, находятся въ несомнѣнной связи по происхожденію съ именными основами, представляющими, по крайней мѣрѣ въ извѣстной части, деминутивное значеніе, и если мы будемъ исходить изъ того положенія, что болѣе древними видами разсматриваемыхъ аффиксомъ являются *er*, *el*, то мы весьма легко придемъ къ тому, чтобы связать разбираемые глаголы именно съ уменьшительными именами съ аффиксомъ *el*, при чемъ удовлетворительно объяснялось бы и образованіе основы настоящаго времени съ аффиксомъ *'a*. Что касается спеціально аффикса *er*, то, можетъ быть, онъ возникъ при аффиксѣ *el* частію подъ вліяніемъ диссимиляціи, частію по аналогіи суффиксовъ *ur*, *ul*; съ аффиксомъ *-eras*, *-eris* я не рѣшился бы связать его непосредственно въ виду того, что и въ литовскомъ, и въ латышскомъ яз. такихъ именъ очень немного, и они не представляютъ деминутивнаго значенія. Наконецъ, относительно *t*, являющагося правильно въ литовскомъ языкѣ въ соединеніи съ *er*, *el* и извѣстнаго въ латышскомъ языкѣ въ немногихъ отдѣльныхъ глаголахъ (см. у Биленштейна, *Lett. Spr.* I, p. 411 sq.), я долженъ замѣтить, что появленіе его легко понять, принявъ перенесеніе его по аналогіи, при чемъ исходнымъ пунктомъ послужили тѣ глаголы, гдѣ самъ корень оканчивался на *t*. Въ латышскомъ яз. является въ сочетаніи съ разсматриваемыми аффиксами и *d* (напр. *jàdelêt*), играющее вообще значительную роль въ спряженіи балтійскаго глагола. Въ заключеніе я сдѣлаю нѣсколько указаній на то, по какому типу разсматриваемые глаголы образуютъ въ балтійскихъ языкахъ основы настоящаго времени. Въ литовскомъ языкѣ эти глаголы вообще рѣдко употребляются въ формѣ настоящаго времени; при этомъ суффиксомъ этой основы является литовское *'a*, такъ что въ полномъ видѣ аффиксъ основы будетъ *-teria-*, *-tela-*; въ прочихъ формахъ спряженія основа оканчивается на *eja* : *ė*, а въ діалектахъ (годлевскомъ, по указанію

Бругмана, p. 313) является въ формѣ прошедшаго основа на *e* (*-teriau*, неопр. *terti*). Въ латышскомъ языкѣ основа настоящаго времени оканчивается у разсматриваемыхъ глаголовъ на *-ẽja-*

Въ четвертыхъ, я долженъ замѣтить, что для меня, какъ и для Лескина (*Ablaut*, p. 449), представляется несомнѣнной связь по происхожденію съ извѣстными именными основами глаголовъ съ аффиксами *-al-*, *-ur-*, *-ul-*, принадлежащихъ вообще къ деминутивному, по значенію, классу. Нельзя, однако, упускать изъ виду, что и по отношенію къ разсматриваемымъ основамъ сказалось дѣйствіе аналогіи. состоящее въ томъ, что извѣстная часть глаголовъ съ такимъ образованіемъ основы не находится въ связи съ какими бы то ни было именами и возникла лишь по аналогіи образованій перваго рода. Основа настоящаго времеои образуется съ аффиксомъ лит. *-oja-*, *ûja-*, лат. *ȧja*, *-ûija-*. Примѣры см. у Лескина *Ablaut*, p. 449 и особенно *Nomina*, p.p. 477 sq., 450, 490. Повидимому, и у глаголовъ съ аффиксомъ *ur* въ литовскомъ языкѣ извѣстно образованіе основы настоящаго времени по другому типу, ср. приводимыя Лескиномъ *glùdurti*, *kuturti* и т. п.

Въ заключеніе настоящаго отдѣла, посвященнаго исторіи отглагольныхъ и отыменныхъ основъ, я скажу нѣсколько словъ о явленіи, на которомъ мнѣ приходилось уже останавливаться, а именно объ утратѣ въ балтійскихъ языкахъ пропзводныхъ основъ съ каузативнымъ значеніемъ на индоевроп. $a^{e}ja^{o}/^{e}$ и о замѣнѣ ихъ образованіями другихъ типовъ. Именно на стр. 141 мною было указано, какъ я себѣ представляю тотъ путь, по которому происходило вытѣсненіе старыхъ каузативовъ образованіями на $\bar{a}^{o}a : \bar{i}$. Уже изъ предшествующаго изложенія можно усмотрѣть, что въ балтійскихъ языкахъ это не единственный типъ каузативныхъ глаголовъ; при разборѣ различныхъ образованій основы настоящаго времени я указывалъ и ихъ значенія; теперь я вкратцѣ сдѣлаю общій сводъ всему сказанному съ присоединеніемъ нѣкоторыхъ дополнительныхъ замѣчаній.

Въ литовскомъ языкѣ слѣдующіе типы производныхъ основъ настоящаго времени являются съ каузативнымъ и фактитивнымъ значеніемъ: 1) образованіемъ на *-au* : *-yti* (*tâikau*, *tâikyti*; *gimdaũ*, *gimdŷti*); 2) образованія на *-inu* : *-inti* (*bùdinu*, *bùdinti*; *kir̃sdinu*, *kir̃sdinti*); 3) образованія на *-inoju*, *-inoti* (*linksminôju*, *linksminôti*);

4) образованія на *-oju* : *-oti* (*sijôju*, *sijôti*); 5) образованія на *-uju* ; *-ûti* (*lingûju*, *lingûti*; 6 образованія на *-ėju*, *-eti* (*ravêju*, *ravêti*). Въ латышскомъ языкѣ указаннымъ образованіямъ литовскаго языка соотвѣтствуютъ по значенію, а частію и по формѣ слѣдующіе типы основъ: 1) образованія на *-inu* , *-inàt* (*budinu*, *budinàt*; *kaldinu*, *kaldinàt*), 2) образованія на *-àju* : *àt* (*sijàju* , *sijàt*); 3) образованія на *-ûju* : *-ût* (*mitûju*, *mitût*); 4) образованія на *-ėju* : *-ė* (*aùdzėju*, *aùdzė* при *aùdzinu*, *aùdzinàt*; 5) образованія на *-u* : *ìt* (*màcìju*, *màcit* ; *gùldìju*, *gùldìt*); 6) образованія на *-îju* : *-ît* (*murkîju murkît*). Что касается латышскихъ фактитивныхъ (немногочисленныхъ) основъ на *-îju* : *-ît*, то, какъ было сказано выше, въ нихъ нельзя не видѣть новообразованіе самого латышскаго языка. Далѣе, изъ предшествующаго изложенія видно, что латышскія каузативныя и фактитивныя основы на *-inà-*, являющіяся въ формѣ прошедшаго времени и въ инфинитивѣ, при основахъ на *-ina-* въ формѣ настоящаго времени, и литовскія основы на *-inoju*, также представляютъ собою новообразованія, можетъ быть, существовавшія уже въ діалектахъ общебалтійскаго языка. Литовскія и латышскія фактитивныя основы на общебалтійскія *-ā°ja-*, *-ōja-*, *-ējа-*, какъ мы видѣли выше, Лескинъ считаетъ по происхожденію отыменными основами (отыменными въ широкомъ смыслѣ этого термина, т.-е. сюда принадлежатъ какъ старыя отыменныя основы, такъ и новыя основы, возникшіе по ихъ аналогіи). Я, съ своей стороны, не нахожу возможнымъ согласиться съ этимъ мнѣніемъ и вижу въ нихъ старыя отглагольныя основы (см. выше). Насколько они первоначальны въ самомъ индоевропейскомъ праязыкѣ, было сказано выше, что же касается ихъ значенія, то оно было, надо думать, и здѣсь значеніемъ дѣйствія, производящаго извѣстное состояніе, т.-е. значеніе фактитивное въ тѣсномъ смыслѣ этого термина. Однако, это значеніе принадлежало такимъ основамъ не исключительно, а именно мы видѣли связь ихъ съ кратными основами. Въ дополненіе и разъясненіе сказаннаго по этому поводу выше, считаю нужнымъ прибавить слѣдующее замѣчаніе: по самому своему происхожденію разбираемыя основы имѣли, надо думать, фактитивное значеніе, при чемъ основы на индоевроп. $\bar{a}^a ja^{o/e}$ соприкасались съ кратными основами на $\bar{a}^a i̯a^{o/e}$, такъ какъ

при кратныхъ основахъ на $\bar{a}^a\underset{\smile}{i}a^{o/e}$ существовали и основы на $\bar{a}^aja^{o/e}$ съ тѣмъ же значеніемъ. Въ виду этого обстоятельства оба эти класса основъ на $\bar{a}^aja^{o/e}$ должны были смѣшаться, а въ результатѣ въ балтійскихъ языкахъ ихъ не легко отличать другъ отъ друга, такъ какъ, съ одной стороны, старое значеніе кратности въ извѣстныхъ основахъ можетъ утрачиваться въ теченіе жизни языка, а съ другой стороны, здѣсь существуетъ значительное количество отыменныхъ основъ съ фактитивнымъ значеніемъ. Въ этомъ именно смыслѣ надо понимать мои слова о фактитивныхъ глаголахъ на балтійское $\bar{a}^oja$ на стр. 143. Такимъ же образомъ объясняется и связь фактитивныхъ и кратныхъ основъ на $\bar{a}^eja^{o/e}$. Съ фактитивнымъ же значеніемъ были получены и извѣстныя основы на *-ina-* : *-in-*. Наконецъ, что касается каузативовъ и фактитивовъ на литовское *-au* : *-yti*, латышское *-u* : *ît*, то выше я вкратцѣ указалъ на тотъ путь, который, по моему мнѣнію; балтійскія языки пришли къ такимъ основамъ (стр. 141). Къ сказанному выше я долженъ прибавить еще нѣсколько замѣчаній, а именно прежде всего слѣдуетъ отмѣтить распространеніе въ балтійскихъ языкахъ звука *d* въ образованіи фактитивовъ и каузативовъ. Въ современномъ состояніи языка дѣло обстоитъ такъ, что лишь немногія глагольныя основы съ этимъ значеніемъ не представляютъ въ окончаніи самого корня звука *d* такого происхожденія. Какъ можно усмотрѣть изъ приведенныхъ мною въ надлежащихъ мѣстахъ примѣровъ въ балтійскихъ языкахъ довольно значительное число основъ на *-ina-* представляетъ такое же *d*, при этомъ слѣдуетъ обратить вниманіе на то обстоятельство, что основы на *-dina-* представляютъ нерѣдко значеніе, нѣсколько отличное отъ обычнаго фактитивнаго или каузативнаго значенія, именно, мы находимъ здѣсь вообще значеніе «заставлять, приказывать что-либо дѣлать», которое можетъ быть названо «динамическимъ» (терминъ этотъ мною заимствованъ изъ грамматики греческаго языка, гдѣ онъ употребляется въ другомъ значеніи). Такое «динамическое» значеніе можетъ легко развиться, съ одной стороны, изъ общаго дѣйствительнаго значенія, а съ другой стороны, и изъ общаго каузативнаго и фактитивнаго значенія. Первымъ путемъ пошелъ греческій языкъ (напр. ἀποκτείνω можетъ значить не только «убиваю», но и «приказываю убивать»), вторымъ путемъ шли балтійскіе языки.

Окончивъ изслѣдованіе балтійскихъ основъ настоящаго времени такъ-называемаго тематическаго спряженія, я обращусь теперь къ разсмотрѣнію остатковъ нетематическаго спряженія такихъ основъ, сохранившихся въ балтійскихъ языкахъ.

Подобно славянскимъ языкамъ, и балтійскіе языки, преимущественно литовскій языкъ, представляютъ лишь скудные остатки нетематическаго спряженія основъ настоящаго времени, при чемъ во многихъ случаяхъ сохраняются лишь отдѣльныя формы (1-го л. ед. ч. и 3-го л.), да и то наряду съ новообразованіями по тематическому спряженію. Такъ, если мы возьмемъ индоевроп. глагольный корень *a*^{e}*s-* , то найдемъ, что въ литовскомъ языкѣ въ его цѣломъ сохранилось нетематическое спряженіе во всѣхъ формахъ лица, хотя современные говоры знаютъ и здѣсь лишь отдѣльные формы (см. выше, въ главѣ II, гдѣ указаны и новообразованія по тематическому спряженію). Въ латышскомъ языкѣ сохраняются лишь отдѣльныя формы (см. 2-ую главу), при чемъ въ дополненіе къ сказанному отмѣчу форму *esmi*, найденную Биленштейномъ въ одномъ старомъ памятникѣ юридическаго содержанія (Leth. Spr. II, 120). Въ формѣ множественнаго числа латышскій языкъ не сохраняетъ нетематическаго спряженія ни у этой, ни у какой-либо другой глагольной основы, между тѣмъ какъ литовскій яз. имѣетъ такія образованія какъ отъ глагольнаго корня *es*, такъ и отъ нѣкоторыхъ другихъ корней (*deme*, *Welmies*,), *eite*, *miegte*, между тѣмъ какъ *dů̊stit* представляетъ новообразованіе: эти примѣры взяты изъ старыхъ текстовъ (*Bezzenberger*, *Gesch.* p. 198 sq.); другіе примѣры для множ. и дв. ч. изъ стараго языка изъ (*eĩme*, *ê̂dme*, *ê̂ste* и т. д.) см. въ грамматикѣ Шлейхера. Въ современныхъ говорахъ, насколько можно судить по имѣющимся даннымъ, формы нетематическаго спряженія сохраняются болѣе или менѣе лишь въ 1 и 2 л. ед. ч. и въ формѣ 3-го л.; въ годлевскомъ говорѣ напр. изъ характерныхъ формъ нетематическаго спряженія сохраняются лишь *asmù* (съ новообразованіемъ, о которомъ я говорилъ въ II-ой главѣ) да *aimè* въ значеніи повелительнаго наклоненія, при чемъ здѣсь же существуетъ новообразованіе для формы 3-го л. *ésa* (см. *Leskien-Brugmann*, p. 318); съ другой стороны, прусcколитовскій говоръ, являющійся въ грамматикѣ Куршита, знаетъ образованіе по нетематическому спряженію въ формахъ 1-го,

2-го л. ед. ч., 3-го л., а въ формахъ 1-го и 2-го л. мн. и 1-го и 2-го л. дв. ч., повидимому, въ живомъ языкѣ извѣстны лишь *eimè* и *eivà* въ значеніи повелительнаго наклоненія (*Kurschat*, Gr. p. 304 sq.). Наконецъ, что касается прусскаго яз., то намъ засвидѣтельствованы слѣдующія образованія по нетематическому спряженію 1-го л. ед. ч.: *asmai*, *asmau*, *asmu*; 2-го л. ед. ч. *assai*, *assei*, *asse*; *waissei*, *waisse*; 3-го л. *ast*, *astits*; *ēit*; *dāst*; *wīrst*; 1-го л. мн. *asmai*, *ēimai*; 2-го л. мн. *astai*, *asti*, *estei*.

Посмотримъ теперь, какіе изъ глаголовъ, сохраняющихъ нетематическое спряженіе въ балтійскихъ языкахъ (безъ отношенія къ тому, извѣстно ли намъ такое образованіе основы настоящаго времени въ одной, или нѣсколькихъ формахъ, а также безъ отношенія къ тому, сохраняются ли данныя образованія въ современномъ языкѣ, или засвидѣтельствованы лишь въ старыхъ текстахъ), представляютъ соотвѣтственное образованіе основы и въ родственныхъ языкахъ.

Что касается прежде всего глагольнаго корня балт. *es*, индоевроп. *a°s*, то нетематическое спряженіе, по свидѣтельству отдѣльныхъ индоевропейскихъ языковъ, существовало здѣсь еще въ праязыкѣ въ эпоху его распаденія, при чемъ, вѣроятно, извѣстны были и образованія по аналогіи глаголовъ тематическаго спряженія въ тѣхъ именно формахъ, гдѣ корень являлся въ слабомъ звуковомъ видѣ *s*. Такимъ образомъ я вмѣстѣ съ Бругманомъ считаю и причастіе **sąs*, засвидѣтельствованное въ старомъ литовскомъ языкѣ лишь въ формахъ косвенныхъ падежей (*Bezzenberger*, *Gesch.*, p. 223), индоевропейскимъ образованіемъ; ср. греч. ἐντ- вмѣсто стараго *ὀντ- по аналогіи всѣхъ прочихъ формъ, гдѣ въ началѣ было легкое придыханіе, слав. **сы**, **сѫшта** и т. д. (Ульяновъ, Основы, стр. 227. *Brugmann*, Gr. II p. 888—9). Итакъ, распространеніе тематическаго спряженія въ балтійскихъ языкахъ имѣло исходнымъ пунктомъ тѣ формы отъ глагольнаго корня индоевр. *a°s*, гдѣ онъ являлся въ слабомъ видѣ *s*. Далѣе, нужно имѣть въ виду, что и формы спряженія, имѣвшія первоначально сильный звуковой видъ корня, при энклитическомъ употребленіи являлись въ слабомъ звуковомъ видѣ; отсюда объясняются энклитическія общеславянскія образованія, а также и литовскія соотвѣтственныя формы, вошедшія въ составъ сложеній *nesmì*, *tèst tẽsti* (*tẽst* представляетъ сложеніе изъ *te* + *est*).

Что касается сильнаго звуковаго вида общебалт. *es*, индоевроп. *a°s*, то, какъ извѣстно, литовскій языкъ представляетъ здѣсь и долгую гласную, лит. *ēs-* является при *es-* въ формахъ двойственнаго и множественнаго чиселъ. Прерывистое качество долготы въ данномъ случаѣ служитъ для меня указаніемъ на то, что здѣсь мы имѣемъ дѣйствительно вліяніе утраченнаго перфекта, являющагося напр. въ древненнд. *āsa* (ср. *Wiedemann, Prät*, p. 134), а такое же вліяніе утраченнаго перфекта мы находимъ въ балтійскихъ и славянскихъ языкахъ и въ глаголахъ класса лит. *bė̂gu*, слав. **бѣгѫ**. По поводу литовсьаго діалектическаго *as-* , являющагося при *es-* въ другихъ діалектахъ, надо замѣтить, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ простымъ фонетическимъ явленіемъ, по которому въ извѣстныхъ говорахъ всякое начальное *e* обращается въ *a*.

Не перечисляя прочихъ глагольныхъ основъ, представляющихъ остатки нетематическаго спряженія въ балтійскихъ языкахъ (см. грамматики Шлейхера, Куршата, Биленштейна, «Основы», Ульянова, *Grundriss* Бругмана, *Geschichte* Бецценбергера; факты прусскаго яз. приведены мною выше), я остановлюсь на нѣкоторыхъ общихъ вопросахъ, возникающихъ по отношенію къ разсматриваемымъ фактамъ. Во-первыхъ, можно отмѣтить, что здѣсь является, какъ то и слѣдуетъ ожидать, обобщеніе старыхъ сильнаго и слабаго звукового вида корня, распредѣлявшихся въ индоевропейскомъ праязыкѣ правильно по формамъ числа и лица. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ мы находимъ именно сильный звуковой видъ; съ слабымъ звуковымъ видомъ являются напр. лит. *žyd-* , *lyd-* , при чемъ при *veizd-* мы находимъ и *vyzd-*. Я согласенъ съ Г. К. Ульяновымъ, что такія основы въ литовскомъ языкѣ получали слабый видъ корня подъ вліяніемъ параллельныхъ образованій по тематическому спряженію (лит. *žỹdžu*, *lydzìù*, *-vỹdžu*. Основы, стр. 228). Что касается прусскаго *wīrst*, то можетъ быть и здѣсь надо *ir* объяснять вліяніемъ параллельной основы тематическаго спряженія съ слабымъ звуковымъ видомъ (ср. лит. *virstù*). Во-вторыхъ, слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что въ балтійскихъ языкахъ сохраняются слѣды индоевропейскихъ основъ съ нетематическимъ спряженіемъ и съ удвоеніемъ, а именно литовское *dest*, равно какъ и *deste*, *desta*, указываетъ на старое *ded* изъ индоевроп. *da°dh*; славянское *dedie*, откуда стсл. **дѣжде-** , также предполагаетъ ту же основу. Что ка-

сается такихъ образованій отъ корня *dā⁰-*, какъ лит. *dů̂st*, то я вслѣдъ за Г. К. Ульяновымъ вижу здѣсь новообразованіе (Основы, стр. 233). Наконецъ, я долженъ сказать, что такія образованія, какъ лит. *gêmi*, лит. діал. *râumi*, *ê̂mi*, лат. *èmi* представляютъ новообразованія по аналогіи такихъ формъ, какъ лит. *dêmi*, *dů̂mi*, лат. *dů̂mi*, гдѣ не было *d*. (ср. Основы, стр. 232). Наконецъ, по отношенію къ нѣкоторымъ образованіямъ литовскаго языка можетъ возникнуть вопросъ, не имѣемъ ли мы дѣло съ новообразованіями по аналогіи глаголовъ съ старымъ нетематическимъ спряженіемъ; таково напр. лит. *snẽgt*, лит. *bẽgmi*, *kôsmi* (ср. Gr. II, p. 911 sq.).

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Образованіе основъ будущаго времени.

Основы будущаго времени въ литовскомъ и латышскомъ языкѣ представляютъ собою, какъ извѣстно, старыя индоевропейскія основы съ суффиксами *-s* и *-si̯a⁰/ᵉ*. Въ прусскомъ языкѣ эти индоевропейскія основы сохраняются лишь съ значеніемъ желательнаго наклоненія. Въ славянскихъ языкахъ старыя основы будущаго утрачены за исключеніемъ лишь единичнаго **бышлштєіє**. Слѣдуя мнѣнію Ф. Ѳ. Фортунатова, я принимаю, что разсматриваемыя основы представляли собою въ индоевропейскомъ праязыкѣ формы «третьяго» вида, и что форма настоящаго времени отъ такихъ основъ, обозначавшихъ наступленіе сочетанія признака, обозначаемаго глагольною основою, съ субъектомъ этого признака, получила значеніе будущаго времени. Примѣрами могутъ служить: лит. *dů̂si-* при діалектическомъ (въ формахъ 1 и 2-го л. мн. и дв. ч.) *dûs-*, лат. *dů̂si-*, пр. *boūsi-* и т. д. *) Нетематическое спряженіе основы будущаго времени сохраняется въ литовскомъ языкѣ въ формахъ 1 и 2-го л. дв.

*) Въ прусскомъ *sugausai* я не вижу, подобно, Бернекеру. (Pr Spr p. 226 sq.) стараго *sugaus(t)+ai*.

и мн. ч. діалектически и особенно широко распространено въ восточнолитовскомъ нарѣчіи. Бругманъ считаетъ нетематическое спряженіе основъ будущаго времени въ литовскомъ языкѣ остаткомъ стараго такъ-называемаго инъюнктива. Замѣчу кстати, что я не вижу въ литовскихъ *bùs*, *gaũs*, и т. п. образованіяхъ съ сокращеніемъ старой долготы, старыхъ **bûst*, **gâust*, такъ какъ сокращеніе произошло здѣсь при энклитическомъ употребленіи такихъ образованій, послѣ того, какъ отпало конечное *i*. Мнѣ кажется, однако, нѣтъ надобности прибѣгать къ такому объясненію : нетематическое спряженіе основъ съ суффиксомъ *s* могло существовать въ индоевропейскомъ праязыкѣ. Что касается звукового вида глагольнаго корня, то онъ въ балтійскихъ языкахъ тотъ же, что и въ формѣ неопредѣленнаго. Я представляю себѣ происхожденіе этого явленія слѣдующимъ образомъ: во всѣхъ производныхъ основахъ звуковой видъ корня былъ тождественъ и въ формѣ будущаго, и въ формѣ неопредѣленнаго, а кромѣ того по звуковому виду корня должны были совпадать основы этихъ формъ и въ части непроизводныхъ глаголовъ, такъ какъ при суффиксѣ *si̯a°/e*, балтійскомъ *si*, былъ полученъ слабый звуковой видъ въ основѣ, и тотъ же звуковой видъ основы существовалъ и въ цѣломъ рядѣ глаголовъ въ формѣ неопредѣленнаго; понятно, что и въ прочихъ случаяхъ должно было установиться полное совпаденіе въ этомъ отношеніи.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

Образованіе основъ прошедшаго времени.

Изъ сопоставленія отдѣльныхъ балтійскихъ языковъ вытекаетъ, что въ общебалтійскомъ языкѣ въ роли основъ формы прошедшаго являлись производныя основы на общебалтійское $\bar{a}^{0}a$ и $\bar{e}a$ *). Остав-

*) Не входя здѣсь въ подробности, замѣчу, что я не вижу никакихъ основаній принимать нетематическое спряженіе разсматриваемыхъ основъ, по тѣмъ же самымъ соображеніямъ, которыя были высказаны мною выше по поводу соотвѣтственныхъ основъ настоящаго времени.

ляя пока въ сторонѣ вопросъ о позднѣйшихъ явленіяхъ, возникшихъ въ отдѣльномъ существованіи разсматриваемыхъ языковъ, я остановлюсь сперва на фактахъ эпохи ихъ единства.

Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что основы съ суффиксами *ā°a* и *ēa*, являющіяся въ формѣ прошедшаго времени, не существовали вообще въ общебалтійскомъ языкѣ въ формѣ настоящаго; о нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ см. выше (стр. 137), гдѣ указана и причина этого явленія. По поводу основъ прусскаго языка типа *billē-* въ значеніи основъ настоящаго времени я не могу сказать ничего опредѣленнаго. Можетъ быть, такіе случаи, какъ *billē*, *billēmai* и т. п. въ значеніи формъ настоящаго времени и не принадлежали самому прусскому языку, а представляютъ собою недоразумѣнія, которыхъ вообще довольно много въ имѣющихся у насъ текстахъ. Что касается звуковаго вида самаго глагольнаго корня въ соединеніи съ упомянутыми суффиксами, то нужно замѣтить слѣдующее: по указанію Ф. Ѳ. Фортунатова (Кр. Разб., стр. 57 сл.) основы прошедшаго времени отъ корней ряда $a^e/^0$, имѣвшихъ основы настоящаго времени съ суффиксомъ $a^e/^0$, имѣли при сильномъ звуковомъ видѣ корня въ составѣ суффикса *ē*, въ противномъ случаѣ *ā°*. Такое распредѣленіе существовало здѣсь уже въ литовскославянскомъ языкѣ (ср. лит. *nẽszė*, *vẽde*, *kãse* съ старослав. **несѣахъ**, **ведѣахъ**, **можаахъ** и т. п. а, съ другой стороны, лит. *lìpo*, *bùvo*, старослав. **жьдаахъ**, **съсаахъ** и т. п.; отъ корней съ долгими гласными (съ длительной долготой) въ балтійскихъ языкахъ существуютъ основы обоихъ типовъ (ср. лит. *ė̂dė* и *ė̂do*, *bė̂go*); въ славянскихъ языкахъ извѣстны только образованія съ *ē* : стсл. **живѣахъ**, **крадѣахъ**. Мнѣ кажется, основы съ $\bar{a}^e$ въ этомъ послѣднемъ случаѣ представляютъ собою новообразованіе балтійскихъ языковъ. Если мы обратимся теперь къ основамъ прошедшаго времени отъ глаголовъ, имѣющихъ основы настоящаго времени съ старымъ суффиксомъ $ja^0/^e$, то найдемъ, что основы этого типа представляютъ въ суффиксѣ *ē* (лит. *braukiaũ*, лат. *braũcu*). По отношенію къ звуковому виду глагольнаго корня надо сдѣлать слѣдующія замѣчанія : 1) глаголы, у которыхъ корень оканчивается на *r*, *l*, *m*, мы находимъ при краткой гласной въ основѣ настоящаго времени долгую гласную съ старой длительной долготой въ основѣ прошедшаго (лит. *kelù* . *kė̂lau*, лат.

celu : *cèlu*; лит. *beriù* : *bė́riau*, лат. *beriu* : *bēru*, лит *vemiù*, *vemiau*, лат. *vēmiu* : *vēmu* ; лит. *kuliù* : *kûlau*, лат. *kulu* (при діалект. *kulu*): *kūlu*, лит. *skiriù* : *skỹriau* лат. *szkiriu*, *szkīru* и т. п.). Нѣкоторыя отступленія отъ этого общаго правила отмѣчены Видеманомъ (Prät., p. 90 sq.); сюда относится напр. лит. *gulu*, *gulaĩ*, лат *gulu*, *gulu*, *gùlu*. Особенно слѣдуетъ замѣтить, что глаголы съ корневымъ *a* представляютъ только въ двухъ случаяхъ въ формѣ прошедшаго въ латышскомъ яз. *ā*, въ литовскомъ яз. въ одномъ случаѣ *ō*, между тѣмъ какъ въ остальныхъ относящихся сюда образованіяхъ является *a*. Въ числѣ глаголовъ ряда $a^e/^0$, съ разсматриваемымъ образованіемъ основы настоящаго времени, которые имѣютъ въ окончаніи корня какую-либо шумную согласную, есть также глаголы, представляющіе въ формѣ прошедшаго долгую гласную, при чемъ старое качество долготы было здѣсь именно прерывистымъ; та же долгая гласная является и въ формѣ неопредѣленнаго, а въ латышскомъ нерѣдко и въ формѣ настоящаго времени (ср. лит. *slepiù* : *slė́piaĩ* : *slẽpti*, лат. *slė́piu* : *slė́pu* : *slĩpt*, лат. *tèszu* и *teszu* : *tesu tèst*; лит. *puczù* ; *pūczaĩ* ; *pūsti*, лат. *pùszu*, *pùtu*, *pùst*). Изъ числа глаголовъ съ гласною *a* въ корнѣ только два глагола имѣютъ долгую гласную въ формѣ прошедшаго и неопредѣленнаго (лит. *smagiù*, *vagiù*).

О чередованіи гласныхъ въ корнѣ глаголовъ второго типа (не на *r*, *l* *m*) я уже имѣлъ случай говорить выше (стр. 116 сл.), что же касается глаголовъ первой категоріи, то я долженъ замѣтить слѣдующее уже одно то обстоятельство, что мы находимъ долгую гласную съ старой длительной долготой тамъ, гдѣ получена была старая краткая гласная, не оставляетъ никакихъ сомнѣній относительно того, насколько такое явленіе можетъ считаться старымъ. Остается только выяснить вопросъ, какимъ путемъ могло произойти такое новообразованіе. Если мы принимаемъ исторію литовскихъ основъ настоящаго времени типа *klûpau*, *lîndau*, (стр. 137), то нельзя не придти къ выводу, что появленіе длительной долготы въ случаяхъ обѣихъ категорій находится въ какомъ-то соотношеніи, въ какомъ именно—это для меня представляется пока неяснымъ.

Наконецъ, что касается глаголовъ, имѣющихъ основу настоящаго времени съ суффиксомъ *-sta*, то по отношенію къ разсматриваемому вопросу я могу сослаться на Видемана (Prät., p. 96).

Если мы обратимся теперь къ глаголамъ съ основами настоящаго времени на балтійское *i*, то найдемъ, что основа прошедшаго оканчивалась здѣсь въ общебалтійскомъ языкѣ на *ēja°a* (лит. *gulù. gulėjau*, лат. *gulu* : *gulėju*. Такого рода образованіе основы прошедшаго времени является новообразованіемъ по аналогіи другихъ глаголовъ. Равнымъ образомъ и всѣ типы глаголовъ съ производными основами настоящаго времени въ тѣсномъ смыслѣ этого термина имѣютъ въ основахъ формы прошедшаго времени несомнѣнныя новообразованія. Что касается спеціально глаголовъ на *-ůja*, то образованіе основы прошедшаго на *-avēa-* возникло здѣсь ближайшимъ образомъ подъ вліяніемъ глаголовъ на *-auja-* : *-aiēa-*.

Чтобы покончить съ исторіей основъ прошедшаго времени, мнѣ необходимо остановиться еще на тѣхъ новообразованіяхъ, которымъ они подверглись въ латышскомъ языкѣ. Съ одной стороны, здѣсь почти утрачены основы на общебалтійское *ēa*, которыя сохраняются частію діалектически, и слѣды которыхъ сохраняются въ литературномъ языкѣ въ смягченіи задненебной согласной въ окончаніи корня и въ закрытомъ *e*, которое является въ формѣ прошедшаго въ противоположность открытому *e* въ формѣ настоящаго (см. *Wiedemann, Lit. Prat.*, p. 180 и указанную тамъ литературу) Съ другой стороны, должно быть отмѣчено, что латышскій языкъ по отношенію къ образованію формъ лица прошедшаго времени представляетъ ту же особенность, какую мы видѣли и въ основахъ настоящаго времени типа лит. *zinaĩ*, а именно характерныя для производныхъ основъ на $\bar{a}^0$ и $\bar{e}$ личныя окончанія замѣнены здѣсь новообразованіями по аналогіи основъ на *a*; въ формѣ множественнаго числа сохраняется *à*.

Исторію сложныхъ основъ формы прошедшаго времени я разсмотрю впослѣдствіи, въ одномъ изъ дальнѣйшихъ изслѣдованій по исторіи формъ спряженія, въ связи съ прочими основами такого происхожденія.

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Образованіе основъ наклоненія.

Что касается основъ наклоненія, то, какъ мы уже видѣли, основа литовскаго и латышскаго желательноусловнаго наклоненія представляетъ по происхожденію старую сложную основу, а о сложныхъ основахъ я буду говорить въ одномъ изъ дальнѣйшихъ изслѣдованій по исторіи формъ спряженія въ балтійскихъ языкахъ. Тогда же я разсмотрю исторію сложныхъ основъ прусскаго повелительнаго и вообще всѣхъ другихъ сложныхъ основъ формъ наклоненія. Итакъ, мнѣ остается сказать только нѣсколько словъ о формѣ желательнаго и повелительнаго наклоненія. Въ прусскомъ языкѣ съ значеніемъ желательнаго являются между прочимъ формы стараго будущаго времени (напр. *Sugausai*, см. *Berneker*, Pr. Spr., p. 226 sq.). Что касается образованій повелительной формы, то здѣсь мы находимъ въ балтійскихъ языкахъ: 1) остатки старыхъ образованій этой формы (см. стр. 30), 2) образованія стараго желательнаго по тематическому и нетематическому спряженію (см. стр. 30), наконецъ, 3) извѣстныя сложенія (см. стр. 34). Остаткомъ стараго желательнаго является и литовскій пермитивъ (см. стр. 45—46).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Предисловіе .. .. III—IV

Объясненіе важнѣйшихъ сокращеній .... V—VII

ГЛАВА I Глаголъ и его формы въ языкѣ общеиндоевропейскомъ и въ балтійскомъ языкахъ ..... 1—5

ГЛАВА II Образованіе формъ лица въ балтійскихъ языкахъ ..... 5—72

a) форма 1-го л ед. ч 5
b) форма 2-го л ед. ч 16
c) форма 3-го л 35
d) форма 1-го л. мн. ч 51
e) форма 2-го л мн. ч.... 53
f) форма лица дв ч..... 55
g) формы лица литовско-латышскаго желательнаго наклоненія..... 56

ГЛАВА III Образованіе основъ формъ времени и наклоненія въ балтійскихъ языкахъ..... 72—164

Отдѣлъ первый. Образованіе основъ настоящаго времени. 72—159

Основы тематическаго спряженія:

a) общія замѣчанія 72
b) основы съ суффиксомъ *a*..... 78
c) основы съ суффиксомъ *sta*, *szta*..... 99
d) основы съ суффиксомъ *da*..... 109
e) основы съ суффиксомъ *ska*..... 110
f) общія замѣчанія о суффиксахъ *ja* *ja*..... 112
g) основы съ суффиксомъ *ja*..... 113
h) основы съ суффиксомъ *ja*..... ... 123
i) основы съ суффиксомъ *a : ē*... 128
j) основы съ суффиксомъ *ina*, *ena*..... 129
k) общія замѣчанія о „производныхъ“ основахъ... 132

l) производныя основы съ суффиксомъ *ā⁰a* 136
m) производныя основы съ суффиксомъ *ēa* 142
n) производныя основы съ суффиксомъ *āja* 142
o) производныя основы съ суффиксомъ *ōja* 143
p) производныя основы съ суффиксомъ *ējа* 145
q) производныя основы съ суффиксомъ *ija*..... . 148
r) производныя основы съ суффиксомъ *aurа* .. . 149
s) прочія производныя основы..... 150
t) общія замѣчанія о каузативахъ и фактитивахъ . 153
Основы негематическаго спряженія 156

Отдѣлъ второй Образованіе основъ будущаго времени.... 159—160

Отдѣлъ третій. Образованіе основъ прошедшаго времени.. 160—163

Отдѣлъ четвертый. Образованіе основъ наклоненія 164

Принятая мною система передачи звуковъ литовскаго и латышскаго языка слѣдующая: 1) звуки литовскаго языка я передаю въ общемъ согласно съ тою системою, которая введена Шлейхеромъ и общепринята въ лингвистикѣ, за исключеніемъ того, что знакомъ восходящаго ударенія у меня является знакъ греческаго облеченнаго ударенія введенный Куршатомъ, и что нисходящее качество ударенія мною, по примѣру Ф. Ѳ. Фортунатова, обозначается знакомъ /\; 2) звуки латышскаго языка передаются мною знаками латинскаго алфавита примѣнительно къ системѣ, принятой мною для литовскаго языка; знакомъ прерывистаго ударенія является у меня ’. Въ виду того, что типографія не имѣетъ отдѣльныхъ типовъ для буквъ съ упомянутыми надстрочными знаками, приходилось составлять необходимыя начертанія изъ двухъ (а иногда и трехъ) типовъ. Этимъ объясняются нѣкоторые пропуски подстрочныхъ знаковъ, отпавшихъ во время печатанія, а также и то обстоятельство, что вмѣсто *au̓*, *ar̓* и т. п. иногда являются *a̓u*, *a̓r*. На стр. 5 въ литовскихъ словахъ нисходящее удареніе обозначено по способу Куршата, такъ какъ въ самомъ началѣ печатанія еще не была окончательно установлена возможность пользоваться обычными для меня знаками.

Въ помѣщенномъ ниже спискѣ опечатокъ мною указаны только тѣ изъ числа замѣченныхъ мною погрѣшностей, которыя имѣютъ болѣе или менѣе существенное значеніе или не могутъ быть исправлены читателемъ. Такимъ образомъ не упоминаются пропуски запятыхъ, нѣкоторыхъ надстрочныхъ знаковъ (см. выше) и нѣкоторыя уклоненія отъ орѳографіи, вообще примѣняемой мною и кое въ чемъ отличающейся отъ правописанія акад. Грота, которыя произошли по той причинѣ, что корректоръ типографіи выправлялъ всѣ случаи, гдѣ мое правописаніе не сходится съ правописаніемъ акад. Грота.

ОПЕЧАТКИ.

Стр.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Должно быть.*
3,	2 сн.	обозначаемою	обозначаемаго
15,	3 сн.	Брыгманъ	Бругманъ
36,	1 сн.	u̯	u̯
42,	13 св.	приложевіемъ	приложеніемъ
43,	6 сн.	*testa̯*	*testa*
43,	3 сн.	*testa̯*	*testą*
44,	2 св.	кейданскаго	кайдатскаго
79,	2 св.	οἶδα	οἶδα
86,	6 сн.	*pů̊lu*	*pů̊łu*
87,	8 сн.	гласнаго	гласною
88,	13 сн.	bruku	brůku
89,	8 св.	‹ă›—vocale	‹ă›-vocale
92,	1 св.	ɗeiha	ϑeiha
92,	5 сн.	*-avo-*	*-ano-*
93,	12 сн.	*a*^{e}	*ā*^{e}
96, прим.,	3 св.	*mezù*	*mężù*
102, строк.	18 св.	*łâuziu*	*łâużiu*
112,	4 сн.	раздѣлю	раздѣляю
118,	4 сн.	sg	sq.
118, прим.		*kvèepstu*	kvèpstu
125, строк.	15 св.	ф. Θ.	Ф. Θ.
129,	3 сн.	*kãkdinu*	*kàkdinu*
150,	2 св.	*vîrkau ju*	*vîrkauju*
154,	7—8 св.	*aùdzèju, aùdzẽt*	*aùdzèju, aùdzèt*
158,	9 сн.	*lydziù*	*lydżù*
161,	21 св.	**нєсѣахъ**	**нєсѣахъ**
161,	23 св.	**жьдаахъ**	**жьдаахъ**

ПОПРАВКИ И ДОПОЛНЕНІЯ.

Страница 3, стр. 16 и сл. сн. Значеніе формы наклоненія опредѣлено мною неточно, а именно мнѣ слѣдовало бы сказать: формами наклоненія обозначалась здѣсь мыслимость сочетанія признака, обозначаемаго глагольною основою, съ субъектомъ этого признака по отношенію къ дѣйствительности, извѣстной въ моментъ рѣчи.

Страница 37, стр. 6 сн. Вмѣсто XI должно быть X класса.

Страница 40, стр. 11 и сл. сн. Я теперь не вижу достаточнаго основанія предполагать въ прусскомъ *bous* старую форму по нетематическому спряженію и объясняю ее изъ болѣе древняго **bousi*.

Страница 106, стр. 8 сн. Слѣдуетъ добавить, что Бругманомъ отмѣчены въ годлевскомъ говорѣ (*Leskien-Brugmann*, p. 315) *dzrîâuna, pîâuna, szâuna, râuna*, гдѣ основа на *na* можетъ быть старою, между тѣмъ какъ напр. *poterîâuna* представляетъ собою новообразованіе.

Страница 163, стр. 5 сн. Добавить: между тѣмъ какъ въ основахъ настоящаго и въ формѣ множественнаго числа основа на *a*. Это различіе обусловлено тѣмъ обстоятельствомъ, что въ основахъ прошедшаго времени не могло быть непосредственнаго вліянія со стороны основъ на *a* на форму множественнаго числа, а характерныя окончанія единственнаго числа устранены и замѣнены новообразованіями подъ вліяніемъ прочихъ формъ спряженія.

Страница 164. Добавить въ концѣ: Въ латышскомъ языкѣ въ формѣ множественнаго числа въ повелительномъ наклоненіи смѣшались старыя образованія повелительнаго на *-at* и желательнаго на *-ẽt*, и это обстоятельство вызвало и въ формѣ настоящаго времени при *at* также—*ẽt*.

Библиотека
Естественных наук